

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 6, 1978, ноябрь — декабрь

В номере:

И. Ф. Протченко. Русский язык — язык дружбы
и братства, просвещения и культуры 3

К 175-летию Ф. И. Тютчева

Н. П. Белевцева. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева
(по залам музея-усадьбы «Мураново») 11

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Д. Григорьева. «Золотые искры» поэта 20

Л. А. Гладышева. «Нам не дано предугадать, как
слово наше отзовется...» 26

Иван Сергеевич Тургенев. К 160-летию со дня рождения 32

Л. Б. Савенкова. «Записки охотника». Роль ме-
тонимии 36

Л. И. Еремина. «В слове открывается мир...» 41

К 125-летию В. А. Гиляровского

М. И. Нестеров. Речевой колорит эпохи в расска-
зах дяди Гиляя 48

С. А. Небольсин. Черный вечер — белый снег (о
стиле поэмы А. Блока «Двенадцать») 54

Н. С. Валгина. Стилистическая роль знаков препи-
нания в поэзии М. Цветаевой 58

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. П. Калакуцкая. О склонении некоторых фами-
лий в русском языке 67

С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» 71

ФРАЗЕОЛОГИЯ. ЛЕКСИКА

А. Л. Голованевский. О языке большевистских листовок	74
А. А. Брагина. Новая жизнь старых слов	77
В. А. Ицкович. В поисках единственного названия	84

ШКОЛА

Н. А. Ревенская. Движение вперед	91
--	----

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. Б. Еськова. Праздник юности и дружбы	96
---	----

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Л. И. Сазонова. Особенности старинного красно-речия	101
З. А. Гриценко. Загадочное «бъдынъ»	107

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

О. В. Малкова. Сказание, сказка	110
Н. В. Чурмаева. Гадание. Жребий	113

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение)	118
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Непреходящий	121
------------------------	-----

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1978 год	123
---	-----

На обложке: К 60-летию поэмы А. Блока «Двенадцать». Рисунок Б. Захарова

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

РУССКИЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК ДРУЖБЫ И БРАТСТВА, ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ

«Мы живем в удивительное, чудесное время свершения лучших надежд и самых высоких идеалов человечества. То, о чем мечталось веками, что было областью сказки, становится сегодня реальной действительностью». Этими словами открывается книга Шарафа Рашидовича Рашидова «Язык дружбы и братства» (М. Библиотека «Огонек». Изд-во «Правда», 1977. Изд-во «Фан». Ташкент, 1977).

Шараф Рашидович Рашидов — партийный и государственный деятель, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана, Герой Социалистического Труда. Он — известный узбекский писатель, автор сборника стихов «Мой гнев», трех романов: «Победители», «Сильнее бури», «Могучая волна», ряда других художественных произведений, а также публицистических и литературно-критических статей.

Книга Ш. Р. Рашидова о русском языке «Язык дружбы и братства», вышедшая одновременно в двух издательствах большим тиражом, не случайно получила широкую аудиторию читателей и быстрый отклик в печати (см. рецензии профессора М. К. Хамраева: «Язык дружбы» — «Комсомольская правда», 2 марта 1978; «Язык дружбы и братства» — «Советская педагогика», 1978, № 6).

Тот факт, что Ш. Р. Рашидов имеет огромный жизненный опыт, прошел большой путь партийно-государственной деятельности, несомненно благотворно сказался на содержании, широте охвата вопросов и глубине их освещения в книге «Язык дружбы и братства». В самом начале сле-

дует сказать еще и о том, что уже с первых страниц книги читатель с несомненностью и благодарностью отмечает не только по-писательски яркую, эмоционально-художественную манеру изложения, но и филологическую основательность (что вполне понятно, если напомнить, что автор книги в свое время, кроме партийно-политического, получил в Узбекском государственном университете также специальное филологическое образование). Книга написана популярно, доступным и живым языком, благодаря чему с первой до последней страницы читается с неослабевающим интересом.

Композиция книги отличается продуманной логичностью и, кроме небольшого введения, включает четыре главы, представляющие собою законченные и в то же время взаимосвязанные очерки, обстоятельно раскрывающие различные стороны рассматриваемой проблемы.

Во вводной части автор отмечает всемирно-историческое значение победы Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой в нашей стране осуществляется вековая мечта о строительстве нового общества — общества Мира, Труда, Свободы, Равенства, Братства и Счастья, самого справедливого и гуманного общества во всемирной истории.

На широком историческом фоне показано значение таких важных событий последнего времени, как XXV съезд КПСС, принятие новой Конституции, 60-летие Великого Октября, которые вызвали мощный подъем трудовой и политической активности всех народов СССР, дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества братских наций и народностей нашей страны. Подчеркивается, что одним из важных результатов успешного решения национального вопроса является беспрепятственное всестороннее развитие языков народов, населяющих Советский Союз, где в условиях взаимного доверия и сотрудничества в языковой жизни царит атмосфера равноправия, творческого взаимодействия и взаимообогащения.

Автор книги пишет о том, что советские люди любой национальности с искренней любовью относятся к русскому народу, который признается как старший брат в великой и многонациональной советской семье. О старшем брате — русском народе и его великом языке Ш. Р. Рашидов говорит столь взволнованно и ярко, что нельзя удержаться от точного воспроизведения его строго выверенных, лаконичных и в то же время возвышенно-поэтических,

задушевных слов: «Быть старшим братом в семье социалистических наций — большая честь и ответственность. И этого русский народ удостоился не только потому, что он был и остается самым многочисленным народом нашей страны. Роль русского народа как ведущей нации в содружестве братских народов определяется прежде всего тем, что он вынес на своих плечах наибольшую тяжесть в борьбе против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего строя, за прогресс общества, за человеческое счастье. Русский народ пролил немало крови, принес немало жертв во имя наших общих целей. Благодаря усилиям всех народов нашей страны и прежде всего русского народа, его мужеству и отваге были разгромлены захватчики, посягавшие на свободу и независимость нашей Родины. Русский народ показывал и показывает образец трудолюбия и героизма, бескорыстной помощи всем братским народам, большим и малым.

Русский народ создал свою великую культуру, он создал могучий русский язык — яркий, как радуга после весеннего ливня, меткий, как стрелы, певучий и богатый, задушевный, как песня над колыбелью» (Язык дружбы и братства, М. Библиотека «Огонек». Изд-во «Правда», 1977, с. 5; далее цитаты приводятся по этому изданию).

В первой главе — «Великий и могучий язык» — дается общая характеристика русского языка как национального языка великого русского народа, освещается в историческом плане его существенная роль в прошлом и современном развитии культуры. Здесь приводятся высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о русском языке, отзывы ряда выдающихся писателей, прогрессивных деятелей отечественной и мировой культуры; подчеркивается большое значение русского языка в развитии революционной мысли, общественно-демократического движения, передовой культуры и просвещения. Автор рассказывает о борьбе народов национальных окраин дореволюционной России против своих, местных поработителей и против царизма за свободу, социальный прогресс и о роли русского языка в этой борьбе как носителя революционных идей и передовой культуры. Волны революционного движения докатились до Туркестана и, как пишет Ш. Р. Рашидов, пробуждали отсталые, пребывавшие в оковах религиозных предрассудков народные массы этого края, причем «носителем идей прогресса был русский язык» (с. 12). Многие значили встречи прогрессивных деятелей Средней Азии

с выдающимися учеными России, с ее писателями, революционно настроенными рабочими, с профессиональными революционерами. Эти встречи открывали глаза на мир, вводили в курс революционных событий в России и за ее пределами, выковывали революционное самосознание; они убеждали в искренности братских чувств русского народа к другим народам, прививали любовь к русскому языку и сознание необходимости его глубокого изучения. Это было тем более важно в обстановке того времени, на рубеже XX века, когда, как подчеркивает автор, вопрос об отношении к русской культуре и русскому языку приобрел политическую остроту; от его решения зависел выбор пути: ориентироваться ли на отсталую Турцию и Иран, за спиной которых стояли английские и другие колониалисты (за это ратовали представители феодально-клерикальной реакции), либо идти вместе с Россией, с русским народом, как убежденно считали прогрессивные деятели Средней Азии и других национальных районов России, видевшие в этом пути надежную гарантию будущего социального и культурного прогресса. Надо отметить, что борьба за этот путь осложнялась в те годы реакционной национальной политикой царизма. Однако этот путь победил, в чем огромная заслуга прогрессивных деятелей и страстных пропагандистов передовой русской культуры и русского языка. Они разъясняли своим согражданам, что реакционному самодержавию в России противостоят прогрессивные силы, за которыми будущее.

В данной главе говорится о плодотворной деятельности таких узбекских просветителей, как Фуркат, Саттархан, Мукими, Хамза, а также представителей передовой мысли других народов. Здесь же кратко излагается вопрос о переводе узбекской письменности на русскую графику, о положительном значении этого акта.

Во второй главе рассказывается об исторической роли русского языка и о факторах, которые способствовали движению этого языка как средства межнационального общения народов Советского Союза.

Автор справедливо отмечает, что в возникновении новой исторической общности людей — советского народа, в развитии культуры народов СССР, социалистической по содержанию и национальной по форме, выдающуюся роль сыграл ранее и продолжает играть ныне русский язык.

Здесь приводятся данные о росте числа знающих русский язык как в целом по стране, так и в Узбекской рес-

публике, что является закономерным результатом происшедших в стране коренных преобразований, следствием повышения грамотности и культуры населения, последовательного курса ленинской национальной политики, торжества идей дружбы, братства и сотрудничества народов. Особенно впечатляющими оказываются те страницы книги, где ее автор обстоятельно рассказывает о том, как во всем укладе жизни, в экономике, науке и культуре, в просвещении, в условиях братской помощи народов, населяющих нашу страну, происходили благотворные перемены на древней земле Узбекистана. Действительно, из отсталой в промышленном отношении окраины Узбекистан превратился в республику передовой, могучей индустрии, где сейчас насчитывается более 100 отраслей промышленного производства. На смену дореволюционному патриархальному производству с тяжелым ручным трудом дехкан в сельское хозяйство пришло крупное, многоотраслевое высокомеханизированное производство, при котором Узбекская ССР стала не только основной хлопковой базой страны, но и крупным поставщиком некоторых других важных продуктов земледелия и животноводства.

Самые глубокие перемены отмечены в результате послеоктябрьской культурной революции. О чем говорят только несколько примеров из этой области? Всего лишь два (!) процента от общей численности населения — таков уровень грамотности в Узбекистане до 1917 года. Ныне Узбекская республика — край сплошной грамотности. Ранее здесь не было ни одного высшего учебного заведения, а теперь — 42 вуза с числом обучающихся около 250 тысяч студентов.

В Советском Узбекистане имеется высший научный орган — Академия наук и другие научные учреждения; в республике насчитывается более 30 тысяч научно-педагогических работников и в их числе 100 академиков и членов-корреспондентов, 745 докторов и 10 с половиной тысяч кандидатов наук, а общая численность занятых в народном хозяйстве республики работников с высшим и средним специальным образованием определяется в 570 тысяч человек или втрое больше, чем было во всей дореволюционной России. Широко развиты издательское дело, печать, радио, телевидение, искусство и литература.

В советское время изменился весь уклад жизни и мировоззрение населения, которое приобщилось к передовой культуре русского народа, к русскому языку. Об этом

говорит такой факт: в 1926 году только незначительная часть коренного населения владела русским языком, а теперь подавляющее большинство нерусских, в их числе и узбеки, считают русский язык вторым родным языком, которым они владеют свободно. Наряду с узбекским русский язык в республике изучается во всех общеобразовательных школах, техникумах и высших учебных заведениях; он стоит в ряду основных учебных дисциплин.

Надо добавить к этому, что Узбекистан вправе гордиться многими полезными начинаниями в области изучения и преподавания русского языка не только в школах и других учебных заведениях, но и в дошкольных учреждениях. Так, по настоянию родителей в республике введено систематическое обучение русскому языку задолго до школы в виде «первых уроков грамоты» в программе многих сотен детских садов, где малышей учат русской разговорной речи (см. об этом в корреспонденциях газет: «Язык семьи великой». — «Правда», 21 октября 1975; «Мы говорим по-русски». — «Учительская газета», 13 декабря 1977). В этих статьях сообщается, что в школах увеличено время на изучение русского языка с 1-го по 10-й классы; в республике открыто 11 школ-интернатов с углубленным изучением русского языка. В Ташкенте работает педагогический институт русского языка и литературы, который уже подготовил около 5,5 тысяч преподавателей, причем большинство из них — это представители местных национальностей.

В последнее время ЦК КП Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР разработали ряд мероприятий, которые должны обеспечить дальнейшее улучшение работы по преподаванию и изучению русского языка в республике. Вполне закономерно, что в последние годы именно в Узбекистане, как в одном из центров разработки и внедрения передовых методов изучения и организации преподавания русского языка в национальных школах, сложилась практика проведения всесоюзных и межреспубликанских конференций, совещаний и семинаров, посвященных обобщению опыта работы в этой важнейшей области.

В третьей главе показана роль русского языка как мощного фактора интернационального воспитания, действенного средства идейной закалки нового человека. Здесь подчеркивается, что в нашей стране нет противоречий между национальными и интернациональными интересами людей, а существует их диалектическое единство. Столь же гармонично сложилось и взаимодействие языков: по-

сколько нет в нашей стране условий, порождающих антагонизм между нациями, постольку нет почвы и для соперничества языков, которые развиваются на основе равноправия. В процессе языковых контактов широкое распространение получило национально-русское двуязычие, когда в качестве второго выступает язык межнационального общения, то есть русский язык. Большое значение имеет перевод книжной продукции с местных, национальных языков на русский язык, ибо это расширяет поле действия книг: через русский язык они выходят на общесоюзную и международную арену, произведения иноязычных авторов как бы находят свою вторую жизнь.

В этой главе кратко говорится о распространении русского языка за пределами СССР, о его роли в современном мире; автор делится с читателями личными наблюдениями, почерпнутыми во время зарубежных командировок, приводит яркие свидетельства любви людей различных стран к великому русскому языку, к Стране Советов.

Четвертая (и последняя) глава книги посвящена анализу практики обучения русскому языку в Узбекской республике, путям улучшения этой работы, мерам дальнейшего повышения качества подготовки педагогических кадров.

В подготовке педагогических кадров, отмечает автор, большую помощь Узбекистану оказывают вузы РСФСР и Украины, где в последние годы уже получили квалификацию более четырех тысяч учителей русского языка и литературы, а в настоящее время там еще обучаются свыше семи тысяч узбекских юношей и девушек.

Важнейшее условие успешной подготовки учителей — достижение единства обучения и воспитания, сочетание знаний и мировоззрения. Неразрывная связь воспитания и обучения должна быть всегда и везде в центре внимания: «Урок в школе или лекция в вузе по любой дисциплине, не имеющие воспитательного значения, не приносят пользы», — пишет автор (с. 42).

Справедливо подчеркивается та мысль, что для успешного выполнения воспитательных задач главное лицо в этом деле — учитель должен быть творчески инициативным, высокоидейным человеком, умеющим не только передавать знания, а добиваться того, чтобы знания превратились в убеждения.

«Только тогда знание теории чего-нибудь стоит, когда оно превращается в убеждение...», — говорил товарищ Л. И. Брежнев,

Эти важные положения рассматриваются автором книги применительно к преподаванию русского языка.

«В наше время,— пишет Ш. Р. Рашидов,— образованных людей делают не одни профессиональные знания, а сочетание знаний и мировоззрения. Фундамент такого органического сочетания закладывается в семье, в дошкольных учреждениях и главным образом в школе. Из этого должна исходить вся наша методология, наша работа по преподаванию русского языка. Эта проблема комплексная — лингвистическая и педагогическая, политическая и идеологическая».

Ш. Р. Рашидов всюду на страницах своей книги с большой любовью говорит о великом русском языке, о языке В. И. Ленина, о языке первооткрывателей Вселенной и первопроходцев новой жизни, на котором созданы замечательные образцы научной, общественно-политической и художественной мысли.

На одной из страниц книги можно прочитать следующую развернутую авторскую характеристику русского языка, которой нам и хотелось закончить этот обзор: «Русский язык, исключительно гибкий и насыщенный яркими красками,— это язык всеобъемлющего художественного диапазона. В нем органически сочетаются и как бы сливаются воедино могучая сила и нежность, выразительность и меткость, твердость и певучесть, живость и образность, крепость и мелодичность, гибкость и мягкость, красочность и сочность, изящество и простота, лаконичность и распространенность, пленительная красота слова и его доступность, народность. Замечательные свойства русского языка позволяют точно и с исчерпывающей полнотой выражать любые мысли, простые, обыденные и самые сложные научные понятия, тончайшие смысловые и интонационные нюансы, глубокие чувства и поэтическое вдохновение, разнообразные аспекты человеческих отношений, с железной логикой строить доказательства, делать речь яркой, образной, убедительной, понятной для каждого; где нужно — трогательной и нежной, строгой и серьезной, страстной и острой, бойкой и живой, придавать ей теплоту и задушевность, находить пути к сердцу человека, ободрять и окрылять друга, метко разить врага...».

*Член-корреспондент АПН СССР
И. Ф. ПРОТЧЕНКО*

*Музей-усадьба «Мураново»
им. Ф. И. Тютчева. Внешний
вид*

К 175-летию Ф. И. Тютчева

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА 1803—1873

Во залам музея-усадьбы «Мураново»

В Подмоскowie, в Муранове, в музее-усадьбе им. Ф. И. Тютчева хранятся архив поэта, обстановка петербургского кабинета и спальни, многие другие предметы, связанные с его жизнью и творчеством.

В кабинете Ф. И. Тютчева многочисленные портреты поэта и его родных. Матушка его, по словам биографа поэта И. С. Аксакова, была женщиной замечательного ума... «с фантазией, развитою до болезненности», отец, Иван Николаевич, отличался «необыкновенным благодушием, мягкостью, редкою чистотою нравов». В обстановке любви и заботы рос будущий поэт. Сохранилось одно из

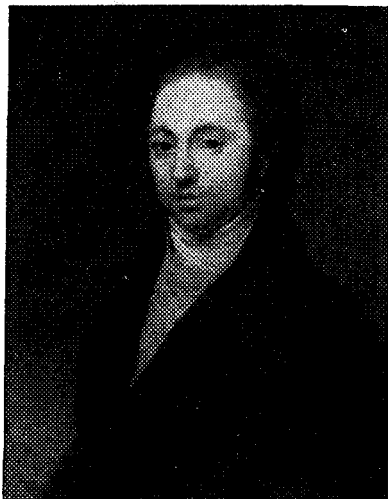
*Екатерина Львовна,
мать поэта. Портрет
работы неизвестного
художника*

первых его стихотворений, посвященное дню рождения отца. Вот оно, написанное десятилетним мальчиком:

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принести могла!
Букет цветов? — но флора отцвела,
И луг поблекнул и долина.
Просить ли мне стихов у муз?
У сердца я спрошусь.
И вот что сердце мне сказало:
В объятиях счастливой семьи,
Нежнейший муж, отец-благотворитель,
Друг истинный добра и бедных покровитель,
Да в мире протекут драгие дни твои!
Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вокруг себя радость узришь ты.
Так солнце, с горней высоты,
С улыбкой смотрит на цветы,
Его лучами оживленны.

Любезному папеньке!

В 18 лет Тютчев окончил словесное отделение Московского университета и получил степень кандидата. К этому времени он был уже сотрудником Общества любителей российской словесности. Он уезжает в Баварию, в Мюнхен, в качестве сотрудника русской дипломатической мис-

*Иван Николаевич,
отец поэта. Портрет
работы Ф. Кюнеля*

сни. За границей он провел 22 года. Там Тютчев сформировался как личность и как поэт.

Мюнхен в 20-е годы XIX века живет насыщенной интеллектуальной жизнью. Возводятся новые архитектурные сооружения, открываются музеи. В Мюнхенском университете преподают лучшие европейские ученые. В 1827 году в Мюнхен приезжает уже ставший широко известным поэт Г. Гейне.

Тютчев посещает лекции, беседует, спорит. По свидетельству современников, с философом Шеллингом его связывают многолетние дружеские отношения. Ученый отзывался о русском поэте, как о «превосходнейшем и очень образованном человеке».

Здесь, в Мюнхене, Тютчев много переводит из Гейне (первый из русских поэтов), Шиллера, Байрона, Гете, создает ряд превосходных оригинальных произведений. В 1836 году некоторые из них в подборке из 24 стихотворений были напечатаны в третьем и четвертом томах журнала «Современник», который редактировал А. С. Пушкин.

В этих стихах дар Тютчева заявил о себе полно и ярко. Его перу оказались подвластны и дивной красоты картины наступающей весны, горные пейзажи (Весенние воды, Утро в горах), и изображение «роковых минут» мировой истории (Цицерон), и мистические состояния человеческой души, соединение в ней горнего и дольного (Вечер мглиц-

*Ф. И. Тютчев после
окончания универси-
тета*

тый и ненастный, Яркий снег сиял в долине, Восток адел,
ладья катилась). Жизнь поэта со всем грузом глубоких
переживаний, воспоминаний находит отражение в таких
шедеврах, как «Silentium», «Душа хотела б быть звездой»,
«Как птичка раннею зарей», «Душа моя — Элизиум теней».

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

«Не то, что мните вы, природа...»

Эти горячие, полемические слова поэта дают ключ к
пониманию чарующих стихов Тютчева о природе. Именно
в те годы рождается такая типичная для Тютчева двух-
частная форма стихотворений о переживаниях мира при-
роды и человека, органическое их соединение (Фонтан,
Сон на море, «Что ты клонишь над водами...»):

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеисильный хлад не может:

СОВРЕМЕННОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ,

ПРИСЛАННЫЕ ИЗ ГЕРМАНИИ

I.

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Давно небеса смелая,
Вечной оныи грозой,
И между горъ, далеко вдали,
Давно, снѣжной вѣтвей.

Давно, вонзая горъ, до облаковъ,
Грудами покрывающа свѣтъ,
Вашъ бы вѣдушій рунъ,
Вашебство, оловячье падѣтъ.

*«Современникъ»,
1836 год*

Она все льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя,—
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

«Поток сгустился и тускнеет...»

А. С. Пушкин, которому стихи Тютчева были представлены В. А. Жуковским и П. А. Вяземским, пришел от них «в изумление и восторг» и «дал им справедливую и глубоко прочувствованную оценку».

В Мурановском музее выставлен третий том «Современника» за 1836 год, который открывается подборкой — «Стихотворения, присланные из Германии».

Ф. И. Тютчев

Тютчев покинул Европу накануне революционных потрясений. Живя там, он тонко улавливал состоящие предгрозовой напряженности, «роковые минуты» мира:

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье...

Возвратившись на родину в 1844 году, Тютчев попадает в ту душную атмосферу российской жизни, которая определялась царствованием Николая I. «Все движется около кнута и чина» — таков приговор поэта. Народ обездолен и нищ.

Тютчев начинает службу в Комитете иностранной цензуры. Именно он способствует напечатанию ранее запрещенных произведений западных авторов: Байрона, Бальзака, Ламартина, Гейне, Дарвина и других. Благодаря этому русский читатель знакомится с проблемами, которые волновали европейские умы накануне революции 1848 года, с теми проблемами, которые стоят при дверях России.

Многолетняя дружба связывала поэта с П. А. Вяземским. Она позволяла Тютчеву, обладавшему поразительным даром живого слова, высказать многое из того, что лежало

Фотография П. А. Вяземского, вправленная в стеклянное пресс-папье

на душе в эти тягостные для России годы. «Разговор его [Тютчева] возбуждает вопросы и рождает ответы, а разговор многих других возбуждает одно молчание» (Из письма П. А. Вяземского А. И. Тургеневу). Фотографию П. А. Вяземского, автора двух стихотворных посланий Ф. И. Тютчеву, вправленную в стеклянное пресс-папье, можно увидеть на письменном столе поэта.

Катастрофа русско-турецкой войны подтвердила многие пророческие волнения поэтов. «Ветошь и бесчестие» официальных кругов России возмущают Тютчева. Героизм и самоотверженность простых солдат, защитников Севастополя, вызывают преклонение.

Беспощадную историческую оценку дает Тютчев Николаю I, которого считает главным виновником краха внутренней и внешней политики России:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

«Не богу ты служил и не Россия...»

Время же, наступившее после смерти Николая I, он называл «оттепелью».

В 50-е годы к Тютчеву приходит известность. Н. А. Некрасов, проанализировав все стихотворения Тютчева, напечатанные до 1840 года в журнале «Современник», сделал такой вывод: «...мы решительно относим талант г. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам». В 1854 году в «Современнике» в качестве приложения помещаются 92 стихотворения Ф. И. Тютчева. В этом же году 101 стихотворение поэта увидели свет, изданные отдельной книжкой. Свою критическую статью о поэзии Ф. И. Тютчева И. С. Тургенев, редактировавший издание 1854 года, завершает пророческими словами: «Г-н Тютчев создал речи, которым не суждено умереть».

Свойственная Тютчеву страстная любовь к жизни, трагическое переживание ее увядания и одновременно — мужественное преодоление страданий — вот то, что рождает тончайшие «пейзажи в стихах» (определение Некрасова), глубочайшие философско-поэтические обобщения, проникновенную любовную лирику.

Только из души, страстно влюбленной в этот земной мир, могли исторгнуться эти удивительно простые и знакомые нам с детства слова:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Весенняя гроза

Вслушаемся в тютчевское разрешение томительных времен бытия:

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, — вдруг, знает бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет
Так иногда, осеннюю порою,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

«Когда в кругу убийственных забот...»

Значительна и ярка любовная лирика Тютчева. Он сам горячо любил и был преданно любим. В стихах поэта — страдание, вина, преклонение перед любимой:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

«О, как убийственно мы любим...»

Поэзия Тютчева широко известна и любима. За последние 60 лет он издавался более 40 раз (в том числе академическое издание). Тираж его произведений достигает трех миллионов экземпляров. Тютчеву посвящено около 200 специальных работ. В том числе фундаментальные исследования Ю. Н. Тынянова, Г. И. Чулкова, Д. Д. Благого, К. В. Пигарева, Н. Я. Берковского.

Круг почитателей поэзии Ф. И. Тютчева ширится, все новые поколения, переживая образы тютчевской поэзии, включают их в свой бытийный и художественный опыт.

Н. П. БЕЛЕВЦЕВА

Поэзия Тютчева, в лучших своих созданиях, жива не метафорами и антитезами, как поэзия французская, но целостностью замысла и невучестью строфы, как поэзия немецкая...

Пушкин умел определять предметы по их существу. Тютчев стремился их определять по впечатлению, какое они производят в данный миг. Именно этот прием, который теперь назвали бы «импрессионистическим», и придает стихам Тютчева их своеобразное очарование, их магичность.

В. Я. Брюсов

Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знакомых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст.

В. А. Соллогуб

«ЗОЛОТЫЕ ИСКРЫ» ПОЭТА

Поэзия Ф. И. Тютчева занимает в литературе XIX века особое место. Г. А. Гуковский говорит о Тютчеве как о поэте «единой тональности, развивающейся, изменяющейся, но остающейся голосом поэта, его личным тоном, пронизывающим множество его стихотворений» (Г. А. Гуковский. Пушкин и проблема реалистического стиля. М., 1957, с. 109). Неповторимость этого «личного тона» непосредственно отражается прежде всего в языковой организации его стихотворений.

Способы самовыражения поэта могут быть многообразны. Тютчев — поэт «малой формы», стремящийся уловить и запечатлеть в своих произведениях мимолетное мгновение в жизни природы или душевное движение, ощущение, часто смутное, но осознаваемое. Ю. Тынянов пишет: «Фрагментарность, малая форма, сужающая поле зрения, необычайно усиляет все стилистические ее особенности. И прежде всего словарный, лексический колорит» (Ю. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977).

Именно «малая форма» позволяет читателю легко охватить связь всех составных элементов произведения в гармоническом единстве, подчиненном единому настроению.

Каждый стихотворный текст заключает некоторое сообщение. Слова, посредством которых оно осуществляется, определенным образом синтаксически организованные, несут пластический (зримый) образ и мысль. Отбор их подчинен установке поэта на наи-

более впечатляющее выражение мысли и образа, обычно тесно взаимосвязанных, то есть па формирование «эмоционального» образа текста, того впечатления, переживания, настроения, которое испытывает поэт и к которому он стремится приобщить читателя.

Своеобразие отбора и группировки лексического материала особенно ярко прослеживается в пейзажной лирике Тютчева, являющейся, по словам Д. Д. Благого, «художественно поэтическим его достижением», «...его лирика 40-х начала 70-х гг., — пишет он, — стремится запечатлеть природу в ее движении, переходных состояниях, смене явлений. И в то же время его поздняя лирика сложнее, многообразнее прежней. В ней появляются стихотворения, которые отличаются предельной точностью и тонкостью словесного рисунка, создающие образы столь же глубоко поэтические, сколько и правдивые, реалистические» (Д. Д. Благой. «Гениальный русский лирик». Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. М., 1954, с. 451).

В качестве иллюстрации приведем анализ двух его стихотворений из цикла «пейзажной» лирики.

I

Стихотворение «Под дыханьем непогоды» воспроизводит бурный поток, отражающий сумрачное небо и свет узкой полоски заката.

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.
Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой веноч...

Внимание поэта сосредоточено на текущей воде и отражающихся в ней огненных световых бликах. Это определяет и отбор основных объектов внимания автора — *поток* (вода, волна) и *вечер* (в стихотворении этим словом обозначается и вечернее время, и вечернее небо, и полоска зари).

Объекты эти даны в их взаимодействии, зрительно выражающемся в смене цветовых пятен. Поэтому слова, называющие цвет или вызывающие представление о цвете, являются в тексте господствующими. Почти половина всех слов стихотворения несет

в себе цветообозначение непосредственно (например, *багровый, золотой, огневой, пасмурный, суровый, темно-лазурный, пламенный*) или опосредствованно как представление об устойчивой цветовой характеристике того или иного предмета или явления (например, слова *непогода, свинец, потемневшая вода* связаны со свойственным им цветом — свинцовым, серым с глянецом, тусклым, а слова *луч, закат, роза* — с цветом красным, желтым, золотым, огненным). Тютчев часто прибегает и к слиянию контрастных цветов (ср. *пасмурно-багровый, пламенный и бурный*), создавая этим впечатление смены, смешения цвета.

Чередование слов, несущих разные цветовые обозначения (здесь два основных тона), имеет свой ритм, а смена ритмов создает представление о непрерывном движении воды. Впечатление движения, «колебательности» создают в тексте и цветообозначения три сопоставления целых строф. В первой строфе акцент сделан на *суровом* цвете, представление о котором здесь несут слова: (дыханье) *непогоды, пасмурно-(багровый), воды потемнели, подернулись свинцом, глянец их суровый*, рисующие картину пасмурного непогожего вечера. *Багрово-золотой* цвет пробивается сквозь господствующий суровый тон только в конце строфы, где «*Вечер пасмурно-багровый Светит радужным лучом*». Во второй строфе в центре внимания *багрово-золотой* цвет: *искры золотые, розы огневые, (вечер, где «закат») пламенный обрывает свой венок* (а *венок* — это опять те же *алые розы*). Серый цвет отходит здесь на второй план, он лишь оттеняет багровый и золотой — заключен лишь в словах *волна темно-лазурная* и в указании на *бурность* вечера.

Так создается колебание в насыщенности строф разным цветом.

Если первая строфа констатирует состояние погоды и потока, то вторая представляет поток в бурном движении. Этому способствует смена параллельных по своей структуре стихов-перифраз, смена которых создает представление о возникновении световых пятен, смене их свинцовой волной и появлении их вновь и вновь,

- 1) Сыплет искры золотые,
- 2) Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
- 3) Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок.

Все три перифрастических выражения объединены единым смыслом, но этот смысл представлен в ярких, зримых, образных уподоблениях, каждое из которых возбуждает у читателя свои зрительные и эмоциональные ощущения.

Стихотворение «Тихо в озере струится...» перекликается со стихотворением «Под дыханьем непогоды». Водная поверхность и отражения в ней вообще часто привлекали внимание художников. «Очевидно,— пишет Б. Бухштаб,— зыбкое отражение в воде представляет больше свободы фантазии художника, чем сам отраженный предмет» (Русские поэты, Л., 1970, с. 137). В стихотворении «Тихо в озере струится...» эмоции автора вызваны отражением в спокойной водной глади архитектурных памятников Царскосельского сада. Легкая зыбь придает отраженному в озере миру жизнь: очертания опрокинувшихся в него предметов мерцают, колеблются. И поэту представляется уснувшее царство. Если в стихотворении «Под дыханьем непогоды» чувствуется некоторая тревога, то стихотворение «Тихо в озере струится...» излучает наслаждение красотой, полно покоя.

Тихо в озере струится
 Отблеск кровель золотых,
 Много в озере глядится
 Достолавностей былых.
 Жизнь играет, солнце греет,
 Но под нею и под ним
 Здесь бывшее чудно веет
 Обаянием своим.
 Солнце светит золотое,
 Блещут озера струи...
 Здесь великое бывшее
 Словно дышит в забвенье;
 Дремлет сладко, беззаботно,
 Не смущая дивных снов
 И тревогой мимолетней
 Лебединых голосов...

Показательны и для этого стихотворения отбор и группировка слов, определяющих эмоциональное восприятие текста. Здесь мало наименований конкретных предметов: *озеро, струя, солнце и кровли золотые*. Они необходимы для создания общего зрительного представления-отражения в озере в ясный солнечный день царскосельского ансамбля. Правда, здесь есть и лебеди, но об их присутствии мы узнаем лишь по *лебединым голосам*. Впрочем, и дворцовые строения представлены лишь одной своей частной деталью — *кровлями золотыми*. Подобная метонимическая отсылка по части к целому поддерживает установку поэта на создание впечатления иллюзорности отраженного в озере реального мира.

Большая часть имен существительных текста — абстракции, но скрывают за собой вполне конкретные вещи: дворцовые строения, памятники названы *достолавностями былыми, былым, вели-*

ким былым, подчеркивающими их значение в прошлом за счет их пластического облика в настоящем. Остальные существительные текста обозначают состояния или явления: *отблеск, жизнь, обаяние, забытье, сны, тревога*. Любопытна связь этих существительных со словами, обозначающими предметные представления: они занимают в сочетаниях грамматически господствующее положение, «управляют»: ср. *отблеск кровель, тревога голосов, много достославностей былых; много достославностей былых глядится в озеро, струи озера блещут, былое веет обаянием*. Из конкретных явлений непосредственно названы *солнце (светит золотое, солнце греет)* и *струи озера блещут*. Таким образом, вещьность, конкретность здесь как бы отстраняется поэтом, отодвигается на второй план, позволяя выделить слова, несущие состояния, признаки, ощущения, качества.

Эмоциональная атмосфера стихотворения определяется и оборотом эпитетов. Ср. их ряд: (струится) *тихо, отблеск кровель золотых* (где не только *золотой отблеск*, но и *золотые кровли*), *чудно* веет обаянием (наречие *чудно* по своему смыслу от *чудо, волшебство*) тесно связано с обаянием (*очарованием*), *солнце золотое светит* (указание на «блеск», представленное в *золотое*, в качестве частички смысла, есть и в слове *солнце* и в слове *светит*). Представление о «блеске» есть и в сочетаниях *достославности былые* и *великое былое*, где блеск славы и величия. В строке: *былое дремлет сладко, беззаботно, дивные сны* — все определения несут положительные оценки, восхищение поэта и обозначение покоя. Эта «золотая» умиротворенность, излучаемая пейзажем, не нарушает «и мимолетная тревога *лебединых голосов*». К тому же прилагательное *лебединых* отсылает к носителям этих голосов — *лебедям*, а эта царственная птица хорошо вписывается в созданное поэтом золотое очарованное царство.

Таким образом, все стихотворение пронизано двумя смысловыми линиями — *блеска и покоя*. Они представлены в буквальном или переносном смысле следующими словами: 1. *блеск*: *отблеск, золотых, солнце, светит, золотое, играет (жизнь, где о блеске поверхности воды. Ср. бриллиант играет, хрусталь играет), блещут струи, великое и достославности*; 2. *покой*: *дышит в забытье, дремлет (сладко, беззаботно), снов дивных (не смущая)* и, наконец, *тихо* (струится).

Тютчев прибегает в этом стихотворении к своему излюбленному приему — повтору слов, несущих в себе господствующие образы — здесь *блеск, сверканье и покой, забытье*. Один и тот же смысл многократно называется повторением слова, корня слова, обращением к синонимам — словам или сочетаниям, к словам разным, но близким элементами заложенного в них смысла. Ср.

в озере — в озере — озера; бывых — бывое — бывое; золотых — золотое; струится — струи; отблеск — блещут; дышит — веет (дышит в поэзии XIX в. было синонимом веет: о ветре, воздухе); досто­славности — великое бывое; дышит в забвѣти — дремлет.

Повторение одного и того же смысла, представленного в раз­ной словесной оболочке, завораживает, погружает читателя в со­стояние спокойной созерцательности.

Но Тютчев повторяет не только слова, он повторяет один и тот же пластический образ. Так, первые четыре стиха заключают в себе два предложения с общим смыслом: «в озере отражаются архитектурные памятники Царского Села». Содержание это дается лишь намеком, наименованием детали ансамбля (*кровли золотые*) в первой строфе, во второй вообще лишь оценочным обозначением целого (*досто­славности бывые*). В первом — деталь облика, во втором — его внутренняя сущность. Близким смыслом, окрашенным подчеркнутой эмоциональностью поэта, наполнены последние два стиха первой строфы (*Здесь бывое чудно веет Обаянием своим*) и 3 и 4 стихи второй (*Здесь великое бывое Словно дышит в забвѣти*). Общим смыслом отмечены и стихи «Жизнь играет, солнце греет» и «Солнце светит золотое, Блещут озера струи», где подчеркивается солнечный свет и блеск водной поверхности.

Итак, рассмотренный прием повтора — одна из ярких черт творческого почерка Тютчева. Этот прием опирается на удиви­тельную способность поэта ощущать те смысловые оттенки, кото­рые в определенных положениях в тексте несет отдельное слово. К этому приему обращается Тютчев, используя все возможные конструктивные элементы текста — от малых до крупных соеди­нений слов. В рассмотренных стихотворениях организация лекси­ческого материала подчинена творческому заданию — создать оп­ределенное впечатление, дать почувствовать читателю то, что чувствует автор в данный конкретный миг — и это всегда удается поэту. «Самое вещество слова как бы теряет [у Тютчева — А. Г.], — пишет И. С. Аксаков, — свою вещественность... Вещество слова у Тютчева как-то одухотворяется, становится прозрачным. Мыслью и чувством трепещет вся его поэзия».

А. Д. ГРИГОРЬЕВА

Каждое его стихотворение начинается мыслью, но мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления.

И. С. Тургенев

«Нам
не дано
предугадать,
как слово
наше
отзовется...»

Л

ирические шедевры Ф. И. Тютчева стали источником ряда крылатых афоризмов и устойчивых словосочетаний, которые

так прочно вошли в наше сознание и в нашу речь, что мы часто цитируем их, забыв, кому принадлежат эти прекрасные строки минувших лет. Среди них — и раздумья о дальнейшей судьбе творческого наследия поэта (*Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется*), и восторженное преклонение перед гением Пушкина (*Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..*), и страсти к эпохам социальных потрясений (*Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые*), и восхищенная любовь к природе (*Люблю грозу в начале мая, Громокипящий кубок*), и волшебные слова о любви (*Я встретил вас — и все былое.. В те баснословные года*).

К стихам Ф. И. Тютчева, по свидетельству современника, «с изумлением и восторгом» отнесся Пушкин, Тургенев ставил «решительно выше всех его собратьев», современных русских поэтов, поэзию его ценил и любил В. И. Ленин.

Поэтический талант Тютчева внес в русскую национальную фразеологию свой особый мир, неповторимое отношение к действительности, почти математическую точность афористического мышления, эмоциональность.

Рассмотрим некоторые поэтические фразеологизмы Тютчева, получившие широкое распространение в языке современности.

Так, хорошо известно в наши дни его стихотворение из одной строфы, не имеющее заглавия:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Поэт делится в нем с читателем своими сомнениями и тревожными раздумьями о судьбе поэтического наследия, он ждет отклика на свое творчество, ищет сочувствия, ценит его как редкость, как неожиданную радость.

Время над стихами оказалось невластным, они не утратили своего значения, убедительности и эстетической ценности, а строки *Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется* по праву приобрели значение крылатой фразы.

Наша современность дает свой утвердительный ответ на вопрос, некогда волновавший и мучивший Тютчева. Например, на страницах «Литературной газеты» в статье «Читатель и писатель» находим: «Мой читатель... Кто он, каков?.. Как отзывается в нем мое слово? Становится ли оно необходимым ему?» — пожалуй, нет писателя, которого бы не волновали эти вопросы. Счастье советского художника в постоянно ощущаемом контакте с теми, кому адресует он свой труд, свои помыслы, свое вдохновение. Счастье и сила. Да, именно своей неразрывной, органической связью с жизнью страны, с ее заботами и свершениями сильна советская литература. Сегодня читатель — активнейший и непрменный участник литературного процесса. Он не только собеседник писателя, но и друг его, его советчик и судья» («Литературная газета», 16 июня 1975).

Еще убедительней говорит о близости тютчевских строк нашему времени отклик советской поэтессы Ирины Снеговой на стихи своего далекого предшественника: «„Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется,— и нам сочувствие дается, как нам дается благодать...“ — за всех пишущих сказал Тютчев. Как благодать, то есть как ниспосланная милость. И видно, оттого, что долгие списки не дождавшихся ее.., особенно отрадно говорить о писателе, с первых строк узнавшем это сочувствие. Расул Гамзатов... — поэт счастливой судьбы. Он привлек к себе сразу. Дохнуло свежестью. Горными дорогами. Высотой — не чернилами. Блеснуло усмешкой, насмешкой, шуткой...» («Литературная газета», 24 января 1968).

Однако, в отличие от первоисточника, современный контекст расширяет границы употребления названных крылатых слов. Сказанные о поэзии, они, в условиях современного функционирования, могут быть перенесены на другие виды и жанры словесного

творчества: журналистику, переводческую деятельность, мастерство пропаганды и агитации, язык плаката и даже — на искусство стихотворной рекламы. Так, например, явное изменение содержания крылатой фразы наблюдается в следующем контексте, где речь идет о работе публициста: «Дорога, самовластно соединяющая и разлучающая нас, сообщает писательской, журналистской ли жизни черты такого непоседливого постоянства: ...как набегают новые версты, новые лица и старые слова, требующие нового сердечного жара. Разумеется, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Но зато нам совершенно ясно, чему должно служить наше слово: Родине, ее новым дорогам, соотечественникам, пробивающим эти дороги, идущим по дорогам свершений наших пятилеток» («Правда», 23 января 1975).

На страницах газеты рассматриваемые крылатые слова часто употребляются применительно к агитационно-массовой работе: «В материалах обсуждения „Как слово наше отзовется“ обращает на себя внимание то, что очень многие из них посвящены роли и методам работы политинформаторов. И это, наверное, не случайно. У нас, например, на заводе политинформация стала неотъемлемой частью духовной жизни коллектива» («Правда», 5 мая 1976).

Значение крылатой фразы Тютчева может быть выведено далеко за пределы первоначальной лирической темы, и она может употребляться соотносительно с современными проблемами — например, с проблемой интернациональной роли социалистической литературы: «Главное — в том, что ныне для писателя каждого народа... вопрос „Как наше слово отзовется“ в инонациональной, в иноязычной среде стал одним из существеннейших, необходимейших в творческой ориентации, в творческом сознании. Этот вопрос свидетельствует о плодотворных сдвигах и психологического и социологического порядка, поскольку настроенность на определенный тип читателя входит в социологию писательского бытия» («Литературная газета», 17 августа 1977).

Как видно из приведенных иллюстраций, характерной чертой современного употребления рассматриваемой крылатой фразы является преодоление авторского скептицизма и в ряде случаев — открытая полемика с первоисточником. Приведем еще один убедительный пример: «Проблема здесь в том, что не так-то просто обеспечить контроль за работой каждого агитатора, каждого наставника. Тем более, что и вообще идеологическая работа — это такое дело, которое на весах не взвесишь. Не скажешь, что вот сегодня провел на участке беседу, а завтра там производительность на столько-то процентов поднимется. Реплика: Почти по Тютчеву: „Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется“... Ю. Г. Баженов: — Не совсем так. Вернее, совсем не так. У комму-

нистов слово и дело должны всегда быть с точным прицелом» («Правда», 10 сентября 1974).

С полемикой, то скрытой, то явной, связано употребление данной словесной формулы в усеченном виде, сокращенной до одного придаточного предложения *Как слово наше отзовется*.

В систему устойчивых фразеологических средств современного литературного языка прочно вошли крылатые слова *Мысль изреченная есть ложь*, также принадлежавшие перу Тютчева. Своим возвышенным слогом, поддерживаемым употреблением славянизма, архаической фонетикой, определяющей торжественное звучание всей фразы, строгим лаконизмом они и в наши дни отвечают насущной потребности языка в высоких средствах словесного выражения.

Этот афоризм не был проявлением крайнего индивидуализма и неверия в силу слова — как позднее пытались истолковать Тютчева символисты. Эта мысль подтверждается высказыванием Д. Д. Благого: «... в знаменитой заостренно-поэтической строке-формуле „Мысль изреченная есть ложь“ — столь часто и охотно цитировавшейся декадентствующими поэтами, не заключено... никакого отказа от сознания мысли, во имя торжества бессознательного. Здесь говорится лишь о том, как трудно „изречь мысль“, выразить в точно соответствующих словах всю полноту и все богатство человеческого переживания — душевной жизни человека» (Д. Д. Благой. Гениальный русский лирик).

Вот почему современность благосклонно приняла эти слова поэта, сказанные им полтора столетия назад: «...Разве вовсе уж неправ был Тютчев, сказавший: „Мысль изреченная есть ложь?“ — пишет советский критик. — Нельзя искусство понимать буквально, но кто же из лингвистов станет отрицать, что язык — несовершенное орудие мысли? Это признание нисколько не умаляет роли и значения языка, но все-таки вносит важное и даже полезное уточнение. Недавно мы прочли об этом же такие слова Василия Шукшина: „То, что в голове, вообще никогда не запишешь“, — подобных высказываний немало именно у самых талантливых мастеров слова. Почему? Да потому, что лишь „на среднем уровне“ все выразимо, для всего легко найдутся нужные слова» («Литературная газета», 12 февраля 1975).

Однако современность восприняла эту формулу творчески, не приняв присущего ей в первоисточнике оттенка скепсиса, трагизма и одиночества, и сделала вывод о необходимости совершенствования художественной речи: «Когда Тютчев говорил: „Мысль изреченная есть ложь“ — он хотел, чтобы мы находили для выражения той или иной мысли единственно верные, нужные слова, чтобы не искажали ее словами приблизительными. Так я понимаю знамени-

тый афоризм Тютчева... В синонимическом ряду надо найти то единственное слово, которое истинно в каждом конкретном случае».

Для лирики Тютчева, тревожно ощущавшего крушение старого мира, характерен неизменный интерес к переломным и трагическим периодам человеческой истории, нашедший свое концентрированное выражение в монументальных строках стихотворения «Цицерон», по праву занявших одно из первых мест среди его крылатых фраз:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Высокому предмету мысли поэта здесь как нельзя более соответствуют все приметы возвышенного стиля: и лексика, отрешенная от всего бытового, земного, повседневного; и традиционно высокие славянизмы; и торжественно-величавое течение стиха; и впечатляющие контекстные антонимы (*блажен — роковые*).

Сказанные о Цицероне, эти строки Тютчева уже в первоисточнике обладали великой силой художественного обобщения и, следовательно, содержали в себе возможность дальнейших обобщений, интерпретаций, переносных употреблений. Перешедшие в разряд устойчивых словосочетаний, они закрепились в языке как выразительное художественное определение исторически значительных эпох и событий, сопровождаемых грандиозными общественными переменами. Так, например, советский писатель, вслед за Тютчевым, образно характеризует эпоху грозных испытаний для Римской республики: «Цицерон известен как великий оратор древности... А ведь он был выдающимся государственным деятелем Древнего Рима на изломе его истории, когда умирала Римская республика и нарождалась, по тогдашним понятиям, всемирная империя. Выражаясь поэтическим языком, он пришел в этот миг в его „минуты роковые“» («Литературная газета», 6 сентября 1972).

Перенесенное в другое время, названное крылатое выражение утрачивает исторические реалии и наполняется новым, конкретным содержанием. Так, например, Виталий Закруткин характеризует творчество Шолохова, чья деятельность развернулась на грандиозном фоне событий Октябрьской революции и гражданской войны: «Уже по первым рассказам молодого писателя можно было понять, что его внимание привлекают полные трагизма столкновения классов, борьба угнетенных против угнетателей, характеры сильные, мужественные, события, которые зачастую даже отдельные семьи рассекали на два враждующих лагеря, те самые „мину-

ты роковые“, чьей огненной печатью были отмечены годы гражданской войны» («Правда», 19 сентября 1973).

Публицистика закономерно переносит значение крылатой формулы поэта на одно из величайших событий XX века — победоносную Отечественную войну советского народа с гитлеризмом. Смотрите, например, выступление писателя Леонида Соболева на объединенном пленуме творческих союзов и организаций в юбилейном, 1967 году: «Тяжкая и славная страда Великой Отечественной войны как бы раскрыла всю благородную сущность советской литературы, всю ее любовь к Родине, к народу, всю верность руководящей идее века. „Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые...“ — ибо роковые минуты напрягают все внутренние силы человека, заставляя его сделать то, что в другое время он сделать не может» («Литературная газета», 25 октября 1967).

Современник поэта — Афанасий Фет пессимистически пророчествовал: «... у чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет». Но, он оказался неправ, Тютчев пришел и к зырянам, и к другим народам своей многонациональной родины. Одно из убедительных свидетельств широкой известности творений Тютчева — употребление его поэтической фразеологии, его крылатых выражений на страницах самого массового многонационального издания — газеты, которая является «выражением повседневных мыслей и чувств народа» (К. Маркс).

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Рисунок Ю. Космынина

Ах, писание страшное зло, оно как бы второе грехопадение бедного разума...

Ф. И. Тютчев

У него [Тютчева] не то, что мыслящая поэзия, — а поэтическая мысль, не чувство рассуждающее, мыслящее, — а мысль чувствующая и живая.

Он их [стихи] не писал, а только записывал. Они не сочинялись, а творились. Они сами собой складывались в его голове, и он только ронял их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток.

И. С. Аксаков

Все они [стихи] написаны были чистым и прекрасным языком, и многие носили на себе живой отпечаток русского ума, русской души.

Н. А. Некрасов

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

1818—1883

*К 160-летию
со дня рождения*

Продолжатель великих традиций Пушкина и Гоголя, один из создателей русского реалистического романа, замечательный художник слова, И. С. Тургенев сыграл выдающуюся роль в развитии русской и мировой литературы.

В творчестве писателя запечатлена целая эпоха русской жизни. Расцвет его таланта был связан с подъемом демократического движения в России; лучшие произведения созданы писателем в годы близости с Белинским, Герценом, «Современником». Отличительной чертой Тургенева как писателя было чувство нового, глубокая связь с современностью. «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях обыкновенно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество», — отмечал Добролюбов.

Л. Н. Толстой, говоря о Тургеневе как писателе, подчеркивал: «Главное в нем — это его правдивость».

«...Что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною», жизнь вообще — «вечный источник вся-

кого искусства»,— говорил сам Тургенев. 'Торжество искусства писатель видел там, где «образ, взятый художником из недр действительности, выходит из рук его типом». Таким образом, созданные самим Тургеневым: Рудин, Базаров, герои «Нови» действительно являлись центральными фигурами своего времени, воплотившими существенные черты русского освободительного движения.

Силу свою как художник Тургенев черпал в глубокой любви к родине. «Нет счастья вне родины, каждый пускай корни в родную землю»,— говорил он. В «Записках охотника», принесших широкую известность и литературную славу Тургеневу, он предстал как писатель-гуманист, любящий русский народ. «С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет заставить их полюбить от всей души»,— замечал Белинский.

Один из величайших стилистов в мировой литературе, Тургенев тщательно заботился о художественной отделке своих произведений, завершенности их формы. По воспоминаниям современников, «один из главных упреков, который он делал в то время молодым писателям, относился к пренебрежению формой... По поводу неудачных выражений он мог возмущаться и негодовать, как будто бы дело шло о настоящем преступлении». «Я бы, кажется, ради идеи еще больше бы старался обработать вещь»,— говорил Тургенев. Он настойчиво работал над языком своих произведений, добываясь точности, простоты и выразительности слова. Писатель обладал искусством предельно скупыми художественными средствами создать яркий, запоминающийся образ или настроение.

Тургеневский язык составил эпоху в развитии русского литературного языка, обогатил его: «...язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»,— писал В. И. Ленин (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 20, с. 55).

Высоко ценил Тургенева как художника В. И. Ленин. По свидетельству Н. К. Крупской, он «много раз перечитывал Тургенева», и нередко его образы встречаются в трудах и выступлениях В. И. Ленина.

И. С. Тургенев всегда будет дорог советскому народу своим глубоко реалистическим искусством, своей любовью к родине, к ее передовой культуре.

Помещаем далее подборку высказываний И. С. Тургенева о русском языке.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий э судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

...Заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого.

...Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в челе которых блистает... Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!

...Преданность моя началам, выработанным западною жизнью, не помешала мне живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленные, столь разнообразные обвинения, помнится, ни разу не укоряла меня в нечистоте и неправильности языка, в подражательности чужому слогу.

...Создать язык!! — создать море. Оно разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами; наше, писательское дело — направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу...

Берегите чистоту языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.

Я никогда, ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник... Как это возможно писать на чужом языке, когда и на своем-то, на родном едва можно сладить с образами, мыслями и т.д.!

Пишите просто, искренно, то, что вас занимает — я бы даже сказал: что вас забавляет, и если у вас есть живой талант, природный дар, то будет хорошо..

У нас еще господствует ложное мнение, что тот-де народный писатель, кто говорит народным языком, подделывается под русские шуточки, часто изъясняет в своих сочинениях горячую любовь к родине и глубочайшее презрение к иностранцам... Но мы не так понимаем слово «народный». В наших глазах тот заслуживает это название, кто, по особому дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом.

...Нет сомнения, что он [Пушкин] создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением... Мы... находим в языке, созданном Пушкиным, все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник.

Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен.

Никто не ощущал более живо гармонию и красоту нашего языка; поэтический эпитет, изящный оборот речи поражали его [Белинского] мгновенно...

...Он [Л. Н. Толстой] пишет часто неправильно, фразы у него выходят чересчур длинные, часто выдумывает слова. Но каждое его слово — золото.

А знаете ли вы, что вы отличным русским языком пишете?... хотя он не имеет *бескостной* гибкости французского языка, для выражения многих и *лучших* мыслей он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе.

Поэт мыслит образами; это изречение совершенно неспоримо и верно.

«Записки охотника»

Роль метонимии

В одном из писем к И. С. Тургеневу И. А. Гончаров заметил: «...сколько вы ни напишете еще повестей и драм, вы не опередите вашей Илиады, ваших „Записок охотника“: там нет ошибок, там вы просты, высоки, классичны, там лежат перлы вашей музыки: рисунки и звуки во всем их блистательном совершенстве!».

Звучность и пластичность русского языка, действительно, проявились в «Записках охотника» со всей полнотой. Недаром А. И. Герцен назвал их «поэтически написанным обвинительным актом крепостничеству».

Конечно, выразительность и образность художественной речи можно по достоинству оценить лишь при целостном анализе системы изобразительных средств литературного произведения. Но в этой статье ограничимся рассмотрением роли одного образно-выразительного средства в произведении, которое имеет немало-важное значение для характеристики художественного мастерства писателя. Речь идет о метонимии. Известно, что употребление слова в переносном его значении может осуществляться двумя принципиально разными путями: если метафора основывается на сходстве или контрасте сопоставляемых явлений, то метонимия — на сближении по смежности более или менее реальных понятий и связей.

Метонимия, заключенная в отдельном слове, характерна по большей части для авторского повествования, для речи рассказчика. Так, в описаниях природы она позволяет объединить обоб-

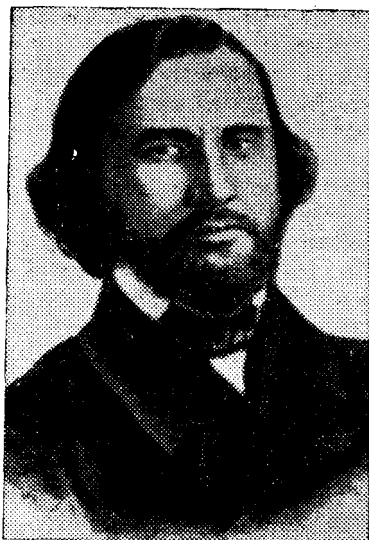
шение и конкретизацию, рядом с отвлеченными рассуждениями нарисовать картину жизни леса: «В Орловской губернии последние леса и площади исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст, и не перевелась еще благородная птица *тетерев*, водится добродушный *дупель*, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку» (Хорь и Калныч).

В пейзажной зарисовке метонимия может использоваться для передачи авторского отношения к какому-либо явлению. Например, описывая липовые сады в старых «дворянских гнездах», И. С. Тургенев говорит: «Прекрасное дерево — такая старая липа... Ее падит даже *безжалостный топор* русского мужика» (Мой сосед Радиллов). Здесь одновременно наблюдается метонимия предмета и метонимия признака. Во-первых, название орудия употреблено вместо названия деятеля (не падит *топор*, вместо *мужик с топором*), во-вторых, признаки одного предмета приписаны другому, с помощью которого они обнаруживаются (*безжалостный топор*, вместо *безжалостный мужик*). Метонимическое словосочетание *безжалостный топор* позволяет представить орудие в виде активного разрушительного начала, как бы отчужденного от человека с его стремлением к сохранению красоты.

Часто метонимия выступает как средство достижения лаконичности. Например, желая показать безликость провинциального «света», помещиков и чиновников, круг занятий которых ограничивается разного рода развлечениями, обедами и сплетнями, И. С. Тургенев именует их одним словом *губерния*: «...через неделю я опять зашел к Радиллову, но не застал ни его, ни Ольги дома, а через две недели узнал, что он внезапно исчез, бросил мать, уехал куда-то со своей золовкой. Вся *губерния* взволновалась и заговорила об этом происшествии...» (Мой сосед Радиллов); «Бывало, вся *губерния* съезжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительном громе доморощенной музыки, трескотне бураков и римских свечей...» (Малиновая вода).

Ту же роль — лаконичного изложения фактов и как будто намеренного отказа автора от их оценки, а на самом деле выражения горькой иронии — играет языковая метонимия *душа*.

В авторское повествование вклинивается язык официального документа — завещания, в котором крестьяне промотавшегося барина фигурируют как его живые вещи, *души*: «...он в свою очередь тоже сильно „пожуировал“ и, умирая, оставил единственному своему наследнику, Пантелею, заложенное сельцо Бессоново, с тридцатью пятью *душами* мужеска и семидесятью шестью женска *по...*» (Чертопханов и Недопускин).

И. С. Тургенев.
Конец 40-х годов XIX века

В другом контексте слово *душа* совмещает два иных, однако также метонимических, значения: «То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами». Здесь переплетаются ассоциативные линии: содержащее — содержимое (*душа* как вместительница чувств вместо *чувства*) и часть — целое (*душа* вместо *человек*): «...обиженный, одинокий, без близкой *души* человеческой, без гроша медного, да еще с кровью, зажженной вином, он находился в состоянии, близком к помешательству...» (Конец Чертопханова). Ср. также: «Даже, бывало, в праздничные дни, дни всеобщего жалованья и угощения хлебом-солью... Степушка не являлся к выставленным столам и бочкам...; разве какая добрая *душа*, проходя мимо, уделит бедняге недоеденный кусок пирога» (Малиновая вода). В этих случаях сочетания *близкая душа человеческая*, *добрая душа* помогают автору подчеркнуть моральное одиночество человека, его беспомощность, потребность сочувствия.

Метонимия в авторской речи может служить созданию образа рассказчика, убеждению читателя в его реальности. Стиль его речи — разговорный. Поэтому, например, он заменяет названия известных столичных магазинов и покупок, приобретенных в них, фамилиями владельцев этих магазинов, например: «Природа, свобода, поэзия — вот его стихи. Знай потряхивай кудрями да заливайся соловьём, да затягивайся *Жуковым* взасос!» (Татьяна Борисовна и её племянник) (затягивайся *Жуковым* вместо *сигарями* или

папиросами из табачного магазина Жукова); «...купил, чтобы не отстать от века, лет десять тому назад, у *Бутенюпа* в Москве модельную машину...» (Два помещика) (у *Бутенюпа* вместо *в магазине Бутенюпа*).

С помощью метонимии создаётся комический эффект при описании сцены в деревенской конторе. Подсматривая за происходящим из-за перегородки, рассказчик сначала видит только голову одного из конторщиков. С обладателем этой головы он незнаком, поэтому, даже увидев его «целиком», продолжает называть головой: «Из двери высунулась рыжая голова с густыми бакенбардами.— Ну, что? — спросила голова,— всё как следует? — Всё как следует.— Сколько? Толстяк с досадой махнул рукой и указал на мою комнату.— А, хорошо,— возразила голова и скрылась. ...Прежняя рыжая голова с бакенбардами снова показалась из-за двери, поглядела, поглядела и вошла в контору вместе с своим довольно некрасивым туловищем.— Федюшка! а Федюшка! вечно спишь! — проговорила голова» (Контора).

Нередка метонимия и в речи персонажей. Иногда она способствует характеристике социального положения героя.

Влас — простой мужик, крестьянин, в его речи — фольклорные элементы: «Зачем я к нему пойду?.. За мной и так недоимка. Сынто у меня перед смертью с год хворал, так и за себя оброку не взнёс... Да мне с полугория: взять-то с меня нечего... Уж, брат, как ты там ни хитри,— шалишь: *безответная моя голова!*» (Малиновая вода).

Речь помещика Вячеслава Илларионовича отличается витиеватостью. Он говорит с претензией на красноречие и оригинальность: Вячеслав Илларионович «иногда даже предлагает тост в честь *прекрасного пола*, украшения нашей планеты, по его словам» (Два помещика).

Недоучившийся студент Авенир Сорокоумов, «благороднейший человек» с «восторженным взглядом», выражается так же восторженно, как смотрит, стремясь к образности языка, порой даже бессознательно: «Сорокоумов никогда, как говорится, не „следил“ за наукой, но любопытствовал знать, что, дескать, до чего дошли теперь *великие умы?*»; «—Помнишь Дашу? — прибавил он наконец.— Вот золотая была *душа!* вот было *сердце!* И как она меня любила!..» (Смерть).

И. С. Тургенев вкладывает метонимические выражения в уста своих героев для характеристики их поведения, отношений с окружающими.

Убогий и кроткий Касьян почтительно характеризует своего помещика: «— Старый барин у нас был *кроткая душа*, смиренный,— царство ему небесное!» (Касьян с Красивой Мечи).

Раздражённость Петра Петровича Каратаева по отношению к женщине, совершенно ему незнакомой, однако, как он думает, могущей стать препятствием в его женитьбе на любимой девушке, превращает в глазах Каратаева компаньонку старой барыни в неприятное, назойливое пятно. Цвет платья становится для него её определяющим признаком: «...родственница прежняя тут сидит, да ещё какая-то барышня белобрысая, в зелёном платье, криворотая, компаньонка, должно быть... Старуха сказала слова два по-французски *зелёной барышне*: та вышла... Видите ли, ей, глядя на меня, вдруг в голову пришло женить меня на своей *зеленой компаньонке*» (Петр Петрович Каратаев). Барышня в зелёном платье — зелёная барышня — здесь наряду с сохранением основного значения производящего словосочетания производное метонимическое сочетание слов приобретает дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску.

Метонимия во всех её видах у Тургенева в «Записках охотника» способствует расширению границ употребления слова, использования множества его вторичных оттенков, благодаря чему усиливается эмоциональная, оценочная окраска речи (отношение говорящего к явлению), индивидуализируется характеристика явлений.

Умение следовать правде жизни, по небольшой детали нарисовать целостный реалистический образ — вот то, что дало право В. Г. Белинскому сказать о И. С. Тургеневе: «Главная характеристическая черта его таланта заключается в том, что ему едва ли бы удалось создать верно такой характер, подобного которому он не встретил бы в действительности. Он всегда должен держаться почвы действительности. Для такого рода искусства ему даны от природы богатые средства: дар наблюдательности, способность верно и быстро понять и оценить всякое явление, инстинктом разгадать его причины и следствия, и, таким образом, догадкой и соображением дополнить необходимый ему запас сведений, когда расспросы мало объясняют» (Тургенев в русской критике, М., 1953, с. 103).

Л. Б. САВЕНКОВА

Тбилиси

Нужна была великая сила таланта, чтобы так ясно почувствовать самому и так осязательно показать другим и ужас привычной, приглядевшейся неправды и то веяние новой правды, которая с тех пор так ясна и так бесспорна ныне для нас, удаленных от того времени на целую человеческую жизнь.

В. Г. Короленко

«В СЛОВЕ открывается мир...»

В контексте произведений Л. Толстого слово часто обнаруживает неожиданные изобразительные возможности, выявляя при этом отношение самого рассказчика к предмету описания.

Способов расширения «смысловой перспективы» слова у Толстого много. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее характерных для творческой практики великого писателя.

Расширение семантического объема слова в произведениях Л. Толстого шло в одном главном направлении — перекрещивались его переносные, метафорические значения. Причем основным, ведущим было то, которое выявляется в сопоставлении, а второе переносное значение присутствует в качестве дополнительного, сопутствующего и создает еще один аспект в осмыслении слова-образа.

Средства иронического осмысления слова в языке произведений Льва Толстого многообразны, но наиболее распространенным явлением стало совмещение в слове двух планов: терминологического и стилистически нейтрального; терминологического и просторечного; прямого и переносного. В терминологическом употреблении слова могут присутствовать его второстепенные, «разговорные» значения. Например, в первых главах романа Степан Аркадьич Облонский («Анна Каренина») вспоминает недавнюю ссору с женой. Самым непредвиденным образом Степан Аркадьич оказался уличенным в неблагоприятном поступке, супружеской неверности, и вместо того, чтобы «оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным», он «...вдруг улыбнулся привычною, доброю и потому глупою улыбкой». Психологический «промах» Степана Аркадьича так объясняется во вставной конструкции: «...рефлексы головного мозга...» — подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию». Вот в этой-то авторской ремарке: «...любил физиологию» — заключены два прочтения, обусловленные двумя значениями слова *физиология*, из которых ближайшее — наука о функциях, отправлениях

организма' и второе, переносное — 'грубая чувственность'. Здесь присутствуют оба значения, причем именно переносное, определенное проничностью авторской ремарки, стало основным. Из контекста выявляется не столько приверженность к физиологической терминологии, сколько общая склонность Стивы Облонского к самым разнообразным, преимущественно «физиологическим», удовольствиям, к числу которых принадлежит и слабость к метафорическому «украденному калачу», недозволенным радостям, послужившая непосредственной причиной и этой супружеской ссоры.

Одним из средств обновления слова является «конкретизация» фразеологизма, своеобразное нарушение самой устойчивости словосочетания, например: «Между княгиней Бетси Тверской и Степаном Аркадьичем существовали давнишние, весьма странные отношения /.../ Степан Аркадьич, заехав к ней, чувствовал себя столь молодым, что в этом шуточном ухаживанье и вранье зашел печально так далеко, что уже не знал, как выбраться назад...» (Анна Каренина). Фразеологизм *зайти далеко* — 'перейти границы допустимого' — конкретизируется включенным *печально* и в особенности выражением *выбраться назад*, выявляющим проническое осмысление автором «соотношения сторон» в этом, сначала шуточном, ухаживании. Вот еще один пример частичного разложения фразеологизма: «Все члены этой семьи, в особенности женская половина, представлялись ему, Левину, *покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завесой, и он не только не видел в них никаких недостатков, но под эту поэтическую, покрывавшую их завесой предполагал самые возвышенные чувства и всевозможные совершенства*» (Анна Каренина). Метафорическая *завеса* в проническом контексте получает новое наполнение (в соседстве с «не видел... никаких недостатков», с целым рядом конкретизирующих эту «завесу» пояснительных слов: «...поэтическую, покрывавшую их...»), в слове перекрещиваются два значения: метафорическое и прямое, ближайшее — 'нечто материальное, скрывающее от глаз что-то'.

Выявление «внутренней формы» слова, его первоначального значения, присутствующего наряду с переносным, метафорическим, — один из излюбленных приемов авторской иронии и сарказма. Например, слово *низменность*, кроме прямого значения — 'местность, расположенная не выше 200 м над уровнем моря', имеет еще и переносные значения: 'подлость, бесчестность', 'недалекость, примитивность'. И все эти «смыслы», достаточно далекие в современном языке, сочетаются в одном употреблении слова, взаимно дополняя и выявляя друг друга: «Доктор между тем с трудом удерживал выражение презрения к этому старому баричу и с трудом спускался до низменности его понимания» (Анна Каренина),

где параллелизм конструкций, усиленный лексическим повтором, выявляет в слове *низменность* переплетение прямого и переносного («недалекость, примитивность») значения. Разговор происходит между знаменитым врачом и старым князем Щербацким, отцом Кити.

Примеров подобного «обыгрывания» слова множество, ограничимся немногими, взятыми из романа «Анна Каренина»: Константин Левин, проведя целый день по высохшему болоту «...принес только три штуки [дупелей], но зато принес, как и всегда с охоты, отличный аппетит, отличное расположение духа и то возбужденное умственное состояние, которым всегда сопровождалось у него сильное физическое движение». Здесь «игра слов» построена на соединении «разноуровневых» понятий. «Принес три штуки» [дупелей] // *принес* (три не столь материальных компонента): «*отличный аппетит, отличное расположение духа [...] возбужденное умственное состояние*».

Вот отрывок из диалога между Карениным и Бетси Тверской на скачках (еще до падения Бронского): «— Опасность в скачках [...] есть необходимое условие скачек. [...] мы видим только самое поверхностное». Переносное употребление слова *поверхностное* в контексте речи Каренина — «то, что не входит в существо дела, в глубину вопроса», — дополняется ироническим замечанием Бетси Тверской: «— Не поверхностное, — сказала княгиня Тверская. — Один офицер, говорят, сломал два ребра». *Поверхностный* — «находящийся на поверхности, на наружной стороне чего-либо»; «сломал два ребра», то есть нанес себе внутреннее, а не поверхностное повреждение.

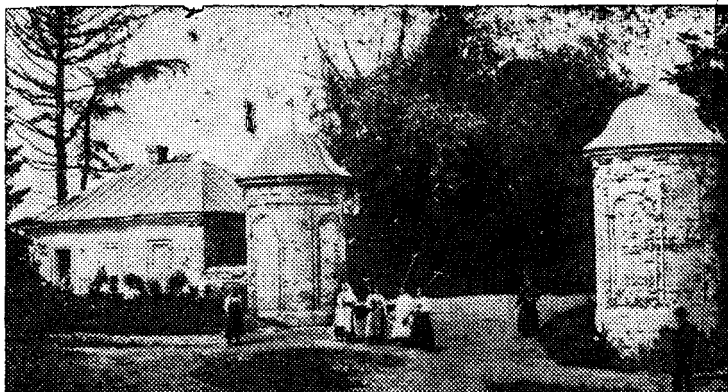
Вот например, как расширяется семантический объем слова на основе сравнения-уподобления: «Разговор не умолкал ни на минуту, так что старой княгине, всегда имевшей прозапас, на случай неимения темы, *два тяжелых орудия*: классическое и реальное образование и общую воинскую повинность, *не пришлось выдвигать их*, а графине Нордстон не пришлось подразнить Левина». Здесь «два тяжелых орудия», да еще которые можно «выдвигать», раскрывают сочетание метафорического и прямого значений этого словосочетания, обозначающего в контексте «две дежурные, на случай, темы разговора», приготовленные старой княгиней Щербацкой и графиней Нордстон — собеседницами и «противницами» Левина.

Разнообразные связи и возможности слова в художественном контексте произведений Л. Толстого раскрываются в переплетении фразеологического и свободного словоупотребления. *Нить разговора* — «развивающееся центральное положение, основная тема, занимающая собеседников» — фразеологическое сло-

восочетание. Элемент конкретизации, сопоставление с реальной нитью, которую можно «упустить» // «поднять», например, при вязании, вносится в текст, вызывая совершенно новое освещение образа и передавая ироническую позицию автора: *«И, не помогая мучившемуся юноше, с которым она [Кити] танцевала, в разговоре, нить которого он упустил и не мог поднять, и наружно подчиняясь весело-громким повелительным крикам Корсунского /.../ она наблюдала, и сердце ее сжималось больше и больше».*

Фразеологическое сочетание *делать что-нибудь чистыми руками* (политику, науку, литературу и т. п.) присутствует у Льва Толстого и как связанное и как свободное, и происходит это во взаимодействии и пересечении значений: «Была в провинции и связь с одной из дам /.../, была и модистка; были и попойки /.../ и поездки в дальнюю улицу после ужина; было и подслуживанье начальнику и даже жене начальника, но все это носило на себе такой высокий тон порядочности, что все это не могло быть названо дурными словами /.../. Все происходило с чистыми руками, в чистых рубашках, с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с одобрением высоко стоящих людей» (Смерть Ивана Ильича). Анафорическое построение с перечислительно-усилительными лексическими повторами и синтаксическим параллелизмом конструкций: *Были и... была и... были и ..., было и... и даже* — замыкается противительным *но*, открывающим саркастическую концовку, в которой дается оценка «высокого тона порядочности». В одном ряду с «чистыми руками» выступают чистые рубашки, французские слова, высшее общество и одобрение высоко стоящих людей. В словосочетании *чистыми руками*, кроме фразеологического значения — «делать что-нибудь не используя дурных средств, поступать всегда и вполне порядочно», присутствует и прямое значение — «чисто вымытые руки». Показательно, что фразеологически-связанное значение «чистых рук» поддерживается упоминанием о «высшем обществе» и «одобрении высоко стоящих людей».

Общезыковой фразеологизм используется как средство выражения позиции автора в отношении сценического, сюжетного действия, психологических ситуаций и т. д. Фразеологическое выражение *Какая тебя муха укусила?*, характерное для разговорной речи, получает в авторском повествовании индивидуально-стилистическое осмысление. Значение этого фразеологизма — «неожиданное, немотивированное раздражение» — переносится на другой, «предметный» уровень: *«Но место, в которое Левина укусила муха, видно, еще болело, потому что он опять побледнел, когда Степан Аркадьич хотел объяснить причину, и поспешно перебил его...»* (Анна Каренина). Таким образом, общезыковые фразеологизмы

Ясная поляна. Центральный въезд в усадьбу

получают в стилистике произведений Льва Толстого новое психологическое и художественное звучание.

Мы можем также говорить о *семантических комплексах*, понимая под ними целую образную систему четко ограниченного текста, в центре которого лежит начальный образ, распространенный и семантически конкретизированный в основной части текста.

Семантический комплекс может объединять достаточно широкий текст, являясь своеобразным эмоционально-экспрессивным стержнем повествования. Намеченный образ «...разговор весело затрепал, как разгоревшийся костер» (Анна Каренина) продолжен в следующей главе: «Разговор, перебитый приездом, опять замотался, как огонь задуваемой лампы». В данном случае «семантический комплекс» состоит из двух «перекликающихся» систем: разговорное — *трещать языком // треск разгоревшегося костра*; «разговор, перебитый приездом, // замотался // огонь задуваемой лампы».

Уже было замечено исследователями Толстого, что между Анной Карениной и лошадей Вронского Фру-Фру много общего. В самом деле — вот первое впечатление Вронского, когда он увидел Анну в купе только что прибывшего в Москву поезда: «...в выражении миловидного лица /.../ было что-то особенно ласковое и нежное»; «...Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы». А вот как дается Фру-Фру в авторском тексте: «...Вронский опять невольно обнял /.../ взглядом все стати своей любимой лошади /.../ голову ее с выпуклыми блестящими, веселыми глазами /.../ Во всей

фигуре и в особенности в голове ее было определенное, энергичное и вместе нежное выражение». Анна и Фру-Фру объединяются еще сопоставлением с птицей, сначала свободной, а потом пойманной, раненой и умирающей: «...Вронский знал, как много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетела, как бы не замечая. *Она перелетела ее, как птица...*». И в финальной сцене скачек: «она затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица». Сказуемое *перелетела* определяет образное развитие темы: перелетела, как птица // затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица. «Неловкое движение, сделанное Вронским, сломало ей спину. /.../ а пред ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом». На скачках Анна, видевшая падение Вронского, «...совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица...». Сравнение выполняет роль ситуативного образа, раскрывающего движение основной «образной темы».

Привычное общеязыковое слово в контексте произведений Льва Толстого обнаруживает как бы «второе дыхание»; появляются новые ассоциативные связи, углубляющие смысловую перспективу слова-образа. Лев Толстой дает и з о б р а ж е н и е поз, мимики, движений, манеры жестикулировать, походки. Так, старик-горец, лежавший на кровле своей сакли, при виде Хаджи-Мурата «...поднявшись на свои худые ноги, стал попадать ими в стоявшие подле трубы туфли с деревянными каблуками» (Хаджи-Мурат). «*Стал попадать ими /.../ в туфли*», вместо обычного «надел туфли», живо изображает старчески-неверные движения горца. Создается зрительный образ отдельного движения.

Мимика часто в диалогической речи «договаривает» то, что не отражается в звучащей речи. Именно в мимике передается всё, о чем умалчивают собеседники. С другой стороны — отсутствие мимических движений, мертвая безжизненность в глазах, в лице может стать основой образа. Например, это ярко выявляется в портрете-характеристике Николая I, для которого существенна именно неподвижность, отсутствие всякого мимического движения: «*Николай /.../ неподвижно своим безжизненным взглядом смотрел на входивших. Длинное белое лицо /.../ было сегодня особенно холодно и неподвижно. Глаза его, всегда тусклые, смотрели тусклее обыкновенного /.../ Холодно поздоровавшись и пригласив сесть Чернышева, Николай уставился на него своими безжизненными глазами. /.../ С безжизненным взглядом, с выпяченной грудью и перетянутым /.../ животом он вышел к ожидавшим /.../ и, пронызывая их холодным, безжизненным взглядом, слушал, что ему говорили*» (Хаджи-Мурат). Показательно, что в разговорном, с оттенком неодобрения, *уставился*, заменившем стилистически

нейтральный глагол *смотрел*, уже присутствует значение — 'неподвижно, не сводя глаз, смотреть на что-нибудь'. Эмоционально-оценочная характеристика действия, выражающая отношение рассказчика, дана как дополнительная в синонимическом ряду: *смотрел // уставился // пронизывая... взглядом* — образуется своего рода градация (соответствующее расположение слов в порядке нарастания признака). Вот еще один пример той же стилистической фигуры: «...уланский же офицер, *остолбенев от ужаса*, не вставая с дивана, глядел на Николая остановившимися глазами /.../ сказал он *окоченевшему от ужаса* офицеру» (Хаджи-Мурат). Соотносительность «остолбенеть от ужаса» // «окоченеть от ужаса» — реализация той же градации по восходящей — обнаруживает не только общее усиление признака, но и позицию рассказчика, его отношение к предмету описания.

Иногда психологически мотивированное слово может служить средством выявления взаимной «глухоты» собеседников. Именно на многозначности слова построен один из сюжетных приемов: когда собеседники не понимают друг друга, потому что каждый из них психологически настроен только на один определенный смысл. Участники диалога как бы говорят на разных языках, хотя имеют в виду одно и то же слово.

Одна из подобных сцен — непонимание Пьером Безуховым реплики князя Василия Курагина. Узнав, что у его отца, старого графа Безухова, был удар: «Пьер был в таком состоянии неясности мысли, что при слове *удар* ему представился удар какого-нибудь тела. Он, недоумевая, посмотрел на князя Василия и уже потом сообразил, что ударом называется болезнь» (Война и мир).

На том же принципе построено непонимание, «речевая глухота» между доктором и Константином Левиным во время родов Кити: «— Доктор! Что же это? Что ж это? Боже мой! — сказал он [Левин], хватая за руку вошедшего доктора.

— Кончается, — сказал доктор. И лицо доктора было так серьезно, когда он говорил это, что Левин понял *кончается* в смысле умирает» (Анна Каренина). Доктор имеет в виду в слове *кончается* первое значение — 'завершается, заканчивается, идет к концу'. А Левин слышит в глаголе *кончается* — 'умирает, перестает жить'.

В произведениях Л. Н. Толстого психологический анализ определяет и направляет все повествование. Возникновение новых лексико-семантических и лексико-грамматических связей между привычными, казалось бы, «старыми» словами изменяет природу слова, делает его словом-образом. Так в слове открывается целый мир.

Л. И. ЕРЕМИНА

В 125-летию
В. А. Гиляровского

РЕЧЕВОЙ
КОЛОРИТ
ЭПОХИ
В
РАССКАЗАХ
ДЯДИ
ГИЛЯЯ

Неутомимый труженик, он сменил много профессий и прошел сложный, нелегкий путь от поволжского бурлака, крючника, юнкера до актера, «короля репортеров» в Москве и известного писателя. В свободолюбивом характере Гиляровского было нечто от запорожской вольницы (дед его был сыном запорожского казака) и внешность Гиляровского с возрастом все больше напоминала запорожского седоусого казака. Недаром Репин написал с Гиляровского одного из своих казаков, сочиняющих письмо турецкому султану, а скульптор Андреев лепил с него Тараса Бульбу для барельефа на памятник Гоголя. Гиляровский обладал большим чутьем живой разговорной речи. Редкий его рассказ, этюд не сверкал блесками крестьянского, мещанского, купеческого языка, не обращали на себя внимание меткими словами, красочными, верными сравнениями, которые рождались у говорящих из «нутра».

Пожалуй, наибольшую симпатию у Гиляровского вызывали сказы волгарей, мастеровых и прочих работных людей, обитателей «дна», «трущобных людей».

Так, описывая поволжских бурлаков, крючников, Гиляровский как бы с натуры воспроизводит их речь, пересыпанную колоритными словечками и выражениями: *гусак* (старший — ведущий), *шишка* (первый, старший), *подшищечный* (второй за шишкой), *лямочник*, *ватага*, *станица*, *крючник*, *крючничать*, *хомутаться* (впр-

Жизнь писателя и журналиста Владимира Алексеевича Гиляровского (1853—1935), сложная, пестрая, была богата встречами, открытиями, столкновениями и похожа на приключенческий социальный роман, как бы созданный самой русской действительностью.

Излюбленным жанром Гиляровского был социально-бытовой очерк и рассказ, круто замешанные на творческом домысле, на занимательности, на искрящемся диалоге, бойких словечках, на которые так охоч русский человек.

В книгах писателя ярко выступает старая Россия рубежа двух эпох в её кричащих контрастах темного и светлого, дикого и гуманного, мрачного и веселого, контрастах богатства и нищеты. Жизненное разнообразие и колоритность произведений Гиляровского непосредственным образом связаны с его оригинальнейшей личностью: «Он был, — по воспоминаниям К. Паустовского, — живописен во всем — в своей биографии, внешности, манере говорить..., в своей разносторонней и бурной талантливости» (Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. М., 1959, с. 3).

гаться в лямку) и т. д.: «Бурлаки столпились возле прикола, вокруг бечевы, принаравливаясь к лямке.

— «Хомутайсь!» — рывкнул косной с посудины...

Стали запрягаться, а косной ревел...

— Ходу, ребяташки, ходу!...».

«Ну и *шагма!* Вся гальником заросла. То в болото, то в воду лезь.

Ругался «*шишка*» Иван Костыча...

— На то ты и «*гусак*», чтобы дорогу — путь держать, — сказал *подшищечный*».

На Волге Гиляровский слышался от волгарей старинных преданий о Степане Разине, о походах волжских атаманов. Образ вождя крестьянского восстания с самой ранней юности завораживал, притягивал к себе Гиляровского, с ним связывалась поэзия великой русской реки. Позднее все это нашло отражение в поэме «Степан Разин» и в «Мои скитаниях», где колоритно воспроизведен по рассказам волгарей образ Репки — атамана волжской вольницы.

Написанные, главным образом, в советские годы, произведения «Мои скитания», «Москва и москвичи», «Люди театра», «Москва газетная» и другие не могут не увлечь читателей, так как в правильном свете раскрывают многие незнакомые уголки отошедшей

жизни, передают в живом, занимательном изложении ту поистине ненасытную жажду неизведанных острых ощущений и впечатлений, которыми жил Гиляровский. Так, он сам вел бездомную, голодную жизнь — *зимогорство* и прекрасно изучил её. Как подчеркивает Гиляровский, бездомный, безработный люд в каждом городе именовался по-своему, в зависимости от мест его обитания, от ступенных для него босяцких ночлежек. Так, в Ярославле и вообще в верхневолжских городах *зимогорами* зовут тех, кого в Москве именуют *хитровцами*, в Самаре — *горчичниками*, в Саратове — *галаговцами*, а в Харькове — *раклами*, и всюду — *«золотая рота»*.

Жизнь привела Гиляровского на ярославский завод свинцовых белил. Судьбу людей, попавших на этот завод, писатель ярко запечатлел в очерке «Обреченные», опубликованном в 1885 году в «Русских ведомостях», а позднее, с некоторыми изменениями, включенном в повесть «Мои скитания».

Обреченные на медленную смерть, рабочие свинцовобелильного завода с нескрываемой завистью смотрят на здорового человека, только что пришедшего с воли. Гиляровский без прикрас показывает, что люди, мечтавшие в годы бродяжничества о куске хлеба, теперь завидуют человеку с нормальным, здоровым аппетитом:

« — Ишь ты, с воли-то пришел, как хрюстает, поглядеть любо!

— А тебе завидно, ворона дохлая?..

Свалили в чашку говядину... Рыжий постучал ложкой.

— Таскай со всем!

Вкусно пахли щи, но и с говядиной ели лениво...

—...Погоди с недельку, здесь поработаешь — и тебя от еды отвалит... Я похлеще тебя ашал, как с воли пришел, а теперь и глядеть противно».

При этом рабочие ясно осознают свою обреченность:

« — Здесь все друг другу чужие, пока не помрут...

Мужик сюда мало идет, вреда боится, а уж если идет какой, так либо забуддыга, либо пропоец... Здесь больше отставной солдат работает или некчемушный служащий, что от дела отбился. Которому сунуться некуда... С голоду да с холоду... Да наш брат, гильяй бездомный...».

Выразительность описанного мира в значительной мере достигается посредством реалистического воспроизведения речи героев, ее глубокой народностью, экспрессивностью. Пришедший с воли не ест, а *«хрюстает, поглядеть любо»*, завидует не старик тощий, а *«ворона дохлая»*, вместо нейтрального *«аппетит исчезнет»* в речи рабочего *«от еды отвалит»*. Характерная команда для застолья с одной большой чашкой на всех едоков *«таскай со всем»* и т. п. Примечательно, что слово *гильяй*, то есть *гулевой человек, гулебушек, бродяга*, писатель использовал в качестве псевдонима, которым

Старая Лубянка (фото)

подписывал ранние рассказы. Поэтому «дядя *Гиляй*» — это не просто сокращенное от Гиляровского. У него есть глубокий, народный смысл: дядя *Гиляй* — это заступник бездомных, каким являлся в молодости он сам.

Став «королем репортеров» в Москве, постоянно общаясь с передовыми писателями, художниками, артистами своего времени — Чеховым, Буниным, Куприным, Гл. Успенским, Станиславским, Шалапиным и другими, Гиляровский в то же время поддерживал самые тесные связи с миром голодного, бездомного люда, обитателями Хитровки и других ночлежек. Жизнь обитателей московского «дна» чрезвычайно ярко, с глубоким знанием была запечатлена в ряде очерков и рассказов, вошедших в книгу «Трущобные люди».

В 1887 году эта первая книга Гиляровского еще до выхода в свет была конфискована в типографии и по распоряжению царской цензуры сожжена всем тиражом. Полностью книга «Трущобные люди» вышла лишь в 1957 году. Часть из рассказов, посвященных московскому «дну», вошли в книгу «Москва и москвичи» (1959).

Колоритно описывая босяков, ютящихся в ночлежках Хитровского рынка, Гиляровский широко воспроизводит различного рода жаргонные слова и выражения, в которых ярко отражаются особенности социальной среды, безысходное положение босяцкого дна. Так, например, *бульонку*, которую продают торговки под открытым небом, сидя на чугунах, обитатели Хитровки называют «собачья радость», *объедки*, *требуху*, *рванинку* — *рябчиком*: «„А ведь это был *рябчик!*“ — смакует какой-то „бывший“». Места в ночлежке, состоящие из пространства под нижними нарами в аршин высоты и полтора аршина ширины между двумя рогожками, где люди спали без всякой подстилки, кроме собственных отрепьев, хитровцы иронически называли «*нумерами*». В ночлежках вокруг рыночной площади ютились до десяти тысяч человек. «Эти дома приносили огромный барыш домовладельцам. Каждый ночлежник платил пятак за ночь, а „*нумера*“ ходили по двугривенному».

У «деловых ребят» свои колоритные прозвища: *Ванька Лошадь*, *Дылда*, *Болдоха*, *Безухий*, *Цапля*, *Махалкин* и др.

Для создания реалистического речевого колорита среды писатель широко вводит здесь в диалоги героев такие лексические и семантические жаргонизмы, как, например, *кредитный* (доходный любовник), *лягаш* (полицейский, сыщик), «*коньки купил*» (сапоги), «*соловей-то полста ... небось*» (золотые часы), *собака* в значении часы вообще, простые, *вглухую* — убить на смерть и др.

Гиляровский, как никто другой из русских писателей, хорошо знал быт старой Москвы, ее трактиры, клубы, кондитерские, парикмахерские, бани, тюрьмы, улицы, площади и т. п. И все это очень колоритно запечатлено в его очерках и рассказах. А вместе с неповторимым бытом старой Москвы отражены и многие речевые особенности эпохи, разных социальных слоев. Например, при описании московских тюрем и пересыльных пунктов широко воспроизводится характерное для эпохи словоупотребление, как *политик* в значении «политический ссыльный» («*Политика* везут «под шары» в Тверскую»), *выслать за бесписьменность*, то есть отсутствие документов, паспорта, *Владимирка* — Владимирская дорога, по которой ссыльных отправляли в Сибирь, народное выражение «*сильно каторжный*»: «...И гремят ручными и ножными кандалами нескончаемые ряды в серых бушлатах с желтым тузом на спине и желтого же сукна буквами над тузом: „С. К.“ ...значит *ссыльно-каторжный*. Народ переводит по-своему: „Сильно каторжный“».

В очерках и рассказах Гиляровского содержится множество неожиданных семантических «открытий» для современного читателя, народных этимологий к словам и выражениям, в которых раскрывается характерное словоупотребление эпохи, разных социальных

сфер. Наглядным примером может служить семантико-экспрессивное сопоставление слов *пожарные* и *пожарники* в качестве наименования представителей пожарной команды:

« — Пожарники едут! Пожарники едут!... — кричит кучка ребятишек...

Меня,.. старого пожарного, резануло это слово. Москва, любовавшаяся своим знаменитым пожарным обозом — сперва на красавцах-лошадях.., а потом бесшумными автомобилями.., — с гордостью говорила:

— Пожарные!

И вдруг: пожарники!

Что-то мелкое, убогое, обидное... В Москве с давних пор это слово было ходовым, но имело совсем другое значение: так назывались особого рода нищие, являвшиеся в Москву на зимний сезон... добывать деньги...

Делалось это под видом сбора на „погорелые“ места... Некоторые из них покупали особые сани с обожженными концами оглоблей...

„Горелые оглобли“, — острили москвичи... Ребятишки вбегали в дома и докладывали:

— Мама, пожарники приехали!» (Москва и москвичи)

Вот откуда взялось это, обидное для старых пожарных, слово: «*пожарники*». В современном русском языке *пожарник* (*пожарники*) признается разговорным вариантом и употребляется наряду с *пожарным* ‘работником пожарной команды’.

На фоне теневых сторон старой Москвы, уходящей в прошлое России Гиляровский щедро показывает мир талантливых народных умельцев, актеров, художников, писателей, которые в условиях тяжелого общественного быта, социального гнета неуверенно тянулись к свету, к большой человеческой жизни, неустанно творили, созидали. Чрезвычайно ярко запечатлен образ художника Саврасова, автора классической картины «Грачи прилетели», портреты знаменитых актеров Андреева-Бурлака, Ермоловой, великих писателей — Чехова, Горького, Л. Толстого и многих других. И во всех написанных с натуры художественно-очерковых этюдах дяди Гилярия язык искрится живым, колоритным словом эпохи, среды, взятым из самой жизни. Прошлое мы изучаем ведь не ради самого изучения, а ради лучшего познания современности. Произведения Гиляровского помогают нам делать это.

М. Н. НЕСТЕРОВ

Николаев

Черный вечер —

О стиле поэмы А. Блока
«Двенадцать»

Белый снег

Еще летом 1917 года, задумываясь, как должен строиться рассказ о крушении старого режима, Александр Блок говорил: должна прозвучать «русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская» (дневник 1917 года, запись за 8 июля). И все же слог «Двенадцати» — резкий, ломкий, подчеркнуто личный, с быстрым, но коротким дыханием обеспокоенности, иронии, восторга.

Черный вечер.
Белый снег —

уже первая строка не плывет размеренно-эпично («гнев, о муза, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына»), а бьет, как неровный пульс, частенько вздрагивает; стих порывисто кричит:

Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

И не пушкинская «однообразная красивость» русских воинских рядов, не «блеск, и шум, и говор балов» Петрограда, а «старушка, как курица», вышедшие на вахту «ребятки»; у них, конечно, «пальтишки» и «шинелишки», у них «ружьца...».

Поэма оставляет впечатление необычно резких перемещений и перебоев. Перебой эти, конечно, не в игре сменой размеров, чередованием имитированной частушки («Эх, эх, освежи, спать с собой».

положи!») с вариациями по песне Г. Кржижановского («Вперед, вперед, рабочий народ!»). Перебор глубже — в дыхании говорящего все это самого автора. Поэт хочет не просто проследовать за неуклюжей старушкой, за двенадцатью «ребятами», за уносящим Катюху лихачом. Он хочет совладать с темпами самой вьюги («вьюга́» — «пылит им в очи дни и ночи напролет»). Ведь такая «вьюга́» — это сама история.

Резкий и порывистый бег вдогон истории, с одышкой и падениями, но по внутреннему, а не чисто строевому приказу — «стремясь догнать стальную рать, скольжу и падаю» (Есенин) — это общее в развитии и основа речевого сходства у многих русских поэтов XX века. Причины того, что приходилось *догонять*, а не просто двигаться, сложны; и мы не рисуем здесь ни панораму, ни историю всей поэзии. Но насчет поэмы «Двенадцать» можно заметить совершенно точно: в финале, в последней главке «рваный ритм» и «полифония размеров» исчезают. Неровный, неравномерный шаг «ребятки» становится «державным». Стоило как бы догнать Историю — и выравнялся ход стиха, его «рваность», «телеграфность», «порывистость» перестали быть необходимы.

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.

Блок, собственно, давно — художественной любовью — любил идею-образ «державного», величественного шага многих сразу людей. Еще в декабре 1905 года (знаменательное предвосхищение 1917—1918 годов), переводя «Шаги» Верхарна, он с волнением вписал в свой текст то, чего у Верхарна вовсе не было:

Это шаги, все те же шаги
Уходят в даль повелительно,
В мглу и печаль, где не видно ни зги.

И вот сейчас он дважды оснащает финал новой поэмы этим же образом: «Вдаль идут державным шагом» в самом начале двенадцатой главки и «Так идут державным шагом» — в самом конце.

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пёс,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим...

Совершенно не имеет прецедента лишь одно: «мглу и печаль, где не видно ни зги» удалось проглядеть насквозь. «За вьюгой невидимое» и «от пули неведимое» все-таки указано, Оно, быть

может, не точно описано и названо; его томно-изысканное изображение (*нежная поступь, жемчуга, снежная россыпь, розы*) совершенно не соответствуют простонародному слову *Исус*. К тому же Блок как бы и сам устремляется на эту высоту, будто и сам претендует на «венчик из роз»; и это дало некоторое основание критикам Блока (М. Пришвин, А. Макаров) свести финал поэмы только к возвышенному автопортрету ее создателя. Но мы найдем в «Двенадцати» гораздо больше правды, если задержимся на предложенном самим Блоком общем размахе поэмы: «вперед» — через многие «дни и ночи напролет» — явно выступит свет, не сокрушенное ничем и по-новому укрепившееся величие. Для многих это было неожиданно, но это случилось именно так. И страна стала безмерно, невиданно велика; и люди стали зорче людей блоковского времени. Так частое дыхание бури («ветер, ветер!»), трагикомедии («старушка, как курица», «барыня в „каракуле“», «буржуй, как пес голодный»), драмы в духе «Кармен» («Что, Катка, рада? — Ни гу-гу...») вылилось в широкую музыку необратимости, неразрушимости, продолженности Истории вообще (как раз тогда, когда много говорили о ее конце).

Неожиданным было, впрочем, и само то, что Блок вообще взялся за поэму. Задолго до революции Блок вступил в этап серьезнейшего творческого самоперевоспитания: писать не потому, что «хорошо получается», и не потому, что время от времени захватывает стихия страсти (так рождались в 1907 году «Снежная маска», в 1914 году — «Кармен»), и не потому, что трудно остановиться (стихи писать «все ненужнее», а они все же пишутся да пишутся). Писать для того, чтобы «преодолевать матерьял», чтобы в эпоху всяческой «стихийности» нарисовать человека, борющегося со стихией. Все это намечалось выразить в поэме «Возмездие» (1910—1921); и именно с движением к финалу этой давно начатой поэмы связано то, что и после «Двенадцати» в стремлении «еще измениться» Блок продолжал, условно говоря, «молчать». И это было развитием, а не исчерпанностью творческих возможностей.

Почему же «Двенадцать» все-таки родилась — эта чисто стихийная, казалось бы, поэма? Изменившаяся в 1917—1918 годах «вокруг» было гораздо внушительнее стихий-страстей «Снежной маски» и «Кармен». И искус молчанием был временно оставлен.

Здесь мало сказать о преодолении модной стихии «рваного ритма» торжествующими в конце поэмы размеренными и державными созвучиями. Если выйти за пределы художественной моды, то в блоковских кругах еще более властной была другая стихия-религия: подобострастное и массовое упование на блага «парламент-

таризма», буржуазно-собственнического «демократизма» и на защиту, предоставляемую ими от прямого присутствия народа. И вот эта стихия была Блоком высмеяна и тоже отвергнута. Однако до самого конца поэмы это не ясно. Общий смысл поэмы внезапно, ошеломляющим ударом проясняется только лишь в финале. Именно о нем спорят — как раз потому, что в целом прекрасно понимают в нем блоковское «да».

В поэме «Двенадцать» много стилистик, но стиль у нее один. Когда читаешь поэму второй раз, как бы с конца, по-новому чувствуешь это ее стилевое единство.

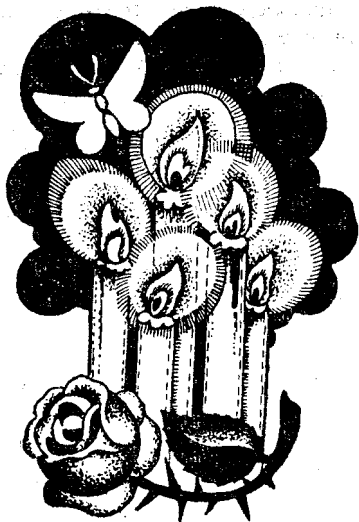
Дело вовсе не в том, что уже во фразе «На всем божьем свете» или «Эх, эх, без креста» присутствует божественная тень из финала. Общая блоковская заповедь «Двенадцати» есть уже в самых первых строках. Черный вечер — но белый, освещающий, искупляющий снег. Вражда («пальнем-ка пулей... в толстозадую») — но кающаяся в непоследовательности любовь («эту девку я любил... загубил я сгоряча»). Убийство любовницы — но отпущение греха за злое дело, сделанное «всем буржуям». «Выходи, стрелять начнем» — но «от пули невредим». «Эка тьма» и «за व्यюгой невидим» — но «белый венчик из роз». Этот белый венчик, примеряемый на собственное чело — стилистика. А неуклонно проводимая повторяемость главного в слове, цвете, звуке и идее — это стиль.

Контраст самого зачина поэмы отражен, планомерно удержан и разгадан в финале: «черный вечер», но — «белый снег»...

Неудивительно, что художника можно узнавать по большим приметам его стиля. Попробуйте узнать Блока по «Как пошли наши ребята в Красной армии служить», по «Трах-так-тах!», по «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!». Здесь легче узнать, и узнают, отзвуки Маяковского — «я тебя, пропахшего ладаном, раскрою»; а множество «бум!» и «бац!» есть и у неистовой Марины Цветаевой. Но по контрастам, повторяющимся у поэта в теме Родины всегда («Пусть ночь» — но «домчимся, озарим кострами»; «грешить бесстыдно» — но «и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне») — узнаешь Блока безошибочно. Впрочем, больше того — узнаешь величественные интонации-заповеди Некрасова: убогая — но обильная; бессильная — но великая; и сила в ней скажется несокрушимая. Вплоть до сердцевины блоковского гражданского лиризма — «как женщину, ты родину любил» — его стиль припадает к одной из двух крупнейших стилевых традиций русской литературы.

С. А. НЕБОЛЬСИН

Стилистическая роль знаков препинания в поэзии М. Цветаевой

В статье о творчестве М. Цветаевой Вл. Орлов писал: «Поэзия Цветаевой была монументальной, мужественной и трагической» И далее: «Цветаеву-поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи ее узнаешь безошибочно — по особому распеву, неповторимым ритмам, необщей интонации». Немалую роль в оформлении сложнейшей синтаксической структуры цветаевского стиха, подчас ломкого и импульсивного, подчас тяжеловесного и громоздкого, играет пунктуация, которая помогает ей передать и предельную уплотненность речи, и ритмические перебои, и интонационные взлеты, и значимые паузы. Своеобразные интонации и неповторимые ритмы — это следствие общности содержательного плана стихов Цветаевой, всего творческого мира поэта, глубокого своеобразия таланта и нелегкости человеческой судьбы.

Читать Цветаеву трудно. Пишет она сложно. Но даже самые усложненные ее вещи неформалистичны. «Затрудненная поэтическая манера была в данном случае органической формой тех мучительных усилий, с которыми поэт взволнованно и сбивчиво выражал мир своих чувств и переживаний, свое сложное, противоречивое отношение к окружающей его действительности» (Вл. Орлов).

Стихи Цветаевой — интереснейший материал для постижения функционально-стилистической значимости знаков препинания при оформлении письменной речи. Ее индивидуальность выявляется здесь столь же ярко, как и в ритмике, синтаксисе, всей словесной организации ее стиха, проникнутого мироощущением и миром

пониманием поэта. Но вместе с тем при всей своей индивидуальности ритмы Цветаевой — это ритмы эпохи, ритмы, испытавшие воздействие времени. И это обстоятельство еще в большей степени приковывает внимание к ее стихам — неповторимым и все же созвучным времени; трудночитаемым, но притягивающим к себе; виртуозным, сбивчивым, но внутренне гармоничным.

Трудно рассказать о многогранности стилистических функций знаков препинания у М. Цветаевой. В конечном счете они отражают своеобразие синтаксической и интонационной организации ее стихов. И все-таки наиболее яркие приметы цветаевского пристрастия к тем или иным знакам можно свести в некую систему, выявляющую основные черты ее поэзии. Это, во-первых, предельная, до отказа, уплотненность речи, концентрированность, сгущение мысли до «темноты сжатости», как сама Цветаева называла усложненность стихотворного языка; во-вторых, это взволнованность речи и такая напряженность, когда стих начинает как бы захлебываться, сбиваться в размер; в-третьих, неприкрытая активность художественной формы, ритмики.

Названные свойства поэтической (да и не только поэтической) речи Цветаевой сказываются в применении знаков препинания, которые становятся в таком случае элементом авторской стилистики, одним из способов воплощения авторского «Я». На первый взгляд может показаться, что пунктуация Цветаевой резко расходится с нормативной: так «густо» стоят у нее знаки, так нагромождены они в пределах короткого словесно текста, так замысловато сочетаются они в строфе и даже в строке. Однако такое заключение оказалось бы поспешным, так как знаки эти в большинстве своем нормативны, во всяком случае не потеряли социальной значимости (они воспринимаемы и объяснимы). И чрезмерная насыщенность ими текста, а также изощренная сочетаемость их друг с другом отражают усложненность синтаксиса и активность цветаевского ритма.

«Темнота сжатости». Так определила Цветаева лирику Б. Пастернака, имея в виду усложненность его языка, когда мысли автора передаются в такой сжатой форме, что не сразу, а может, и не всегда становятся понятными для восприятия (максимум смысла при минимуме речевых средств). Так и у самой Цветаевой: смысл затемняется из-за чрезмерной сжатости изложения. И вот тогда на помощь автору приходят знаки. Напряженность содержания как нельзя лучше снимается ими, они «разводят» слова, указывая на пропуски, создавая значимое отсутствие звеньев повествования, и именно знаки здесь помогают уловить незримо существующую связь между имеющимися словами — частями предложе-

ний. Такая экономия словесных речевых средств, доводящая передаваемую мысль до высшей степени конденсации, свойственна многим произведениям Цветаевой. Возьмем, например, «Стихи к сыну»:

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну, —
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? *Ее* —
Дитя!

И далее:

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, —
от нас —
В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

(Цитируется здесь и далее: М. Цветаева. Избранные произведения. М.—Л., 1965.) Эти стихи, написанные в 1932 году, обращенные к сыну, родившемуся в Чехословакии, сыну, не знавшему еще России, повествуют о Советском Союзе как о стране, устремленной в будущее, стране новых поколений людей, стране, рванувшейся от старого мира вперед. В этих стихах, сжатых по форме, бездна содержания, выстраданного и выплаканного, — тоска по потерянной родине, горечь от сознания, что новая Россия может отрывать покинувших ее, и уверенность, что она должна стать родиной для их детей, для ее сына... Этот подтекст, то есть глубину смысла, помогают передать знаки. И особенно активно здесь тире, указывающее и на прямые пропуски (особенно — тебе; назад идти — вперед идти), и на подчеркнутое выделение наиболее значимых частей (ни к городу и ни к селу; всем краям наоборот; вперед; от нас), и на отграничение слов с целью придания им определительного значения (в Россию — вас, в Россию — масс и т. д.). Спрессованность мысли здесь колоссальная, взять хотя бы последнюю строку «В на-Марс — страну! в без-нас — страну!». Экономия речевых средств доходит до того, что затрудняет восприятие, так и возникает «темнота сжатости»: «на-Марс — страна» — это страна, устремленная в мирозданье, страна будущих научных открытий; «без-нас — страна» — это страна новых поколений, освободившихся от старого мира.

Вот еще пример, как развернутая мысль спрессовывается до нескольких слов, связи между словами угадываются, благодаря значимым паузам, на месте которых стоят тире:

Поверх старых вер,
Новых навыков,
В завтра, Русь, — поверх
Внуков — к правнукам!

По нагориям

Или еще:

Седой — не увидишь,
Большим — не увижу,
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.

Из цикла «Разлука»

Как видим, Цветаева скупа на словесные средства выражения, речь ее уплотнена до предела: в первом примере названы лишь обстоятельственные и объектные сочетания, то есть те части высказывания, которые не могут быть «угаданы», это главное в сообщении, все другие же его элементы — названия предметов и их признаков (что обычно передается подлежащим и сказуемым) — опущены поэтом, так как здесь не несут главной мысли. Во втором примере мысль также сгущена и пропуски звеньев, лишь расшифровывающих и распространяющих логически значимые слова, обозначены здесь тире. Ср.: Седой ты меня не увидишь; большим я тебя не увижу. Цветаева как бы просеивает слова сквозь сито, в котором остаются только крупные зерна.

Лирика Цветаевой всегда интеллектуальна, она требует работы мысли и отнюдь не услаждает слух гармоничным песнопеньем. Интересен в этом смысле пример Вл. Орлова, который приводит две кратчайшие строки Цветаевой и развертывает их в «нормальное» построенное высказывание. Вот эти строки:

Глыбами — лбу
Лавры похвал.

Мысль такова: «похвалы, расточаемые по адресу поэта его поклонниками, символически уподоблены лавровому венку; но от этого венка челу поэта тяжело, как от каменных глыб». Такое словесное расточительство не для Цветаевой, ей важно высказать мысль, пусть недостаточно разъясненную, но адекватную ее внутренней речи. Ее стихи — это мысли вслух, строки и слова в них — это вехи самого процесса мышления, где словесная оформленность не имеет серьезного значения. Чтобы понять таким образом написанные стихи, надо пройти тот же путь напряженной работы мысли, которым шла поэтесса, создавая свои произведения. Однако

такая затрудненная манера выражения приводит часто к издержкам. Некоторые стихи сжаты так, что требуют расшифровки, как ребусы. В таком случае и знаки оказываются беспомощными, например:

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностей муж!

Из цикла «Сивилла»

Чтобы понять эти стихи, нужна «специальная подготовка». Цветаева использовала здесь легенду о Сивилле, которой Феб даровал вечную жизнь, при условии, что она навсегда покинет свою родину. Сивилла забыла попросить еще и вечную молодость, и вот она стареет. Цветаева превратила Сивиллу в пещеру, в которой совершаются таинства пророчества. Двоеточие, которое здесь стоит, явно затрудняет осмысление связей между словами, особенно в строках, где оно разделяет обозначение предмета и его признаков (то есть между подлежащим и сказуемым).

Было бы ошибочным заключить, что Цветаева всегда так замысловато оформляет свои мысли. У нее есть и другие стихи — легкие, четкие, с полным набором необходимых по ходу изложения слов. Тогда и особые знаки не требуются, и только точка членит текст:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Из цикла «Стихи о Москве»

Такое повествование ведется без напряжения. Здесь не требуются угадывания пропусков.

За хлеб в аяющаяся речь. Это качество цветаевского слога всецело связано с концентрированной подачей мысли. Вернее, вытекает из этого свойства. Отсюда резкость и энергия выражения, многочисленные восклицания, переходящие в крик. Это поистине «воплъ вспоротого нутра», как говорила сама Цветаева, стремясь выразить в слове безмерность своих чувств.

Любят — думаете? Нет, рубят
Так! нет — губят! нет — жилы рвут!
О, как мало и плохо любят!
Любят, рубят — единый звук
Мертвенный!

Ариадна

Эти восклицания в рвущейся посредством резких пауз строке (см. знаки тире) создают огромный накал в стихе, сообщают словам величайшую силу эмоционального звучания.

Рассказ взахлеб — это обычная манера цветаевского письма, когда смыслы слов перебрасываются с одного на другое, когда логические (и грамматические) связи этих слов ведут к впереди-стоящей части высказывания и одновременно притягивают к себе последующие слова.

Вот пример из цикла «Разлука»:

Думаешь — скалы
Манят, утесы,
Думаешь — славы
Медноголосый

Зов его — в гущу,
Грудью на копыя?
Вал восстающий —
Думаешь — топит?

На стыке двух четверостиший сочетание «зов его», с одной стороны, включается в сочетание «медноголосый зов славы его», с другой — через пропущенный глагол (на его месте тире) притягивает к себе форму «в гущу». Стык строф, таким образом, завершает первое четверостишие и одновременно начинает второе. Слова располагаются как бы внахлест, и знаки регулируют их взаимоотношения.

Активность художественной формы. Звуковая и ритмическая организация ее стихов многогранна и виртуозна. Цветаева часто говорила, что она живет больше в мире звуков, чем зримых образов. Цветаевские ритмы — это не просто форма, это всегда состояние, воплотившееся в звучание. Звуковой строй стиха для Цветаевой никогда не был самоцелью. Это закономерное следствие, отражение душевного настроения, внутреннего горения, самой сути цветаевского стиха — эмоциональной и интеллектуальной. Тезис о единстве формы и содержания как нельзя лучше воплощен в произведениях Цветаевой.

Цветаевская ритмика бесконечно разнообразна: здесь и легкость разговорного слога, и песенная напевность, и плясовые, молниеносные темпы, и резкие перепады и сдвиги, внезапные ускорения и паузы, и т. д. Но неизменно одно — активность ритма и его завершенность в каждом отдельном произведении.

Вот лишь некоторые примеры. Часто Цветаева пользуется приемом контрастного ритма для усиления противопоставления описываемых явлений:

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и мудрых пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Лестницы

Резкая смена ритма в последних строках, замыкающих строфы, как нельзя лучше контрастирует с мерным ритмом первых трех строк. Такой ритм не произволен, он отражает контрастную сущность самих вещей — природы и человека. Этот ритмический сдвиг оформляется знаком тире столь естественно и закономерно, что мы не только не ощущаем, что знак употреблен вопреки известным нормам, но, наоборот, осознаем его необходимость. Характерно для многих стихов Цветаевой и смещение строк, посредством переноса последнего слова строки на следующую, что оформляется тире, а после перенесенного слова фиксируется резкая, глубокая пауза:

Двадцать лет свободы —
Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки —
Всем.

Из цикла «Сентябрь»

Такая смещенная строка подчеркивает активность ритма, который в свою очередь передает значимость содержания: гладкий, убаюкивающий ритм здесь был бы нестати.

Интересен еще такой прием: логическое выделение последнего слова строки, несущего главное содержание. Выделение это достигается резким переходом в паузу, перебивающую звуковую ровность строки, а в месте перебоя ставится тире, именно оно помогает уловить цветаевские «перебои».

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди — в грудь,
Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — след,
И тень вот эта, а меня — нет.

Из цикла «Бессонница»

Еще более резко завершается ритмический рисунок, когда выделенное слово переносится на следующую строку и обрывает ее.

Перед таким единственным словом строки обязательно ставится тире:

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек —
Рокот...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры,
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звезды...

«Милые спутники...»

Как видим, Цветаева мастерски владеет ритмом, это ее душа, это не просто форма, а активное средство воплощения внутренней сути стиха. «Непобедимые ритмы» Цветаевой, как определил их А. Белый, завораживают, берут в плен. Они неповторимы и потому незабываемы!

Цветаева как поэт мыслит, чувствует и пишет активно. А это не может не повлечь за собой активного отношения и к употреблению знаков, без которых невозможно постичь смысл, так сложны ее синтаксис и ритмика. Активность знаков сказывается не только в их обилии. Поражает и выбор знаков — наиболее значимых, функционально насыщенных. Отсюда пристрастие Цветаевой к тире. Удивительно, что поэт почувствовал потенциальные возможности этого знака: в наше время тире часто вытесняет и заменяет и особенно двоеточие.

Цветаева всегда отдает предпочтение наиболее «сильным» знакам, тем, которые нельзя не заметить. Так появляется у нее тире для выделения обращений, вводных слов, придаточных предложений, то есть на месте запятой:

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!

Стихи к Блоку

Должно быть — за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

Стихи к Блоку

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы и что ей хаты!

«Если душа родилась крылатой...»

Выделяются члены предложения (обособленные) обычно тоже с помощью тире, а не запятой:

Тесно — плечом к плечу —
Встали в молчанье.

Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость.

А если Цветаевой нужно отчеканить слог, передать биение своего сердца, тут тире действует особенно безотказно:

Далеко — в ночи — по асфальту — трость,
Двери — настежь — в ночь — под ударом ветра.
— Заходи — гряди! — нежеланный гость.
В мой покой пресветлый.

«Не сегодня — завтра растает снег...»

Цветаева буквально живописует звуками: мы слышим четкое постукивание трости по асфальту, далеко и одиноко разносящееся в ночи... Тире, членившее высказывание на отдельные слова, усиливает их значение, активизирует ритм.

Можно много писать о ритмах и пунктуации Цветаевой, но важно одно: при всей своей активности они не перерастают в самоцель, они подчинены мысли поэта — напряженной и ищущей.

Н. С. ВАЛГИНА

О
СКЛОНЕНИИ
НЕКОТОРЫХ
ФАМИЛИЙ
В
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Если взрослый образованный человек скажет вам, что он не знает, как склонять слово *жук*, то это, по меньшей мере, покажется вам странным. Но если этот же человек напишет письмо в Институт русского языка АН СССР и спросит, как склонять фамилию *Жук*, то это никого не удивит. Трудно представить, чтобы кто-нибудь вдруг сказал: «Я не хочу, чтобы склоняли слово *стол*. Пусть всегда остается в несклоняемом виде». И гораздо меньшее удивление вызовет человек, который попросит или даже потребует, чтобы его фамилию не склоняли. Отец Алисы Коонен убеждал ее: «Помни, ты фламандка, фамилия *Коонен* не склоняется».

И действительно, чем можно опровергнуть такие утверждения? О склонении нарицательного слова можно узнать в любом словаре — орфографическом или толковом. А как проверить склонение имени или фамилии? Единственный словарь, в котором можно найти соответствующую рекомендацию в некоторых случаях, — это «Словарь ударений для работников радио и телевидения». Но не каждый и догадается по этому словарю наводить справки о склонении собственных имен — ведь это словарь ударений.

Какие же рекомендации дает он? Фамилию испанского драматурга *Лопе де Веги*, например, рекомендует не склонять. Заимствованные фамилии, оканчивающиеся на *-а* неударное, всегда

склонялись в русском литературном языке (*Казанова, Гойя, Лойола, Альмавива, Сенека, Спиноза, Капабланка* и т. д.). Фамилия *Лопес де Мендоса*, следующая за фамилией *Лопе де Веги*, имеет в словаре помету о склонении, дается род. падеж — *Лопеса де Мендосы*. Фамилия *Лорка* приводится без указания на склонение, а собственное имя *Лос-Дакка* склоняется; *Лозанна* не имеет пометы о склонении, а *Лойбла* имеет. Поэтому следовать таким разным рекомендациям трудно. Когда на телевидении была поставлена пьеса «Собака на сене», фамилия ее автора предстала в печати в следующих вариантах: «Говорит и показывает Москва» — 1977, № 52: «„Собака на сене“ (по одноименной комедии *Лопе де Веги*)» (с. 13); «Экранизация пьесы великого испанского драматурга *Лопе де Вега*»; «...стиль *Лопе де Веги*» (с. 14); 1978, № 1: «По одноименной комедии *Лопе де Веги*» (с. 7; то же на с. 8). «Литературная газета», 1978, № 1, с. 8: «Новая кинотелевизионная версия „Собаки на сене“ *Лопе де Вега* должна понравиться...»; «...стихотворный текст *Лопе де Вега* в переводе М. Лозинского...». Когда ведущий «Кинопанорамы» Г. А. Капралов говорил об этом спектакле, он тоже не склонял имя испанского драматурга. Между тем, существует давняя литературная традиция склонять фамилию *Лопе де Веги*. Например у Белинского: «...Очень немного общего между этими мистериями и драмами Лопеца-де-Веги и Кальдерона...» (Общее значение слова литература), «В „Библиотеке для чтения“ помещен перевод с испанского... прелестной комедии Лопеса де Веги...» (Русская литература в 1843 году).

Разумеется, фамилия испанского драматурга представляет собой явление заимствованное, но легче ли обстоит дело со склонением незаимствованных фамилий в русском языке?

Институт русского языка АН СССР и редакция журнала «Русская речь» расположены на углу Волхонки и улицы, которая называется *улица Грицевец*. В табличке, висящей ниже названия, сказано, что улица так названа в честь летчика, фамилия которого *Грицевец*. *Улица Грицевец* — это та же модель, что и *улица Горького, Пушкина, Чехова* и т. д., то есть фамилия *Грицевец* должна стоять в родительном падеже (не склоняются лишь женские фамилии, оканчивающиеся на согласную). И улица должна была бы называться *улица Грицевца* (или *Грицевца*). Другой пример. Фамилия *Заяц* встречается в таких вариантах — стихи *Анатолия Зайца, Анатолия Заяц, Анатолия Заяца*. Примеров подобного рода можно привести много. Итак, и при склонении незаимствованных фамилий встречаются значительные трудности.

Не означает ли это, что при склонении фамилий и не может быть никакого порядка? Порядок есть лишь при склонении нарицательных имен, и он зафиксирован в словарях. А фамилии можн»

склонять (или не склонять) по желанию ее носителя. Поэтому и нет словаря, в котором было бы зафиксировано склонение фамилий и личных имен. Однако наличие большого количества вариантных форм не означает отсутствия грамматической системы склонения фамилий. Наличие вариантов может означать лишь, что современная система склонения антропонимов (фамилий и личных имен) еще не понята, не осознана носителями языка и не зафиксирована в соответствующем словаре. Кстати, в украинском языке есть словарь склонения украинских фамилий (Ю. К. Редько. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969).

В 1976 году в издательстве «Наука» вышел опыт частотно-стилистического словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, в котором на страницах 150—165 даются основные типы склонения фамилий и личных имен. Однако это издание скорее можно рассматривать как справочник, чем как словарь, поскольку в нем отсутствует алфавитный список собственных имен, что, безусловно, усложняет пользование содержащимся в нем материалом.

Следует заметить, что затруднение вызывает склонение не всех фамилий, а лишь некоторых, необычных. Что же считается обычной фамилией (антропонимической нормой) в русском языке, а что представляется отклонением от нормы? «На моей фамилии вся Россия держится — *Иванов*», — говорит герой фильма «Живые и мертвые»; «То и дело упоминались имена прославленных советских летчиков — *Чкалова, Покрышкина*, асов военных и мирных лет.

Все курносые да скуластые,
Все на *-ин*, на *-ев*, да на *-ов*»

(«Октябрь», 1972, № 2, с. 217)

Вот эти-то фамилии на *-ов*, *-ев*, *-ин* и воспринимаются в качестве обычных, нормальных для русского языка. «Словообразовательным средствам русских фамилий... в противоположность украинским или белорусским чужда пестрота: поражает их однородность, в деревне среднерусской полосы — абсолютная. Суффиксы *-ов*, *-ин* вне конкуренции... Большинство принадлежит суффиксу *-ов...*» (В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, с. 205).

Среди отклонений от нормы языковым сознанием прежде всего выделяются фамилии, совпадающие по форме с апеллятивами (нарицательными существительными). Приведем некоторые такие фамилии: Соловей, Жук, Чижик, Зуб, Заяц, Сокол, Мороз, Гриб, Дрозд, Рысь; Черешня, Скворода, Сметана, Чайка, Чуприна, Птица, Метелица, Крыса; Толокно, Ремесло, Кутало, Шило, Сало и др. Фамилии, совпадающие с апеллятивами, не типичны для русской

семейной системы. Как правило, они пришли в русский язык из украинского, многие могли прийти из сербского, словацкого, чешского и польского; часть таких фамилий — русского происхождения, некоторые из них — западноевропейского.

Довольно часто носители необычных фамилий стремятся изменить их на обычные, отклонения от нормы — подравнять под норму. Показателем нормы при этом является не значение основы, а фамильный аффикс: *Баран* меняет свою фамилию на *Баранов*, *Головня* — на *Головин*.

Стремление отличить фамилии от соответствующих апеллятивов выражается разными способами, например, переносом ударения: *Крысá*, *Ббрец*, *Сахár*, *Кóзел* и под.; но чаще всего — несклонением этих фамилий. Приведем несколько примеров: «...Отряду кораблей под командованием вице-адмирала *Дрозд*» («Правда», 28 октября 1966); «В городе Борисове высится обелиск-памятник Героям Советского Союза лейтенанту *П. Раг* и сержантам А. Петряеву и А. Данилову» («Известия», 1 июля 1969); «...Более семидесяти композиций, составленных ботаником *Марией Алексеевной Скрипка*» («Вечерняя Москва», 27 января 1972); «Информацию о приеме заместителя министра иностранных дел Республики Чили *А. Пальма*» («Вечерняя Москва», 4 марта 1972); «...Лучший результат после выполнения двух фигур у австрийской фигуристки *Б. Шуба*» («Вечерняя Москва», 4 февраля 1970).

Поэт Б. Л. Пастернак считал, что его фамилию надо склонять (*пастернак*, *пустарнак* означает 'полевой борщ, поповник, козелки, стволье', по словарю В. И. Даля). В письме режиссеру Г. М. Козинцеву 25 марта 1954 года он писал: «Сердечное спасибо за приглянную афишу. Но при дальнейшем печатании надо будет имя склонять: перевод *Б. Пастернака*. Мне так кажется. Скажите, чтобы в дальнейшем исправили».

Несклонение фамилий иногда возможно, потому что совпадает с современной грамматической нормой. Так, не должны склоняться весьма редкие фамилии среднего рода: *Жало*, *Сало*, *Сито*, *Масло*, *Толокно*, *Кутало*, *Скобло*, *Шило*, *Ремесло* и некоторые другие, хотя соответствующие им нарицательные существительные склоняются. В современном русском языке не склоняются фамилии на *-о*, *-е* (как русские, так и иноязычные): *Дурново*, *Хитрово*, *Белаго*, *Шаниро*, *Нетте*, *Презо*, *Виардо*, *Ландо* и т. п. В отношении же других фамилий, совпадающих с апеллятивами, такое несклонение является нарушением грамматических норм.

Склонение рассматриваемых фамилий находится под влиянием нескольких одновременно действующих причин: 1) общественного языкового мнения, 2) сложившейся грамматической системы склонения соответствующих нарицательных имен и 3) складывающейся

щейся грамматической системы склонения собственных имен (ап-ропонимов). При отсутствии строгих норм неизбежна вариантность в склонении рассматриваемой группы фамилий.

Л. П. КАЛАКУЦКАЯ

Отвечает

Она — ШВЕЯ-РУЧНИЦА,
а он?..

В № 5 «Русской речи» за этот год мы рассказали о тех трудностях, которые возникают при выборе родового варианта для наименования женщины по профессии, должности, принадлежности к общественной организации и т. д. Но иногда нас спрашивают: как назвать мужчину, выполняющего ту или иную работу, если в языке нет (или оно малоизвестно) соответствующего «профессионального» обозначения мужского рода? Речь в подобных ситуациях всегда идет о таких професси-

ях, где преимущественно используется женский труд, и поэтому само название профессии представлено в языке существительным женского рода.

Есть различные способы образования мужских соответствий к наименованиям лиц — существительным женского рода. Например, когда в результате перемен в жизни колхозной деревни появилась потребность в слове мужского рода, соотносительном с *доярка*, оно было создано по способу так называемого обратного словообразования. Сущность этого способа заключается в следующем. Обычно наименование лиц женского рода образуется от соответствующих существительных мужского рода, а в данном случае производящее и производное как бы меняются местами. Характер этого словообразовательного процесса можно представить в виде несложной схемы:

ПИОНЕР — ПИОНЕРКА
? — ДОЯРКА

Определить соответствующее слово, как видим, довольно просто: достаточно отсечь суффикс *-к(а)* у названия женско-

го рода, чтобы получить слово *дояр*. Это существительное вошло в употребление, постепенно закрепились в языке; оно зафиксировано в последних изданиях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. Кстати, в наше время в связи с механизацией животноводства все чаще вместо названий *дояр* и *доярка* применяется наименование *оператор* или *мастер машинного доения* (см.: В. А. Филатов. — «Русская речь», 1978, № 5).

Разумеется, не всем «мужским» эквивалентам названий тех или иных типично женских профессий суждено войти в широкое употребление: некоторые из них так и остаются созданными «к случаю». К таким образованиям можно отнести, по-видимому, сложносоставное слово *швей-ручник*. Оно было предложено «Службой языка» (в ответ на вопрос одной из московских фабрик) в качестве мужского соответствия к основному названию данной профессии *швей-ручница*. Может возникнуть вопрос: а почему не *швец*? Ведь говорим же мы о разностороннем человеке: «И швец, и жнец, и на дуде игрец». Будучи известным носителем языка, как правило, только по этой поговорке, существительное *швец* воспринимается архаическим и поэтому нелитературным образованием (как, скажем, слово

игрец). В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» слово *швец* зафиксировано с пометой «устарелое и просторечное», а это также свидетельствует о его ненормативности. Но главное заключается в том, что слово *швец* было образовано не от *швец*, а от *швей*; ср.: *ворожея* — от *ворожей*, *грамотей* (устар. и обл.) — от *грамотей* и т. д. Существительное *швей* в русском языке далеко не является новообразованием: в 17-томном Словаре, например, помещено сложное слово *золотошвей* — «мастер по шитью, вышиванию золотом».

Таким образом, использование слова *швей* в качестве первого компонента наименования *швей-ручник* закономерно. Как это ни парадоксально, существительное *швей* именно в силу своей неизвестности не имеет того отпечатка нелитературности, который отчетливо обнаруживается у его синонима *швец*.

Соотносительное существительное для наименования лиц мужского пола по профессии удается образовать не всегда. В этом случае приходится прибегать к помощи описательных названий. Например, наряду с существительным женского рода *машинистка* в русском языке для обозначения лиц мужского пола есть составное наименование *переписчик на машинке*: его можно найти в «Словаре трудностей русско-

го языка» (М., 1976) и словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976, с. 104). Использовать слово *машинист* оказалось невозможным, так как оно было «занято» другими значениями: *машинист горного комбайна, машинист тепловоза, машинист сцены*.

Еще в 20-х годах нашего века для наименования лиц, работающих на машинке, достаточно широко употреблялось существительное *машинист*. Так, в «Декрете об оплате труда служащих и рабочих в советских учреждениях» мы читаем: «*машинисты 1-го разряда со знанием языков...*», «*машинисты 3-й категории, пере-*

писывающие простые бумаги...» («Известия», 2 июля 1918). Употребление существительного *машинист* в данном значении встречается и в художественной литературе: «Чапаев под деревом... диктует машинисту» (Фурманов. Чапаев). Однако уже тогда, в 20-е годы, переписка на машинке становится сугубо женской профессией (не случайно в литературе данного периода наряду с нейтральным *машинистка* встречается шутивное *пишбарышня*). Поэтому существительное *машинист* как обозначение лица, занимающегося машинописью, выходит из употребления.

С. И. ВИНОГРАДОВ

На его [Тургенева] примере можно видеть с особенной ясностью, что значит литература в истинном значении этого слова... Ее красота — в истине, ее главное значение — в правде, возносящейся над современностью и судящей современность, даже без преднамеренности и тенденции, одной силой жизненной правды.

В. Г. Короленко

Тургенев никогда не накладывает густых красок, никогда не применяет слишком сильных выражений. Наоборот, он повествует с большой пластичностью, употребляет всегда лишь изысканный слог, который необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта крепостничеству [Записки охотника].

А. И. Герцен

О ЯЗЫКЕ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИСТОВОК

МОЩНЫЙ подъем рабочего движения в России в начале XX века требовал от совсем еще молодой РСДРП титанической работы по организации и идейному воспитанию трудящихся масс и в первую очередь пролетариата. Лишенная легальных возможностей, партия обратилась к испытанному революционному средству воздействия на массы — выпуску листовок, которые информировали пролетариат о важнейших политических событиях в стране, ставили перед рабочими заводов, фабрик, мастерских конкретные цели, давали им лозунги для борьбы. В 1899 году в статье «Наша ближайшая задача» В. И. Ленин писал: «...рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала».

Особенности языка большевистских листовок обусловлены их идейными задачами, главнейшими из которых были — сплочение пролетариата под знаменем партии большевиков, организация его борьбы за свержение царизма и буржуазии. Авторы листовок обращались к рабочим, крестьянам и солдатам на привычном им языке, употребляя слова и фразеологизмы, широко распространенные в народной среде.

Фразеологизмы в большевистских листовках выполняют важные идейные и семантические стилистические функции. Благо

даря своей экспрессивности и образности они увеличивают действительную силу текста. Авторы листовок создавали новые фразеологизмы в особенности за счет преобразования широко известных оборотов (в статье использован материал следующих сборников листовок: «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. I, II, 1939; «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1955; «Листовки Московской организации большевиков 1914—1920 гг.». М., 1940).

Фразеологизм *тянуть ляжку* в листовке для рабочих петербургского завода «Атлас» преобразуется в *тянуть заводскую ляжку*: «...Вы надеялись дружными усилиями вырвать у вашего хозяина эту незначительную уступку, отвоевать себе право... на полчаса меньше тянуть заводскую ляжку подневольного труда для чужого обогащения». Устойчивое сочетание *затянуть петлю* употребляется с оценочными определениями, без которых фразеологизм не воспринимается как целостная единица: «...Мы можем громко, на весь мир сказать крупному капиталу, который затянул на нашей шее кровавую петлю, мы можем в лицо ему сказать: „Прочь от власти!“»; *сжимать тисками* распространяется в *сжимать железными тисками*: «Так шаг за шагом переходит пролетариат к все более и более решительным выступлениям против царизма, железными тисками сжимающего широкие массы народа».

Раскрывая ужасающие условия жизни трудящихся России, их беспощадную эксплуатацию, авторы листовок употребляли такие фразеологизмы: *сосать кровь и сок, выжимать пот, содрать шкуру, хватать за горло, свернуть в бараний рог, затянуть петлю, гнуть в дугу, биться в тисках, тянуть ляжку, вить веревки, не разгибать спины, держать в путах, сажать на шею* и другие.

«Сколько у вас всяких насекомых, прыгающих, бегающих и летающих, сосущих из вас еще те остатки крови, которые не высосал фабрикант»; «...Только тогда уничтожим этот капиталистический строй, заменив его новым, социалистическим, когда не будет хозяев-пауков, ловящих нас, как мух, в свои сети и высасывающих нашу кровь»; «Вам необходимо добиваться полнейшего освобождения от высасывания из вас вашими хозяевами последних соков»; «Сосут кровь из деревни все, кто посильнее мужика: государство „выколачивает“ подати, семь шкур дерет кулак деревенский..., а поп утешает загробную жизнь и тоже сосет, сколько сил хватает».

Особенно часто встречаются сочетания *хватать (схватить) за горло, наступить на горло, накинуть (затянуть) петлю*: «Капиталисту не найти удобнее времени схватить рабочего за горло, чем теперь»; «Рука полиции уже задушила союзы рабочих печатного дела и литографов, ее пальцы сжимают уже горло союза рабочих

по металлу, союза текстильщиков и др.»; «В один и тот же день правительство наступило на горло рабочей печати и раскрыло тюремные подвалы для забастовщиков»; «Кто закрывает наши союзы, запрещает наши рабочие газеты, гнет нас в дугу и душит за горло?»; «Петля экономической необеспеченности, голода и безработицы, угроза локаутом в будущем все ту же затягивается на шее рабочего...»; «По-прежнему на нас, рабочих, накинута мертвая петля, по-прежнему нас бьют кнутом и бьют рублем».

Руководители большевистских комитетов, авторы листовок старались показать рабочим, профессиональным союзам, что царизм и буржуазия используют все средства, чтобы заставить замолчать, задушить пролетарские организации. С этой целью в большевистских листовках употребляются разные фразеологизмы в значении 'заставить замолчать'. Например, *заткнуть (зажать) рот*: «Мы свергнем царское правительство, которое не дает нам свободно бороться, затыкает нам рот...»; «Кадеты не уступали черносотенцам в стремлении зажать рот левым»; *кормить пулями (или свинцом)*: «Есть среди вас не мало таких, которые понимают, что пока в руках теперешнего правительства армия, до тех пор оно будет кормить народ, вместо земли и воли, свинцом да сталью»; «Помните: Корнилов для вас ввел смертную казнь, вас он предал под Ригой, у вас он отымет все права, вам не даст земли, вас накормит свинцом вместо хлеба».

В большевистских листовках следует особо выделить группу фразеологизмов с общим значением 'обмануть, ввести в заблуждение' — *попасть на удочку, заманить в ловушку, поддеть на крючок*: «Вот эта-то опасность попасть на правительственную удочку и заставляет говорить вам, товарищи, о Зубатове и его шпионских проделках»; «Наша партия употребит все силы и средства, чтоб разъяснить народу истинный смысл царской комедии, подлую ловушку, в которую правительство пытается заманить народ»; «Вы видите, товарищи, как правительству хочется поддеть рабочих на свой крючок; вы видите, как громадное множество петербургских рабочих не идет на приманку и отказывается от выборов».

Знакомые с детства каждому русскому рабочему и крестьянину фразеологизмы, употреблявшиеся в большевистских листовках, помогали угнетенным трудящимся понять, где кроются корни социальной несправедливости и увидеть всю тягость их положения.

А. Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ

Кокчетав

Рисунок В. Толстоногова

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ СЛОВ

Как известно, воинские звания в значительной степени традиционны. Постепенно они складываются в определенную систему вместе с государственным строем, определенной идеологией, развитием военной науки и военного искусства, укреплением военной техники (Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. XI—XVII вв. Л., 1970). Тем самым слова — воинские звания тесно связаны с историей общества, историей государства. Вот почему эти наименования, хотя и являются однозначными терминами, могут рассказать об очень многом. Стоит только раскрыть словари, энциклопедии, обратиться к грамотам, указам и газетам, начиная с «Вестей-Курантов» (1600—1639; 1642—1644; изданы в двух книгах, под редакцией С. И. Коткова. М., 1972 и 1976).

Целые эпохи в давней жизни нашего общества, нашего государства стоят за словами *даточные люди, посошные люди, рекруты*. Что означают эти наименования? В Русском государстве с конца XV века вводится государственная повинность, просуществовавшая почти без изменений в XVI и XVII веках. Сельское и городское население обязано было выставлять своих людей для пожизненной воинской службы. В селах, в частности, должны были *дать* по два человека *с сохи*, в слободах — по одному человеку с десяти дворов, но норма набора могла быть и иной. Отсюда названия — *даточные* и *посошные люди*, а также *посошная служба, посошная рать*. В начале XVIII века (окончательно — с 1705 года) *даточный* — *посошный набор* сменяет *рекрутская повинность*.

Само наименование *даточные люди* впервые встречается в письменных источниках времени Казанского похода в 1545 году. Термин *посоха (посошные люди)* возник ранее (1389 г.) и связы-

---

вался с поземельной податью с сохи. Его переосмысление ('военный набор') произошло позднее (XVI в.). «История терминов *посоха* (*посошные люди*) и *даточные люди* взаимосвязана и тесно переплетена» (Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке).

Рекрутская повинность — это особая система комплектования русской регулярной армии в XVIII—XIX веках (1705—1874). Слово *рекрут* (из немецкого *Rekrut* от французского *recruter* 'набирать войско') обозначало 'лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности'. *Рекрутской повинности* подлежали все податные сословия; она была общинной и пожизненной, то есть рекрутов выставляла община на пожизненный срок. *Рекрут* из крепостных крестьян освобождался от крепостной зависимости (см. слово *солдат*: «Русская речь», 1978, № 1, с. 58).

После Октябрьской революции в нашей стране полностью изменилась система воинских званий (см.: Л. Е. Шепелев. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977). Только история и художественная литература напоминают нам об ушедшем. Каждый из нас знает и помнит рассказ солдатской матери о горькой кончине ее сына-*рекрута*:

Здоровенный был детинушка!
Подвигился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

Н. А. Некрасов. Орна, мать солдатская

Ушло из жизни слово *денщик* — 'солдат, который состоял в качестве слуги у офицера': «В полку между молодыми офицерами была распространена довольно наивная, мальчишеская, смехотворная игра: обучать денщиков разным диковинным, необыкновенным вещам... От скуки, от узости замкнутой жизни, от отсутствия других интересов кроме служебных»; «Подпоручик закурил папиросу... подумал...— Я на него [денщика] сержусь, кричу, заставляю его по вечерам снимать с меня не только сапоги, но носки и брюки».

Эти строки из повести А. И. Куприна «Поединок» с достаточной выразительностью характеризуют положение денщика. Слово *денщик* — неточная калька с французского *de jour* (буквально 'относящийся к сегодняшнему дню', то есть 'дежурный'), появи-

---

лось оно в русском языке в XVIII веке. Но тогда, в эпоху Петра I, это был 'дворянин, находившийся при царе для услуг и выполнения распоряжений и особых поручений'. Вспомним пушкинские строки из «Арапа Петра Великого». Петр приехал к Ржевским сватать Наталью Гавриловну: государь «всходил на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика». Но как свидетельствует В. И. Даль («Толковый словарь живого великорусского языка»), со времен же Петра I «слово это приняло особое значение: служитель из солдат, при военном чиновнике, выбираемый из нестроевых или менее способных в строю». И, как мы могли видеть, в конце концов слово *денщик* стало синонимом *слуга*, потеряв былые связи с *день* — 'дежурный'.

Термины *подпоручик* и *поручик* известны в русском языке с XVII века. *Поручик* (устарелое *порутчик*) — калька с латинского *locum tenens* (буквально 'держачий место') — пришел к нам через польский — *porucznik*. Оба упомянутых в тексте А. И. Куприна слова — *денщик* и *подпоручик* — остались словами ушедшей эпохи, отменены историей. Только иногда они возникают в своеобразных литературных реминисценциях, как памятники прошлого. Ср., например, названия повести Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижэ», кинофильма «Поручик Кижэ» и балета С. С. Прокофьева «Подпоручик Кижэ».

Новая жизнь государства, новые отношения в социалистическом обществе, уровень науки, техники и военного искусства обусловили новую систему воинских званий в нашей стране, хотя и включающую старые традиционные наименования: *солдат*—*ефрейтор* — *сержант* — *прапорщик*... (см.: «Русская речь», 1978, № 1). Офицерские звания также традиционны и также новы в своем новом функционировании. Они составляют две группы: *младшие офицеры* (*младший лейтенант* — *лейтенант* — *старший лейтенант* — *капитан*) и *старшие офицеры* (*майор* — *подполковник* — *полковник*).

Познакомимся с их историей и современной жизнью.

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» сообщает (т. 8, 1959), что слово *офицер* означает 'в армии и флоте — лицо, имеющее воинское звание начальствующего состава' (от немецкого *Offizier*, французского *officier*, восходящих к

латинскому *officiarius* 'исполняющий службу'). Именем *офицеры* во Франции (XVII в.), в Пруссии (XVIII в.) отмечено формирование военной социально-сословной верхушки. Этимологические словари (например М. Фасмера) и специальный словарь Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» (СПб., 1910) сообщают, что заимствованное слово *офицер* связано с деятельностью Петра I, организацией регулярной армии. Однако впервые в России чин *офицер* был введен еще в стрелецких полках в 1680 году (см. «Большая советская энциклопедия»).

В советское время слово *офицер* дважды возвращается в живое употребление, как бы отмечая определенные этапы в развитии Советской Армии. В 1918—1920 годах из рабочих, крестьян, революционных солдат и матросов формируется командование Красной Армии — *красные офицеры*, *красные командиры* (обучение происходило на Краткосрочных курсах красных командиров). Обращаем внимание на определение *красные*, которое дает новое осмысление старым словам — *армия*, *офицер*, *командир*. В Советской Армии вырабатывалась своя система терминологии, и некоторое время слово *офицер* не было в употреблении.

С 1943 года командный и начальствующий состав Советской Армии стал именоваться *офицерским*. Курсанты, оканчивающие военное училище, после государственных экзаменов получают *офицерское звание*. *Офицеры Советской Армии* — проводники политики Коммунистической партии, Советского правительства, воспитатели своих солдат.

К воинским званиям младших офицеров относятся: *младший лейтенант* — *лейтенант* — *старший лейтенант* — *капитан*. Слово *лейтенант* по происхождению французское (первоначально означало *lieutenant* 'заместитель'). Возникло такое звание во Франции в XV веке для обозначения должности заместителя начальника отряда. Со второй половины XVII века во Франции и в других странах оно стало воинским званием. В России это звание существовало с 1701 по 1917 год в Военно-Морском флоте.

Как воинское звание младшего офицерского состава в Вооруженных Силах СССР термин *лейтенант* введен 22 сентября 1935 года. В русских словарях слово *лейтенант* регистрируется с 1731 года, а в новом осмыслении 'лейтенант — офицерское звание или чин в армии и флоте' отмечается 17-томным Словарем (Т. 6, 1957). В ряду *младший лейтенант* — *лейтенант* — *старший лейтенант* устанавливается трехступенчатая градация с помощью определений

младший и старший (по званию) и без определения (ср. также *младший сержант — сержант — старший сержант*).

Воинское звание *капитан* появилось в России в XVI веке сначала для иностранных офицеров. Во Франции в средние века так называли начальников отдельных воинских округов. Как свидетельствуют «Вести-Куранты», термин *капитан* наряду с другими европейскими воинскими званиями был хорошо известен русскому языку по переводам из немецких вестовых тетрадей, европейских ведомостей, посольской переписки, из вестей о битве под Лейпцигом, из гамбургских вестей: *воьводы капитаны, капитаны, капитан порутчиковъ, драгунскиѣ капитановъ*.

Звание *капитан* присваивалось командирам рот в «полках нового строя», сформированных в XVII веке по образцу западноевропейских армий, а с начала XVIII века было принято как одно из воинских званий в регулярной русской армии. Слово *капитан* входило в различные сложные обозначения чинов: *капитан-поручик, штаб-капитан* и другие. Некоторое время воинского звания *капитан* в нашей Армии не было. Оно установлено в Советских Вооруженных Силах в 1935 году (о слове *капитан* см. подробнее: В. Г. Демьянов. Из истории слова *капитан*. — «Русская речь», 1975, № 3).

Воинские звания *старших офицеров* составляют *майор — подполковник — полковник*. Термин *майор* по происхождению латинский: *maior* — «большой, старший». В «Вестях-Курантах» встречаются сообщения: *под начальнымъ маером, начальной маюр, генеральной маюръ, маюра*. В русской армии чин *майор* существовал с конца XVII века (1698). Некоторое время (1731—1798) было два чина: *премьер-майор* и *секунд-майор*. Вообще это наименование существовало до 1884 года с небольшими перерывами. Второе рождение слова *майор* было 22 сентября 1935 года, когда установлено воинское звание *майора* в Вооруженных Силах СССР.

Термины *полковник* и *подполковник* связаны между собой одним общеславянским корнем *полк* «войско». Отсюда и значение слова *полковник* — «командир полка». Как воинское звание, оно пришло из польского и было впервые введено в середине XVI века в стрелецком войске. Полковниками назывались также командиры полков в войсках украинского и запорожского казачества.

Н. В. Гоголь пишет о своем герое Тарасе Бульбе: «Тарас был один из числа коренных, старых полковников...». В древнерусском языке слово *полк* (*полкъ — пълкъ*) было многозначным — 'войско, отряд, воинство, силы, битва, сражение, стан, война, поход', а также 'народ, толпа'. Ср.: «Слово о полку Игореве» — «Слово о походе Игоря» (И. И. Срезневский, Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1902). Значение же *полк* 'войско' стало специализироваться и терминологизироваться.

В XVII веке в «полках нового строя» были введены воинские наименования *полковник* и *подполковник*, второй термин существовал и в форме *полуполковник*. «Вести-Куранты» в известиях с театров войны сообщали о делах *начальных подполковников, полуполковников, полковников*. Уже в 1701 году слово *полковник* было зарегистрировано русскими словарями, *подполковник* — в 1731 году, а *полуполковник*, абсолютный синоним к *подполковник*, одновременно с ним употреблявшийся (см. «Вести-Куранты»), попал в словари, однако, только в 1847 году. *Полуполковник* — устаревшее слово (историзм). Наименования-термины *полковник* и *подполковник* получают вторую жизнь: 22 сентября 1935 года в Вооруженных Силах СССР было введено воинское звание *полковник*, а 1 сентября 1939 года — *подполковник*.

Традиционные воинские звания *лейтенант — капитан — майор — подполковник — полковник* получают в наше время новую жизнь. Старым остается общее осмысление — 'защитники своей страны'. Новой же оказывается не только сама система воинских званий, но и их осмысление в духе социалистического и коммунистического понимания долга, морали, этики.

Примечательно, однако, что в историю уходят и некоторые наименования уже советского периода. Но характер уходящих слов ныне совсем иной. Воинские звания революционной и после-революционной поры связаны со славными делами. Вот как вспоминается слово *комиссар* в один из решающих боев с гитлеровцами в декабре 1943 года. На линию фронта прибыл Л. И. Брежнев: «Запомнилось, как он [адъютант И. Кравчук] без конца повторяя:

— Это комиссар, начальник политотдела!

Уже давно не существовал в нашей армии институт комиссаров, давно не слышали в войсках и самого слова *комиссар*, но Кравчуку оно в тот момент показалось наиболее подходящим» (Л. И. Брежнев. Малая земля).

Слово *комиссар* (первоначально *комсар, комиссарий, комисса-*

риус и др.) восходит к *commissarius* 'уполномоченный' от латинского *commitere* 'вверять, поручать', *commissum* 'поручение, дело'. В русском языке это слово распространяется с конца XVI века (из западноевропейских языков, где оно укрепилось в период XIV—XVI веков). До середины XVII века это было обозначение разных должностных лиц — представителей различных зарубежных стран, а со второй половины XVII века — это уже и названия русских должностных лиц: дипломатических агентов, полномочных послов, торговых представителей, а также особых воинских чинов. В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского (1803—1806) читаем: «Комиссар, лат. сие слово вообще значит того, кто вышнюю властью избирается и назначается для управления и смотрения за каким-либо делом...».

После Великой Октябрьской революции (с 1917 по 1946 год: до образования министерств) в сочетании *народный комиссар* старое слово получает новое осмысление 'член правительства, возглавляющий народный комисариат'. Почти одновременно это же слово *комиссар* получает еще одно осмысление: с 1918 по 1942 год (с перерывами) означало 'уполномоченное Коммунистической партией и Советским правительством лицо, вместе с командиром воинской части несшее ответственность за политическое, боевое, материально-хозяйственное состояние части'. Военные комиссары сыграли огромную роль в создании Красной Армии. Их деятельность запечатлена в художественной литературе (вспомним комиссара из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского). О слове *комиссар* можно сказать, что оно перешагнуло систему воинских званий и вошло в общенародный язык как символ высокого сознания и патриотизма. Именно в этом значении его хранит народная память (о слове *комиссар* см. подробнее: Ф. П. Сергеев. Комиссар.— «Русская речь», 1976, № 1).

Разный исторический фон, разные эпохи — и как различно содержание понятий, выраженных, казалось бы, однозначными терминами.

Традиционные воинские звания в новом социалистическом обществе складываются в новую систему на основе новой политики, идеологии, новой технической базы. Старые слова *солдат* — *ефрейтор* — *сержант* — *прапорщик* — *офицер* — *лейтенант* — *капитан* — *майор* — *подполковник* — *полковник* обретают новую жизнь в новом обществе.

А. А. БРАГИНА

В ПОИСКАХ ЕДИНСТ- ВЕННОГО НАЗВАНИЯ

Казалось бы, просто: появляется новый предмет — ему дается новое название, в язык входит новое слово. Создали аппарат — назвали его *телевизор*, другой — *холодильник*. Появились *трактора* — а с ними и *трактористы*...

Но новый предмет не всегда называют новым словом. Долго писали гусиным *пером*. Когда стали вместо него употреблять металлическую насадку, то для нее не изобретали но-

---

Устранение множественности наименований одного и того же идет разными путями. Такие слова могут различаться по значению: в паре *авиатор* — *летчик* первое слово имеет более широкий смысл, оно обозначает и членов экипажа самолета, и работников наземных служб авиации. Иногда слова имеют разную сферу употребления. Например, в номенклатуре членов футбольной команды есть слова *вратарь*, *защитник*, *нападающий*. Но в жанре спортивной публицистики употребляют и другие наименования игроков (*вратаря* журналист может назвать *голкипером*).

Еще пример. Дублетами кажутся слова *пианино* и *фортепиано*. Но в бытовой речи комнатный музыкальный инструмент называют *пианино*, слово *фортепиано* воспринимается уже как устаревшее. А в речи музыкантов *фортепиано* обозначает струнный клавишный молоточковый инструмент двух видов: *пианино*, в котором рама со струнами расположена вертикально, и *рояль* — фортепиано с горизонтально расположенными струнами.

Сложные отношения существуют между словами *шофер* и *водитель*. С первого взгляда они могут показаться дублетами. (Вспомним название повести А. Рыбакова о шоферах — «Водители».) Дальше мы замечаем, что может быть *водитель трамвая*, *троллейбуса*, *водитель танка*, а *шофер* — это только водитель автомобиля, то есть мы устанавливаем, что слово *водитель* шире по значению, чем *шофер*. Но и это еще не все. *Шофер* — это не всякий водитель автомобиля, а только водитель-профессионал. Поэтому можно сказать *водитель такси* и *шофер такси*, но собственной машиной управляет не шофер, а *водитель*. Однако бывают случаи, когда слово *шофер* называет не одного лишь профессионала, а любого ва-

---

вого слова, а назвали тоже пером. И стеклянный пузырек с тонкой проволокой внутри называли *лампой*, потому что он дает нам свет, так же, как старая керосиновая *лампа*. Затем появилось устройство для выпрямления и усиления тока, похожее по виду на электрическую лампу, — стеклянный пузырек с электродами внутри. Ему тоже дали имя *лампа*: *электронная лампа*, *радиолампа*. Потом стали выпу-

скать такие устройства и в металлических, а не в стеклянных баллонах, но их все равно называют *радиолампами*.

Бывает и обратное. Нередко для нового предмета используется не одно название, а несколько. Появляются различные слова и словосочетания, называющие одно и то же. Но язык не терпит такого излишества, он стремится избавиться от ненужного избытка.

дителя автомобиля. Такое значение имеет это слово в сочетании *шофер-любитель*.

Подобные дублеты могут разграничиваться по сочетаемости с другими словами. Вот несколько одинаковых по значению прилагательных: *иностранный*, *иноземный*, *заграничный*, *зарубежный*. Попробуйте соединить их со словами *язык*, *мода*, *журналист*, *друзья*, *посетители*, *спортсмены*, *туристы*, *недоброжелатели*, *ботинки*, *книга*, *костюм*. Одни сочетания оказываются приемлемыми: *иностранный язык*, *заграничный костюм*, *зарубежные друзья*... Другие сочетания вызывают удивление. Можно ли сказать «заграничный язык», «иностранный костюм», «иноземная книга»? Разве что в шутку.

Наконец, бывает и так. Через некоторое время одно из названий закрепляется в языке, а другие уходят, забываются, остаются только в словарях. А иногда отбор происходит так быстро, что слова, не выдержавшие конкуренции с другими, не успевают попасть в словарь. И только в литературе тех лет или в мемуарах появится как примета времени, о котором идет речь, необычное для наших дней слово.

Вот рассказчик вспоминает о радиопередачах 1924 года: «Первые *дикторы*, или, как тогда называли нас, *чтецы*, едем из Армянского переулка, где помещалась редакция, на Гороховую улицу» («Вечерняя Москва», 6 мая 1972). Слово *чтец* в таком значении уже забыто, прожило оно недолго и в этом значении не успело даже попасть в словарь.

Как назвать водителя трактора? Конечно, *трактористом*. Но и это слово закрепилось не сразу. В докладе на VIII съезде РКП (б)

в 1919 году В. И. Ленин мечтал о том, чтобы дать селу сто тысяч тракторов, «снабдить их машинистами». Через несколько лет появляется слово *тракторист*, но в том же значении вы встретите и другие слова: *машинист*, *вожатый*, *рулевой*, даже *шофер*. Только к 1930—1931 годам, когда профессия водителя трактора стала широко распространенной, его стали называть *трактористом*, а другие слова утратили это значение.

Лишь в музее можно теперь увидеть деревянный ящик с огромной, чуть не в полметра, трубой, «чудо XX века» — *граммофон*. Затем фирма «Патэ» стала изготовлять портативные граммофоны, без громоздкой трубы. Их назвали *патефонами*. Граммофонов уже нет, вышло из употребления и слово *граммофон*. Но сменивший его *патефон* не сразу закрепил за собой это название. Так, в «Записных книжках» И. Ильфа оно еще не употребляется, хотя речь идет именно о таком аппарате: «Хотели выменять *граммофон без трубы* в деревне». Теперь и *патефон* редко увидишь — на смену ему пришли новые аппараты, с радиоусилителями, — *электропроигрыватели*, *электрофоны*. Слово *патефон* тоже забылось. И только сами пластинки с записями называются до сих пор *граммофонными* или, короче, *грампластинки*. Да еще появилось в том же значении слово *диск*.

Недавно газеты сообщили: выпущен трехмиллионный *холодильник* «ЗИЛ». Первый холодильник был изготовлен в 1950 году. Естественно, что слово в таком значении раньше не употреблялось. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова даны такие значения: *холодильник* — 1. Устройство, прибор для охлаждения чего-л. (тех.). *Холодильник паровой машины* (рзсервуар, в который выпускается для охлаждения пар). *Масляный холодильник* (для охлаждения отработанного пара); 2. Сооружение, помещение с искусственно пониженной температурой воздуха для хранения, перевозки скоропортящихся продуктов. *Вагон-холодильник*. *Городские холодильники*. Да и это (второе) значение надо было пояснять. «Не пройдет месяца, как Хуан исправится и последует вашему желанию обучаться торговому делу у управляющего вашими холодильниками», — говорит герой рассказа А. С. Грина «Ранчо „Каменный столб“». И к слову *холодильниками* автор делает примечание: «Склады мяса, замороженного искусственным льдом».

В литературе 30-х годов не употребляется слово *холодильник* в привычном сегодня значении «домашний шкаф для хранения продуктов при пониженной температуре». Вот как называют такой шкаф И. Ильф и Е. Петров в рассказе «Тоня»: «Тут была красивая белая газовая плита и *электрический холодильный шкаф*»; «В реф-

рижераторе у нее совсем по-американски лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком, масло. Теперь *холодильный шкаф* осталось только как заводское номенклатурное название домашнего холодильника. Для слова *рефрижератор* современные толковые словари указывают два значения: 'часть холодильной машины, в которой образуется низкая температура' и 'транспортное средство (судно, вагон, автомобиль), снабженное холодильной установкой'.

Еще одно замечание о том, как раньше хранили и как перевозили продукты при низкой температуре. Издавна устраивали в усадьбах *ледники* — набитые льдом погреба, в которых держали съестные припасы. Может быть, кто-нибудь из читателей видел *комнатный ледник* — невысокий шкаф, состоящий из двух камер: в одну клали продукты, в другую — лед с солью, а внизу был край (чтобы сливать воду, которая скапливалась по мере таяния льда). По такому же принципу строили и *вагоны-ледники* (их выпуск прекращен в 1964 году). До чего же неудобны были эти ледники по сравнению с современными холодильниками, в которых автоматически поддерживается заданная температура! Ледники ушли из нашего быта, ушло и слово *ледник*. И всем ли молодым читателям понятны строки из эпиграммы Роберта Бернса в переводе С. Я. Маршака: «Не церковь, а какой-то ледник... А в ней холодный проповедник»?

Всем знакома *авторучка* (правда, теперь старую перьевую авторучку вытесняет *шариковая ручка*, или *шариковый карандаш*, а то и просто *шарик*). Название этого предмета тоже закрепилось не сразу. Вспомним В. В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии»: «А если/ вам кажется, / что всего делов — / это пользоваться / чужими словесами, / то вот вам, / товарищи, / мое *стилб*/ и можете / писать/ сами!». Слово *стилб* в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова объясняется так: «То же, что *стилограф*». А для слова *стилограф* как оттенок значения дано «*вечное перо*» (еще одно название). Есть в этом словаре и толкование для *вечного пера*: «Золотое перо с иридиевым наконечником, вделанное в ручку с резервуаром для чернил». К этому толкованию надо сделать два замечания. Во-первых, *вечным пером* называли не только само перо, но и ручку с пером. Во-вторых, наряду с золотыми перьями стали делать для таких ручек несравненно более дешевые стальные перья. Были у ручки и другие имена. Называли ее *самопишущая ручка*, *самопис*: «Получая некоторые эфирные пространства, Кирпичников опускал в них какое-либо обыкновенное тело (например, *самопис* Ваттермана)» (А. Платонов. *Эфирный тракт*; — Вспомним недавнее ученическое слово *само-*

писка); «Следователь положил портфель на больничный стол и, придвинув табурет, сел, приготавливая *механическое перо*» (А. С. Грин. Дорога никуда). Иногда называли ручку по имени фирмы: *паркер*, *ват(т)ерман*. Вот сколько соперников пришлось одолеть принятому сегодня слову *авторучка*.

Несколько лет назад появилась в рыбных магазинах паста *криль*. Слово неизвестное, очень специальное: «Мы, ученые, называем это *зоопланктоном*, а китобой — по-своему: „капшак“, „криль“, „роод“ или просто „китовая похлебка“» (П. Сажин. Капитан Кирибеев). А вот из газетной заметки о сыре «Коралл»: «„Изюминку“ придает сыру белковая паста *криля — планктона, напоминающего по вкусу креветки*» («Вечерняя Москва», 18 мая 1971). Хотите ли попробовать зоопланктон? Желающих было не очень много, покупали с опаской. Когда вместо непонятного *криля* и не очень аппетитного *зоопланктона* появилась паста «океан» и сыр с этой пастой, оказалось, что это вкусно. Пасту покупают, пасту едят. Один из многих примеров того, как важно в торговле удачное название.

Привычное слово — *кинотеатр*. Но вот воспоминание о событиях начала века: «Буквально вчера появились первые „*кинематографы*“, они же „*иллюзионы*“, они же и „*биоскопы*“: не сразу придумалось, как это чудо называть» (Л. Успенский. Энд-два-о плюс икс дважды). Другой пример — из рассказа А. С. Грина «Подаренная жизнь» (1915): «У Коркина оставалось два свободных часа. Он решил провести их в *кинематографе*... Он зашел в какой-то из „*Биоскопов*“».

Последний рассказ — о слове *зонтик*. История у него более сложная и долгая, чем у тех слов, которые мы рассматривали. Голландское слово *Zonnedek* (по-русски писали *зондек*) обозначало и в русском и в голландском языке 'полотно, которое натягивали над корабельной палубой для защиты от солнца'. Так объяснял слово и изданный в 1803 году «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. Яновского, у которого толкование заканчивается словами: «Гент то же значит», и вышедший в 1885 году восьмым изданием «Полный словарь иностранных слов» И. Ф. Бурдона и А. Д. Михельсона, и даже увидевший свет в 1907 году выпуск академического «Словаря русского языка». В русском языке слово изменило свой облик. Оно стало звучать так же, как сегодня. В словаре Н. Яновского есть и слово *зонтик*. Оно употребляется для объяснения других слов, но само никак не поясняется. Очевидно, составитель словаря считал его общеизвестным. Кстати, изменение слова привело к тому, что оно стало восприниматься как уменьшительное, а часть *-ик* — как суф-

фикс: *столик* — *стол*, *шарик* — *шар*, *мостик* — *мост*, так же и *зонтик* — *зонт*. Только слово *столик* образовано от *стол*, а здесь обратное явление: *зонт* образовано от *зонтик*. Так в русском языке появился новый корень.

Слово *зонтик*, известное еще в XVIII веке, имело несколько значений (часть приводимых далее примеров взята из толковых словарей). Оно могло называть козырек над глазами для защиты от света: «[Хозяин] стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу, в виде *зонтика* над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж» (Н. В. Гоголь. Мертвые души); это значение сохраняется до конца XIX века: «Старуха посмотрела вверх, прикрыв глаза, как *зонтиком*, ладонью» (А. И. Куприн. Олеся). Использовалось слово *зонтик* и для называния абажура: «Нянька приносит меня в большую комнату, слабо освещенную свечою под *зонтиком*» (А. С. Пушкин. Русский Пелам); но в этом значении употреблялось до начала XX века и слово *колпак*: «Окна черны, как сажа, глядят пасмурно, по-осеннему, и только в одном из них виден слабый, тусклый свет от ночника с розовым *колпаком*» (А. П. Чехов. Недобрая ночь); «Тогда стеклянный *колпак* на лампе тихонько начинает дребезжать» (А. Н. Толстой. Я лежу в траве).

Видимо, с начала прошлого века слово *зонтик* употреблялось и в современном значении, называя, как сказано в Толковом словаре В. И. Даля, 'ручной складной щиток для защиты от дождя и солнца'. В этом, последнем значении употреблялись и другие слова. Дамский зонтик для защиты от солнца назывался *парасоль* (франц. *parasole*): «Я на бале то же, что шуба летом или *парасоль* зимою: вещь самая бесполезная» (Н. М. Карамзин. Письмо И. И. Дмитриеву, 27 июля 1798); «Да купила я лорнет, *Парасоль*, часы стенные, Вещи разные иные» (И. П. Мятлев. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой). Зонтик от дождя называли французским словом *параплуи* (франц. *parapluie*). Наконец, для зонтика, который служил защитой и от дождя, и от солнца, было французское слово *антука* (*en tout cas* — на все случаи). Слишком много названий для зонтика, тем более, что обычно, видимо, зонтик был один — *антука*, он служил и как *парасоль*, и как *параплуи*.

Слово *зонтик* имело в XIX веке разные значения. Вместе с тем сам предмет (или его разновидности) назывались разными словами. К концу XIX — началу XX века картина значительно упрощается. С одной стороны, слово утратило былую многозначность, перестало употребляться в значениях 'козырек', 'абажур', 'навес'. С другой, оно вытеснило употреблявшиеся в том же или

в более узком значении слова *парасоль, парашюти, антука*, оставшись единственным названием известного приспособления для защиты от дождя и солнца.

Почему в такой борьбе разных названий побеждает это слово, а не то? Ответить на вопрос нелегко.

Если один предмет вытесняется другим, выполняющим ту же функцию, то новый предмет может просто переменить название прежнего. Так произошло, например, со словом *лампа* (сначала масляная, потом керосиновая, теперь — электрическая). В случае конкуренции названий слабее оказываются позиции многозначного слова. Оно легче вытесняется словом, называющим только данный предмет. *Тракторист* — это только водитель трактора в отличие от машиниста, рулевого или вожатого.

Иногда более удобно слово родного языка — значение корня и словообразовательная структура слова позволяют понять, о чем идет речь: *холодильник* понятнее, чем *рефрижератор*. В других случаях иностранное слово оказывается удобнее родного именно потому, что оно может быть употреблено в предельно узком значении: *эскалатор* — это не просто лестница и не всякая движущаяся лестница (лестница на пожарной машине, например, не эскалатор), а непрерывно движущаяся лестница для подъема и спуска людей. Играет роль и краткость названия: *робот* (или *промышленный робот*, в отличие от роботов — персонажей научно-фантастических романов) короче, чем *манипулятор с программным управлением*.

Итак, в языке действуют одновременно два противоречащих друг другу принципа: 1. Один и тот же предмет может быть назван разными словами, не отличающимися друг от друга ни оттенками значения, ни сферой употребления, ни сочетаемостью с другими словами; 2. Язык не терпит положения, при котором два или несколько слов называют один и тот же предмет, ничем не отличаясь при этом друг от друга. Это противоречие снимается в ходе исторических изменений языка. Здесь более подробно рассказано только об одном из путей устранения названного противоречия — описаны случаи, когда одно слово закрепляется в языке как название предмета, а другие названия выходят из употребления. Иногда слово довольно быстро, в течение одного — двух десятилетий, вытесняет другие. Иногда много времени может пройти, прежде чем слово станет единственным, общеупотребительным названием знакомого, привычного предмета.

В. А. ИЦКОВИЧ

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД

Народная мудрость гласит: «Если твои планы рассчитаны на год — сей рожь, если на десятилетия — сажай деревья, если на века — воспитывай детей». Мы сеем хлеб, бережем наши леса и заботливо растим юные поколения, потому что будущее нашей страны зависит от того, какими вырастут наши дети, какими будут наши внуки. Какой в XXI веке будет наша страна зависит и от нынешних учителей. Учительский труд устремлен в будущее, он как бы перекидывает мостик из сегодняшнего дня в завтрашний.

Сейчас трудно со всей точностью определить вершины, которые будут взяты, когда нынешние школьники займут ключевые позиции в жизни. Но то, что сегодня закладывает учитель в идейно-нравственное формирование молодежи, безотказно сработает в пору зрелости. Поэтому партия ставит перед учителем, перед педагогическим коллективом задачу — добиваться единства обучения и воспитания, осуществлять комплексный подход к идейно-политическому, трудовому, нравственному, эстетическому воспитанию и физическому развитию учащихся, укреплять связь школы с жизнью и трудом советского народа, с практикой коммунистического строительства.

Конечно, учитель не одинок в своей деятельности. У школы много друзей, много надежных помощников. Все теснее ее связи с трудовыми коллективами, с рабочим классом, с тружениками колхозов и совхозов.

Главное же, что решает успех учительского дела, — это мудрое руководство партии, ее неизменная забота и внимание.

Минувшим летом советское учительство собралось в Кремле на большой педагогический совет. Делегаты Всесоюзного съезда учителей обсуждали пути дальнейшего совершенствования обучения и воспитания молодых строителей коммунизма. Не только делегаты съезда — все наставники школьной молодежи — ощутили в эти дни тепло всенародной признательности. Выражением ее стало приветствие съезду ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

«Советское учительство, воспитанное на животворных идеях марксизма-ленинизма,— говорится в приветствии,— самоотверженно трудится на благородном поприще просвещения. Партия и Советское правительство высоко ценят неутомимую, плодотворную деятельность учителей и выражают глубокую благодарность за их самоотверженный труд».

Огромное уважение к благородной миссии учителя проявилось и в том, что в работе съезда приняли участие руководители Коммунистической партии и Советского государства, а также деятели науки и культуры, представители трудовых коллективов.

Съезд раскрыл широкую панораму работы учительства, обсудил достигнутые успехи на путях всеобщего среднего образования, наметил перспективы повышения уровня подготовки юного поколения к жизни и труду.

«Задача превратить знания в орудие морального со-

ИЗ ИСТОРИИ УЧИТЕЛЬСКИХ СЪЕЗДОВ

Зимой 1902—1903 годов в Москве состоялся Первый делегатский съезд учительских обществ, представлявший примерно 25 тысяч педагогов.

Учительские съезды часто собирались во время первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов и затем накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Царское самодержавие нередко запрещало проведение съездов; представителей передового учительства увольняли с работы, подвергали репрессиям.

В первые же годы Советской власти народному образованию в молодой стране было уделено огромное внимание. В 1918—1919 годах состоялись I и II съезды учителей-интерна-

вершенствования,— отметил в своем докладе министр просвещения СССР М. А. Прокофьев,— подчинить их цели гармонического развития человека — одна из трудных, но главных задач советской школы».

Известно, что в формировании сознания молодежи огромную роль играют литература и искусство. Выработать потребность изучать и анализировать художественные произведения, понимать их красоту, оценивать с позиций коммунистической морали — цель школьного курса.

Опыт показывает, что нравственное воспитание, превращение ценностей искусства в ценности личные, в собственные нравственные принципы не происходят автоматически, самим фактом знакомства с великими произведениями литературы, заучиванием «образов» и «художественных особенностей». В этом деле нужны особые приемы преподавания, оживление существующих форм.

Очень глубокие мысли о высоком долге учителя высказал в своем выступлении на съезде председатель правления Союза писателей РСФСР, действительный член Академии педагогических наук СССР, Герой Социалистического Труда С. Михалков: «Чему же должен учить учитель? Разумеется, и тому, что изложено в школьном учебнике,— сказал он.— Но даже идеальный учебник литературы никогда не заменит саму литературу, являющуюся учебником жизни. ...Главная цель.— научить ребят

ационалистов, Первый учредительный съезд работников просвещения, Всероссийский съезд по просвещению, Всероссийский съезд по внешкольному образованию, Всероссийский съезд коммунистов-учащихся и т. д.

В работе всех этих съездов и различных совещаний по вопросам просвещения принимал личное участие В. И. Ленин. Его доклады и выступления имели огромное значение для становления и развития советской школы.

Первый Всесоюзный съезд учителей проходил в 1925 году. На нем решались такие задачи, как ликвидация массовой неграмотности населения, становление единой, общеобразовательной, трудовой, политехнической школы.

В 30-е годы и в последующий период были приняты Постановления партии и правительства о школе. Они установили

любить литературу, научить их творчески мечтать, беречь родную природу, уважать человеческое достоинство, прошлое и настоящее своего народа, гордиться героическими делами отцов и дедов, свято хранить социалистическое Отечество, умножать его завоевания, беззаветно отдавать свой труд, способности и силы претворению в жизнь высоких идеалов коммунизма. Именно это является целью и святым долгом советского педагога».

Особое внимание на съезде учителей было обращено на улучшение преподавания русского языка как языка межнационального общения народов СССР. «Тяга к его изучению громадная,— подчеркнул в докладе М. А. Прокофьев.— Органы управления школой, методическая служба, ученые должны принять меры к обобщению накопленного положительного опыта, помочь создать совершенные учебники, усилить помощь в повышении квалификации учителей».

В наши дни гармоническое развитие личности невозможно без глубокого изучения русского языка, ставшего для учащихся национальных школ вторым родным. «Это дает им возможность приобщаться к революционным, боевым и трудовым традициям народов-братьев, к сокровищнице национальных и мировой культур. Русский язык — язык мира и дружбы»,— говорил с высокой трибуны съезда Б. В. Дынга, директор 1-й криулянской средней школы Молдавской ССР.

ныне существующие типы школ, их структуру и содержание образования. Школа обрела все главные черты единой, трудовой, политехнической школы.

В 1968 году состоялся Второй Всесоюзный съезд учителей. С большой речью на съезде выступил товарищ Л. И. Брежнев. Съезд обсудил вопрос «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы». Особое внимание было уделено качеству работы. «Каждый учитель,— указывалось в Обращении съезда,— призван сосредоточить свои усилия на решении следующих важнейших задач: вооружать учащихся знаниями основ наук; формировать у них высокую коммунистическую сознательность; готовить молодежь к жизни, к самостоятельному výkonу профессии, к активной трудовой и общественной деятельности».

Многие делегаты высказали мнение, что главное внимание необходимо сосредоточить не на заучивании грамматических правил и механической работе над текстом, а на развитии речи учащихся, речевой практике.

В школах нашей страны 300 тысяч словесников. Необходимо, чтобы каждый их урок был не просто занятием по языку и литературе, но и уроком жизни. Партия уделяет большое внимание нравственному воспитанию молодежи. Об этом с новой силой сказал Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола: «Пора всем работникам идеологического фронта покончить с неизжитой еще кое-где практикой механического, бездумного повторения прописных истин, со словесной трескотней. Пора сделать правилом — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства. Это тоже вопрос качества и эффективности, причем на таком важном участке строительства коммунизма, как воспитание нового человека».

Большая роль в реализации задач, поставленных перед школой партией и правительством, отводится преподавателям русского языка и литературы. Наше общество нуждается в том, чтобы из школы выходили высокообразованные, духовно развитые, нравственно воспитанные люди.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

■ В нашей стране в основном завершено введение среднего образования молодежи. Около 99 процентов окончивших восьмые классы общеобразовательных школ продолжают обучение для получения полного среднего образования в девятих классах общеобразовательных школ, средних специальных и средних профессионально-технических учебных заведениях.

■ За последние десять лет в Советском Союзе открыто 12,5 тысяч средних школ, подготовлено более двух миллионов педагогов. Ныне общая численность учителей и воспитателей школ составляет около трех миллионов человек.

■ Из года в год растут государственные расходы на общее образование и воспитание детей и подростков, а также об-

щее образование взрослых. В 1976 году они составили 14283 млн. рублей.

■ 150 тысяч педагогов — депутаты местных Советов народных депутатов, а 78 педагогов — депутаты Верховных Советов союзных республик и Верховного Совета СССР.

■ По предложению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в деле обучения и коммунистического воспитания учащихся присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» 46 наиболее отличившимся учителям школ и преподавателям профессионально-технических училищ.

10 тысяч учителей награждены орденами и медалями Советского Союза.

ПРАЗДНИК юности и дружбы

Мировую известность приобрели международные олимпиады по русскому языку. Их цель — способствовать повышению интереса школьников зарубежных стран к изучению русского языка, русской и советской литературы, помогать их более глубокому знакомству с советской действительностью, поднимать роль и авторитет национальных олимпиад и конкурсов по русскому языку, укрепляя тем самым дружеские связи между молодежью всех стран.

Первая международная олимпиада была проведена в Москве в 1972 году. В ней участвовали победители национальных олимпиад из 16 государств Америки, Европы, Азии и Австралии.

Вторая олимпиада, проведенная Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в июле 1975 года, привлекла в Москву вдвое больше участников из 27 стран, причем впервые — из трех африканских.

На XIII сессии Исполнительного совета МАПРЯЛ (Москва — Баку, 1977) было принято решение провести III Международную олимпиаду школьников по русскому языку в Москве летом 1978 года и был утвержден проект Положения о международных олимпиадах школьников.

■ Гостеприимно распахнулись двери Московского Дворца пионеров на Ленинских горах. Здесь 23 июня 1978 года собрались юные посланцы из 35 стран пяти континентов на открытие III Международной олимпиады школьников по русскому языку, организованной Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Министерством просвещения СССР, ЦК ВЛКСМ, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Институтом русского языка им. А. С. Пушкина.

Открывая олимпиаду, генеральный секретарь МАПРЯЛ, член-корреспондент АПН СССР, профессор В. Г. К о с т о м а р о в сказал, что международные олимпиады по русскому языку преследуют цель — познакомить, подружить, объединить молодежь нашей пла-

неты в борьбе за прочный мир и дружбу между народами, причем проводником этой благородной и гуманной идеи служит великий русский язык.

Министр высшего и среднего специального образования СССР, член-корреспондент АН СССР В. П. Е л ю т и н, приветствуя участников олимпиады, отметил, что проведение международных олимпиад по русскому языку в Москве стало доброй традицией.

В этот раз в Москву приехали 239 девушек и юношей из 35 государств — победители олимпиад по русскому языку в своих странах, и всех их привела сюда любовь к русскому языку и интерес к жизни народа, говорящего на нем. Третья международная олимпиада по русскому языку — это не только праздник русского языка, это праздник юности, праздник дружбы!

Продолжая традиции предыдущих олимпиад по русскому языку, III Международная олимпиада проходила под девизом: «Победит дружба!». «Мы гордимся,— сказали делегаты от советской пионерии,— что наш язык — язык мира и дружбы, разума и справедливости! Но мы с уважением и интересом относимся к языку и культуре ваших стран... Мы будем волноваться за вас, хотя знаем, что на этой встрече не будет побежденных... Самый главный победитель олимпиады — дружба!».

Много теплых и добрых слов прозвучало в этот день в адрес участников соревнований. «Большая радость для нашей молодой республики,— сказала руководитель группы школьников из Лаоса К е о л а Б у н т х а н о м,— участие в III Международной олимпиаде по русскому языку... Мы приехали сюда, чтобы расширить культурные связи нашей страны с другими странами, чтобы поближе познакомиться с советскими людьми и страной, язык которой стал одним из наиболее распространенных языков мира. Пусть эта встреча еще больше объединит молодежь всего мира!».

От шеститысячной армии преподавателей русского языка и от полутора миллионов изучающих русский язык в Болгарии приветствовала собравшихся в зале Р а т к а М а к е д о н о в а: «Почти сто лет мы изучаем русский язык, потому что исторические корни отношений наших народов уходят в глубокое прошлое... Мы знаем и любим русский язык, язык великого народа, имеющего главную и древнюю культуру. Это язык, на котором написаны гениальные творения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тургенева, Льва Толстого и Чехова, Горького и Маяковского... Это язык великого Ленина, и мы хотим говорить по-русски так, как на своем родном языке».

Руководитель группы школьников из Того А м у с с у К а с с и л и сказал: «Всего семь лет мы изучаем русский язык как обязательный предмет в школах нашей страны. Но год от года число

Группа ребят — участников Олимпиады

желающих изучать его растет... Мы рады принять участие в III Международной олимпиаде, потому что для нас это — возможность повысить свои знания, получить прекрасную речевую практику, укрепить дружеские связи...».

Вальтер Эккерт (ГДР), участник всех трех олимпиад, отметил, что I Международная олимпиада «положила доброе начало замечательным праздникам русского языка. Мы от всей души желаем укрепления этой традиции».

И вот начались соревнования. Они проводились в трех комиссиях: «Устная речь», «Чтение и пересказ», «Страноведение». Самым трудным, как выяснилось из бесед с ребятами, был экзамен по страноведению. Помимо хорошего знания языка необходимо было показать осведомленность во многих вопросах, касающихся жизни советских людей, истории развития страны, ее культуры. Об этом свидетельствуют названия тем, предложенных участникам олимпиады: «У карты СССР», «Спорт в СССР», «Крупнейшие стройки СССР», «Русские и советские писатели, художники, композиторы» и другие. В помощь школьникам были предоставлены наглядные пособия: карты, фотографии, иллюстрации, журналы...

Это были самые ответственные дни олимпиады. Сто лучших и наиболее опытных преподавателей работали с ее участниками. Доброжелательность педагогов, готовность прийти на помощь, умение расположить ребят к непринужденной беседе, вызвать у них живой интерес к предложенной теме помогли школьникам справиться с волнением, почувствовать себя легко и свободно.

В остальное время юные знатоки русского языка знакомились с Москвой, осматривали достопримечательности столицы, посещали выставки, театры, встречались с пионерами подмосковного пионер-

ского лагеря «Высота», смотрели советские фильмы... Дети разных народов говорили на русском языке, пели русские песни.

В беседе с представителем журнала «Русская речь» они охотно делились своими впечатлениями.

Радоичич Брацислав (Югославия): «Я изучаю русский язык почти 10 лет, и все же, когда ехал в Москву — волновался. Теперь я понимаю, что это самые интересные экзамены из всех, какие пришлось мне выдержать в своей жизни. Олимпиада — это не только соревнование, это время приятных волнений, радостных встреч, воспоминания о которых останутся в моем сердце на всю жизнь. Я счастлив, что знаю русский язык. Он помог мне найти много новых друзей и увидеть замечательный город — Москву».

Владимир Кидава (Польша): «Москва — удивительный город! Я рад, что знание русского языка помогло мне принять участие в этом празднике дружбы. Я мечтаю приехать учиться в Москву, чтобы в совершенстве овладеть русским языком и говорить на нем так, как я говорю на своем родном, польском».

Ребята из Индии увлекательно рассказывали о своей жизни, о школе, в которой они сами подготовили выставку, посвященную достижениям СССР в самых разных областях. В Москве они побывали в Кремле, на ВДНХ, в Большом театре, в Государственном театре кукол...

По общему мнению участников олимпиады, дни, проведенные в Москве, невозможно забыть. Об этом красноречиво свидетельствуют их письма, присланные в «Комсомольскую правду»:

«Мне никогда не забыть этих чудесных дней, которые я провела в прекрасной Москве среди моих юных сверстников, в атмосфере дружбы, мира и интернационализма», — пишет Далхсурэнгийн

Во время экзамена

Большимэг (Монголия); «Люди земного шара должны жить дружно и трудиться дружно. Дружба — это дорога к миру... Благодаря олимпиаде мы можем встретиться с ребятами из разных стран мира. Укрепление дружбы между народами — это общая цель олимпиады», — так считает Данута Лятушек (Польша); «Участвуя в олимпиаде, я убедилась в том, что у нас много верных друзей... Для меня Москва стала сияющим символом интернациональной дружбы... Пусть эта дружба обеспечит свободу и счастье каждой стране. Пусть всегда будет солнце! И пусть всегда будет русский язык, который открыл нам путь к дружбе!» — горячо желает Живка Колева (Велико-Тырново, Болгария).

Для Риты Энгельс из ФРГ русский язык стал тем мостиком, который помог ей принять участие в олимпиаде и познакомиться с ребятами разных национальностей. По ее мнению, «молодежь каждой страны должна понимать своих сверстников во всем мире. Это поможет сделать нашу планету счастливой».

Ангелина Хильдебрант из ГДР — одна из тех, кому после олимпиады в Москве предстояло участвовать еще в одном событии — во Всемирном фестивале молодежи и студентов в столице Кубы, в Гаване. «Я надеюсь, — говорит она, — что встречу там таких же хороших друзей, которых нашла здесь».

Закончилась олимпиада. Разъехались ее участники, увозя с собой золотые, серебряные и бронзовые медали, призы и грамоты победителей, а главное — теплые воспоминания о новых друзьях, интересных встречах, которые подарила им столица нашей Родины — Москва.

Но и теперь юные русисты не могут забыть пережитых волнений, о чем свидетельствуют теплые и сердечные письма, поступающие в редакцию. И в каждом из них снова и снова ребята обращаются к одной ставшей для них важной мысли: дружба — это дорога к миру.

«Вспоминаю олимпиаду с чувством глубокого волнения... Вижу лица друзей, их улыбки, и сердцу становится жарко от той любви к людям, которую трудно выразить словами. Я рада, что знание русского языка помогло мне принять участие в этом удивительном празднике молодежи» (Зорица из селения Футок, Югославия).

«Перед тем, как разъехаться по разным городам нашей страны, мы еще раз хотим сказать добрые слова благодарности своим советским друзьям за олимпиаду в Москве... Спасибо за радушие и сердечность, за искреннюю дружбу. Мы верим, что знание русского языка поможет нам упрочить дружбу народов, отстоять мир на земле» (Роза Бернд, Келлер Калер, Фельдер Яна, ГДР).

И. Б. ЕСКОВА

ОСОБЕННОСТИ СТАРИННОГО КРАСНОРЕЧИЯ

В ека XI и XII для русской литературы — время ее истоков, начал. Но о произведениях, дошедших к нам из глубины этих веков, не скажешь, что они неумелы, слабы, младенчески несовершенны. Вспомним житийные сказания о Борисе и Глебе, о Феодосии Печорском, «Изборник 1076 года», «Слово о законе и благодати» Илариона, Слова Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве». Литература древнейшего периода ставила себе целью донести до общества этические нормы христианства, раскрыть смысл происшедших на Руси исторических изменений, воспитать в соответствии с ними на высоких образцах поведения общественно-политические идеалы. И хотя литература была молода, пафос ее идей и значительность содержания не вступали в противоречие с формой.

Важную роль здесь сыграло то, что древнерусская литература начала развиваться на языке высокой культуры — старославянском языке, который существовал в хорошо разработанной книжной форме и обладал развитыми образно-поэтическими средствами. Язык этот был воспринят вместе с болгарским книжным наследием, располагавшим богатым опытом византийской проповеди, так как многие сочинения отцов греческой церкви были переведены с греческого языка на церковнославянский болгарскими. Воспринятый вместе с книжностью, старославянский язык оказал

ся близким по своей природе к русскому языку. Этот факт дал возможность быстро развиться литературе и высоко поднять в ней искусство формы, доведя до изощренности отделку многих произведений.

Для создания строгой и завершенной формы привлекались такие изобразительные средства, как аллегоризм, символика, тропы, ритмико-звуковой строй, в частности, ритмико-звуковой строй использовался даже активнее, чем в произведениях нового времени. Это связано с тем, что литературе на начальном этапе ее развития нужно было отделиться от общеразговорной стихии языка, чтобы стать искусством и восприниматься как искусство. Тенденция к освобождению от обыденной, бытовой речи сопровождалась усиленным вниманием к форме, к расстановке изобразительных средств, к использованию синонимической избыточности, равного рода амплификаций (амплификация — стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов), ритмико-звуковой организации речи — и все это на базе старославянского языка.

Понятия жанра и стиля торжественных «Слов» расценивались в литературе Киевского периода как эстетические категории. В «Слове на седьмую неделю по пасхе» Кирилл Туровский, пользуясь цитатой из византийской хроники Георгия Амартола, пишет: «Якоже историци и витии, рекше летописцы и песнотворци приклоняют своа слухы в бывшаа между царей рати и ополчения, да украсят словеса слышащая и возвеличат крепко храбравшая, и тех славяще похвалами венчаем, — то колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбрым великим воеводам...». Говоря о словах «украшенных», о похвалах, которыми можно венчать, Кирилл Туровский выражает представление об особом поэтическом языке торжественных слов. В существовавшем в древности разграничении между стилем и формой похвальных и торжественных слов, с одной стороны, и обычной повествовательной формой и бытовой речью, с другой, убеждает и фраза из «Хождения игумена Даниила»: «Аз написах не хитро, но просто».

Таким образом, по эстетическим представлениям средневековья, художественность связывалась с «украшенностью» стиля, проявлением которой наряду с другими приемами был принцип ритмического распределения словесного материала. Задаче эмоционального воздействия на слушателей и читателей проповедь подчинила ритмико-звуковой строй как фактор акустической организации текста и как одно из средств экспрессивной обработки тем. Итак, ритм в ораторских словах выступал признаком художественной речи, предусмотренным замыслом писателя,

Древнерусским писателям искусство ритмической организации речи было известно по высоко развитой традиции византийского торжественного красноречия. В своих сочинениях они ориентировались на творения византийских писателей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Назианзина.

Хотя понятие «творческой лаборатории» к древнерусским книжникам не применимо, потому что чаще всего мы не знаем, как проходил процесс создания произведения, однако, в качестве догадки можно предположить, что древнерусский книжник, ограниченный материалом для письма, складывал свое сочинение устно, без черновиков, предварительно проведя в уме операции отбора фигур, синтаксических средств, построив мысленно композиционную схему произведения, за счет чего могла достигаться чеканность и ритмичность формы.

Трудно бывает судить и о том, когда, по какому поводу и при каких обстоятельствах исполнялись произведения в древней Руси. Но иногда по способу обращения, характеру, тону, самому содержанию их (например, «Слово о законе и благодати») можно думать, что они были произнесены, а не просто написаны. В эпоху, когда книгопечатания не было, а процесс письма был трудоемким и дорогим, потребность в чтении удовлетворялась путем чтения вслух, а не глазами. Это обстоятельство тоже могло вызывать необходимость тщательной отделки речевого строя произведения.

Появлять на ритмическую организацию словесного материала могла также их связь с церковным ритуалом: текст должен быть построен таким образом, чтобы мог соответствовать ритмизованному обряду поклонов и крестного знамени. На книжные письменные произведения могла воздействовать и церковная музыка, с одной стороны, и напевы народных творений — с другой. Таким образом, искусство ритмической речи в древнерусском торжественном красноречии не просто факт языковой и литературной формы, это также результат традиций, условий и обстоятельств, в которых проходил «золотой век» древнерусского красноречия.

Ритмизирующим началом в ораторской прозе является синтаксический повтор, то есть последовательное использование однородных по структуре конструкций. Синтаксический повтор может распространяться на ряд предложений, в этом случае возникает синтаксический параллелизм. Повторяться могут не только целые предложения, но и элементы различных синтаксических структур.

Особенность ритма прозаического произведения состоит в том, что в тексте одновременно сосуществуют самые разные ритмико-синтаксические фигуры.

Смена ритмических тонов, ритмическая неоднородность (перебивы ритма ради его создания) — своеобразная диалектика ритма — прием, позволяющий изменить ритмический рисунок, избежать монотонности. Ритмическая неоднородность создает также фон, на котором впечатление от ритмически организованного текста еще более усиливается, и одновременно она позволяет четко распределить акценты в развитии темы.

Особенно отчетливо принцип ритмической организации текста проявляется в памятниках торжественного красноречия, лучшие образцы которых принадлежат в XI веке первому из русских митрополитов Илариону («Слово о законе и благодати»), в XII веке — Кириллу Туровскому, которого называли за изящество и красоту проповедей «вторым Златоустом», «воссиявшем паче всех па Руси».

«Слово о законе и благодати» Илариона и «Слова» Кирилла Туровского не являются полностью ритмизованными. Ритмические пассажи чередуются в них с менее ритмизованными и даже с такими, которые совсем лишены ритмической выразительности.

В первой части «Слова о законе и благодати» сопоставляются и противопоставляются две темы: «закона» и «благодати», «тени» и «истины», то есть иудейства и христианства. Во второй части развивается тема крещения Руси и связанная с ней похвала князю Владимиру как крестителю русского народа. Ритмическая организация речи появляется или в самый кульминационный момент раскрытия темы, или в момент ее завершения.

Аналогично у Кирилла Туровского. В «Слове на антипасху» четко выделяются две части: первая — собственно «слово», речь — похвала празднику, и вторая часть — повествование о неверии Фомы, использующее известный евангельский сюжет. Для второй части «Слова» ритмическое построение не характерно, оно обнаруживается в первой части, в которой оформляется центральная тема — обновление природы и человека. Идея обновления мира связывается в «Слове» с наступлением праздника пасхи. И поскольку праздник для Кирилла подобен драгоценному венцу («... яко же бо и пленица златы [головное украшение], растворены жьньчюгомъ, с многоцѣннымъ каменьемъ»), то в качестве средства, способного «украсить» похвалу празднику, он привлекает и ритмико-звуковой строй.

Наиболее эффектны по своему ритмическому строю те фрагменты «Слов», которые построены на синтаксическом параллелизме целых предложений. К ним относится, например, та часть «Слова о законе и благодати», в которой говорится о торжестве христианства на Руси: «кащица разрушаахуса и церкви поста-

вляхуся, идоли съгрушахуся и иконы святых являхуся, бѣси пробѣгаху, крест грады свѣщаше». Ритмическое движение осуществляется здесь за счет того, что синтаксическая структура одного высказывания (подлежащее+сказуемое) повторяется в последующих конструкциях.

Последняя часть «Слова», посвященная восхвалению князя Владимира, крестителя Руси, состоит почти полностью из ритмически организованных пассажей; один из них: «Ты правдою бѣ облѣчен / крѣпостию прѣпоясан / истиною обут / съмыслом вѣчан и милостынею, яко гривною и утварю златоу красуяся. / Ты бѣ, о честнаа главо, нагим одѣние / ты бѣ алчньным кѣрмитель / ты бѣ жаждующим утробѣ охлаждение / ты бѣ вѣдовицам помощник / ты бѣ странным покоище / ты бѣ бескровным покров / ты бѣ обидимым заступник, убогим обогащение». К подобным ритмико-синтаксическим фигурам располагает само содержание произведения, проникнутое патетикой восхищенного удивления перед князем Владимиром, его деятельностью, и картиной происходящих на Руси исторических изменений, что находит выражение в бесчисленных рядах риторических вопросов, восклицаний, эмоциональных обращений: «Кѣто не прославить / кѣ(то) не похвалить / кѣто не поклониться величеству славы его / и кѣто не подивиться бечисльному челоуѣколюбию его».

Нетрудно заметить из приведенных примеров, что последовательный синтаксический параллелизм ряда предложений нередко сочетается с анафорическими повторами («ты бѣ, кѣто»), которые участвуя в ритме, помогают выявить ритмическую структуру и подчеркивают однородность синтаксических единиц, лежащих в основе ритмической прозы.

Ритмически оформлены и те части «Слова о законе и благодати», в которых описывается христианизированная Русь: «*И уже не идолослужители зовемся, но христианин; / не еще безнадежници, нѣ уповающе в жизнь вѣчную. / И уже не капище сътовино съграждаемъ, нѣ христовы церкви зиждемъ...*». Этот текст ритмически организует повторенное в ряду нескольких предложений сочетание «и уже..., но...».

Таким образом, ритмическая упорядоченность речи возникает и тогда, когда параллельные конструкции распространяются не только на целые предложения, но и на части предложений, в данных примерах — на их начала.

Конкретным и простейшим примером начального параллелизма может быть анафора. В «Слове на антипасху» Кирилла Туровского при описании весеннего возрождения жизни вариативная анафора «днесь» — «ныне» выступает в качестве самостоятельного ритмообразующего фактора: «*...нынѣ небеса просвѣтишася., нынѣ*

солнце красуясь к высоту въсходить и радуясь землю огрѣваетъ.,
ныня луна с вышняго съступивши степени болшему свѣтилу честь
подаваетъ., ныня зима грѣховная покаяниемъ престала есть и лед
невѣрия богоразумиемъ растаяся... *днесь* весна красується оживля-
ющи земное естество...».

Ритмическая структура может создаваться также последова-
тельным употреблением глаголов в повелительной форме, что ха-
рактерно для похвалы князю Владимиру в «Слове о законе и бла-
годати». Похвала принимает форму слова, обращенного к умерше-
му, она звучит как магическое заклинание «встать», «возрадоваться»
и «возвеселиться»: *«Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего,
въстани, оттряси сон... Въстани, нъси умерл... Оттряси сон, възве-
ди очи да видиши... Въстани, виждь чадо свое Георгия, виждь ут-
робу свою, виждь милааго своего, виждь, его же господь изведе
от чред твоих; виждь красящааго стол земли твоеи и възрадуися
и възвеселися...»*. Действительно, ритмическая форма похвалы оп-
ределена последовательным движением повелительной формы гла-
гола, связанным иногда с анафорическим повтором («виждь»,
«како»), синтаксическим параллелизмом и рядом однородных при-
даточных предложений. Эффект ритмичности похвалы держится
еще и на том, что каждая императивная (повелительная) форма,
заклучая в себе смысловой логический акцент предложения, ока-
зывается особо выделенной. К тому же синтаксис похвалы прост,
она написана короткими фразами, повторение императива в них
вызывает в сознании узнавание аналога.

Ритмическая структура может быть осуществлена не только
тогда, когда синтаксический повтор охватывает ряд предложений,
но и когда он находится в пределах одного предложения и пред-
ставляет собой не что иное, как параллельное следование однород-
ных членов предложения: *«В минушую недѣлю святыя пасхи
удивление бѣ небеси / и устрашение преисподним, / обновление
твари, / избавление миру, / разрушение адово / и поправление
смерти, / въскрешение мертвым / и погубление прелестныя вла-
сти дьяволя, съпасение же человѣческому роду христовымъ вос-
крешениемъ, / обнищание ветхому закону / и порабощение суботъ, /
обогащение церкви / и въцарение недѣли»* (отрывок из «Слова на
антипасху» Кирилла Туровского).

Древнерусские книжники использовали ритм в целях выделе-
ния, подчеркивания, усиления важной по их замыслу мысли. В
ритме читатель или слушатель получал возможность вернуться к
уже высказанной мысли. Таким образом, ритмически организован-
ная речь выполняла роль эмоционального и логического акцента
в развитии темы произведения. Не случайно поэтому она исполь-
зовалась в древней Руси в торжественном красноречии, в жанре
лирически насыщенном и экспрессивном,

Л. И. САЗОНОВА

В X веке (945—969), когда древнерусское государство переживало эпоху своего становления, киевский престол принадлежал женщине. Княгиня Ольга, жена князя Игоря, растерзанного древлянами, и мать славного воина Святослава, известна в истории своим мудрым правлением. Стремясь возвысить авторитет русского государства, упорядочить его внутренние дела, она первая поняла необходимость просвещения языческой Руси, приобщения ее к византийской культуре.

Русская церковь возвела Ольгу в сан «святой» за историческое событие в её биографии — принятие христианства. В связи с канонизацией её были созданы жития, которые вошли в Прологи — сборники, составленные из различных статей о святых, расположенных по дням года. Жития Ольги рассказывают о путешествии её в Царьград с целью принятия христианства, восхваляют её мудрость, её деятельность как устроительницы русского государства. Перед смертью Ольга завещала сыну своему Святославу «с землею равно погresti ся, а могилы не соуги, ни тризны творити, ни бдына деяти».

Загадочное слово *бдын* (*бъдынъ*, *бдынъ*) давно привлекало внимание исследователей и по-разному было истолковано ими. Большинство из них объясняют слово *бдын* как «языческий надгробный памятник». Различные словари русского языка включают его в свой состав и приводят варианты.

Наиболее подробный и обстоятельный лингвистический анализ этого слова дан в статье И. С. Улуханова «Древнерусское *бъдынъ*» (Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962).

И. С. Улуханов считает, что «... слово было образовано безаффиксным способом от глагола *бъдынити* и означает действие по этому глаголу. Последний в свою очередь образован от глагола *бъдѣти* с помощью суффикса *-ын* (и) *ти*». Если взять данное слово вне контекста, то с выводами И. С. Улуханова невозможно не согласиться. Но... обратимся к контексту.

Выражение «ни бдына деяти» («дыны деяти», «дина деяти», «бды деяти») встречается в проложных житиях княгини Ольги XVI—XVII веков и ни в каких других памятниках не зафиксировано. Для большей убедительности и доказательности приведем найденные нами примеры и расположим их по времени составления Прологов и по типам разночтений в них. Самый ранний найденный нами список жития этого слова не содержит.

Ольга «поживши лет 75 и нача болети и призва сына своего Святислава, заповеда моу погresti ся съ землею равно, а многы не соути, но посла злато къ патриарьхоу Царяграда...» (Пролог XIII—XIV веков). В Прологах XIV—XV веков в этой фразе появляется новое слово: «... а могылы не сыпати, ни тризнъ творити, ни години деяти» (Пролог XIV—XV веков); «...а могилы не сыпати, ни тризна творити, ни години деяти» (Пролог XV века); «... а могилы не забывати, ни години деяти» (Пролог XVI века). В более поздних Прологах это слово читается усеченным, без первого слога: «...ни дина деяти...» (Пролог начала XVI века); «.. а могылы не съсыпати, ни тризнъ творити, ни дыны деяти» (Пролог XVI века). Далее на месте слова *година* появляется слово *бъдынъ* или его варианты: «...а могилы не сути, ни тризна творити, ни бды деяти» (пролог 1562 года); «...бъдына...» (Пролог XVI века); «...бды...» (Пролог XVI века); «... а могылы не соути, ни тризнъ творити, ни бдына деати» (Пролог II половины XVI века). В некоторых Прологах слово *бдын* вообще опускается или заменяется новым, близким по смыслу или начертанию: «... а могилы не сыпати ни едина» (Пролог II половины XV века); «а могилы не соути, ни тризна творити, ни дела деяти» (Пролог XVI века); «...а могилы не сыпати, ни тризны творити, ни плакаться» (Пролог конца XVI—начала XVII веков).

Анализ этого разночтения в проложных статьях показывает, что выражение «ни бдына деяти» появилось в рукописях с XVI века. В Прологах XIV—XV веков встречается «ни години деяти». Самый ранний список жития Ольги вообще не содержит этого выражения.

Некоторые исследователи указывают на наличие варианта «ни дымы(ни)» в списках жития Константина Муромского XVI—XVII веков и при этом отмечают, что «большая часть содержания в них заимствована из сторонних агиографических сочинений» (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития... М., 1915). Одним из таких заимствованных сочинений и было проложное житие княгини Ольги. Автор жития Константина Муромского не случайно обратился к нему. Ведь именно Константин обратил в христианство жителей города Мурома. Он — продолжатель дела Ольги. И, безусловно, сочинение об Ольге служит образцом для автора XVI века.

Заимствование нельзя назвать дословным, буквальным. Автор жития Константина Муромского несколько видоизменил его и дополнил, но не сумел скрыть явного подражания. Сравним: «... а могилы не соути, ни тризнъ творити, ни бдына деати» (Житие Ольги), «...а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но равно с землею, ни тризница, ни дымы(ни), ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедрания, ни плача безмерного не творяху» (Житие Константина Муромского). Таким образом, правильнее считать поздние списки проложного жития княгини Ольги единственным памятником, где употребляется слово *бдынъ* и его варианты.

Нам кажется, что слова *бьда*, *бдынъ*, *дын* возникли в результате ошибки переписчика из слова *година*. Это более раннее и чаще повторяющееся слово. Очевидно, в неясно написанном тексте писец прочел вместо *год* — *бд* и, не вдаваясь в смысл, переписал его в свой текст, слив воедино буквы *г* и *о*. А к XVII веку непонятное слово *бдынъ* стало заменяться другими, вполне понятными и подходящими по смыслу словами, например *плакаться*. Если бы данное слово было в активном употреблении в древнерусском языке и значение его понималось пишущими, не было бы такого большого количества разночтений.

Слово *година* — «время церковной службы и церковная служба» (Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. IV, М., 1977) было исконным в данном разночтении. Ольга просит сына *не сыпать могилу, не творить церковную службу и тризну по ней*, то есть не совершать ни языческих, ни христианских обрядов. И если эта фраза будет принята именно в таком прочтении, тогда понятным станет и сообщение Лаврентьевской летописи о том, что Ольга была похоронена своим священником тайно.

Княгиня прожила христианкою 15 лет. Но близкие ей люди и, в первую очередь, её сын Святослав и дружина его были язычниками. Эта заповедь сыну и просьба похоронить её тайно свидетельствует о чуткости и такте Ольги по отношению к традиционным религиозным чувствам тех, кто её окружал.

З. А. ГРИЦЕНКО
Рисунок С. Гавриловой

СКАЗАНИЕ, СКАЗКА

В произведениях русской классической литературы нередко встречаются выражения со словами *сказание*, *сказка*, которые не всегда нам полностью понятны. Вспомним, что было написано на листе бумаги, который с важностью прочел исправник на обеде у Кирилы Петровича Троекурова:

«— Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой.

В приведенном отрывке из повести А. С. Пушкина «Дубровский» слово *сказка* употребляется в значении 'устное сообщение, заявление о чем-либо представителям власти'. В этом значении оно широко употреблялось в памятниках письменности XV—XVII веков.

В исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» читаем:

Еще одно, последнее *сказанье* —
И летопись окончена моя, —
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному...
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые *сказанья* перепишет...

В современном русском литературном языке *сказание* имеет значение 'один из жанров древнерусской литературы, повествовательное произведение исторического или легендарного характера' (Сказание о невидимом граде Китеже). Это современное зна-

чение мы обычно приписываем слову *сказание* в монологе Пимена — и ошибаемся. В драме А. С. Пушкина речь идет о событиях начала XVII века. А в это время основное значение слова *сказание* было несколько иным — ‘рассказ, сообщение о чем-либо’. Именно в этом значении использовано слово в монологе Пимена. Для сравнения приведем несколько отрывков из средневековых текстов: «се оставльше, о нем (об этом) последи (позже) напишемъ, ныне возвратимся на ино *сказание*: в то время слыти нача (стало слышно) моръ на людехъ и в дальних странах по земли» (Псковская летопись, список XVI века). В своеобразной краткой энциклопедии «Назиратель» (XVI в.), посвященной вопросам сельского хозяйства, читаем: «о местах и о земле [пригодной] к житию человеческому... о плодovitости земли... ныне о том будет *сказание*». Таким образом, в двух знакомых нам с детства отрывках из произведений А. С. Пушкина мы обнаружили следы необычных для нас значений у слов *сказка, сказание*.

В современном русском литературном языке гнездо слов, связанных с глаголом *сказать*, невелико по объему: они имеют одно-два значения (глагол — исключение). В средние века таких слов было больше. Они были, как правило, многозначны.

У слова *сказание*, помимо указанного, имелось значение ‘объяснение, толкование, смысл’. Например, в тексте XVI века так высказана просьба монаха истолковать смысл одного из непонятных выражений церковного текста: «Какое *сказание* имеет: господь созда мя (меня) в начале пути своего».

Слово употреблялось и в значении ‘учение, мнение относительно чего-либо’, например: «Анафема ж, по *сказанию* святых, отлучает человека всякого от бога и прилагает его дияволу» (Послание Иосифа Волоцкого, XVI в.).

В книге XVII века «Гражданство обычаев детских», излагающей в виде вопросов и ответов нормы поведения в обществе, написано: «Вопрос: Подобаесть ли смеяться без некия достойныя вины [причины]? Ответ: Ни мало, но аще что таковое начнется, вину смеха *сказати*, аще же не годна будетъ *сказанья*, тогда нечто иное (вы)мысливъ приложити». Здесь *сказание* — ‘произнесение’, а вся цитата может быть переведена следующим образом: «Вопрос: подобаесть ли смеяться без причины? Ответ: нет, но если начнешь смеяться, о причине смеха следует сказать; если же нельзя о ней сказать, тогда следует придумать что-либо другое».

Слово *сказка* также имело много значений в XI—XVII веках.

В значении ‘рассказ, сообщение’ (как и *сказание*) оно встречается в «Повести о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (XVII в.): «Некоторому мужу... явился видение во сне и той мужь то видение сказалъ Благовещенскому протопопу Те-

рентью. И по его *скасам* Терентей писалъ у него, и то письмо написалъ, да отдалъ патриарху, да и царю сказывалъ».

В «Дневальных записках приказа тайных дел» (XVII в.) читаем: «Въ четвертом часу дня о государеве походе на службу всякимъ людемъ была *скаса*». Здесь *скаса* — «оглашение, объявление (распоряжения)». Употреблялось слово и в значении «приговор, решение суда»: «И по сему великихъ государей указу Федка Шакловитой, Оброска Петровъ, Куземка Чермной казнены смертию... А у казни и у наказанья имъ *сказки* были таковы...» (Разыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, 1689).

Памятники старой русской письменности XI—XVII веков не засвидетельствовали современные значения слова *сказка* — «произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием мифических существ» и «выдумка, небылица». Как видим, изменения в значениях слов произошли большие.

В заключение приведем два отрывка из произведений А. С. Пушкина и попробуем определить, какие из перечисленных древних значений современники Пимена приписали бы рассмотренному нами слову *сказка*:

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил...

Руслан и Людмила

...Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

Модарт и Сальери

По-видимому, современники летописца Пимена приписали бы слову *сказка* в этих отрывках одно и то же значение — «рассказ, сообщение». Однако, если в первом отрывке это слово имеет значение «произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием мифических существ», то во втором — «выдумка, небылица».

Происшедшие за последние полтора столетия изменения в значениях слов не всегда нами осознаются, поэтому некоторым словам из классических произведений русской литературы мы иногда приписываем не те значения, которые они имели для поэта или писателя, а также для его современников.

О. В. МАЛКОВА

Рисунок В. Толстоногова

С.К.

ГАДАНИЕ

Корень *гад(ать)* в современном языке образует довольно большое словарное гнездо: *гадать, гадание, отгадывать, угадывать, предугадывать, загадать, загадка, догадаться, догадка* и др.

Древнейшее значение глагола *гадать* — 'думать, размышлять, раскидывать умом, полагать'. В этом значении употребляется он в древнерусских памятниках письменности. Вот несколько примеров из Ипатьевской летописи в записях XII века: «*Гада* Игорь с дружиною, куды бы переѣхати полкы Святославль» (1185 г.); «ныне же, брате, *гадаи* о семь, *гадаи*» (1151 г.). В записи 1195 года приводится обращение князя Рюрика с братьями к князю Всеволоду: «А ты, брате, в Володимери племени старѣи еси насъ (то есть ты — старший в роду), а думаи *гадаи* о Руской земли и о своей чести и о нашей». Два глагола — *думать* и *гадать* — стоят рядом, здесь они синонимы. Этим объясняется частое их соседство и в языке позднего времени:

Стали думать да гадать,
Как бы вора соглядать.

П. П. Ершов. Конек-горбунок

Отглагольное имя существительное *гадание* 'думание, размышление' прямо связано со значением глагола. Кроме того, *гаданием* называли любое иносказание, рассказ или высказывание со скрытым смыслом. Словарь XVII века, так называемый «Алфавит», приводит такое значение: «*гадание* разумѣается притчею речен-

ное слово, еже есть сокровен (то есть скрыт) глаголь». *Гадание* предполагает истолкование, разгадывание и по своей сути представляет собой загадку. Интересно сравнить приведенное определение слова *гадание* в «Алфавите» с современным определением слова *загадка* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (издание 11-е): «Загадка... Изображение или выражение, нуждающееся в разгадке, истолковании». Оба определения дают полное представление о гадании-загадке, как о выражении со скрытым смыслом, нуждающемся в разгадке. «И отверзу многогръшний уста своя, и не въ притчахъ и гадании, но... явственъ... предложу слово», — читаем в памятнике XV века (Великие Минеи-Четьи). Сравните современные выражения: *говорить загадками* и *говорить ясно и недвусмысленно*.

В прошлом гадания-загадки были очень популярны: они служили для оживления беседы, с их помощью показывалась мудрость спрашивающего, проверялась сообразительность отвечающего. «И тогда отвѣщаеши въпросу моему, — говорит фараон Акиру. — Аще ли не утониши (то есть не отгадаешь) гаданий моих, тогда предамъ тѣло твое птицамъ небесным и звѣремъ земным» (Повесть об Акире Премудром, XI—XII века).

С XV века вместо слова *гадание* в этом значении начинает употребляться *загадка*, оно и становится со временем единственным наименованием как для короткого иносказания, употребляемого в целях забавы, так и для явлений со скрытым смыслом: «Отгадаи ми *загадку*, что яз тебе загану, аще ли ту отгадаеши, и азъ тебѣ другую загану» (Сборник XVII века. Слово купца).

Слова *гадати*, *гадание* употреблялись и в значении 'ворожба, особое колдовство, связанное с предсказаниями будущего или объяснением неизвестного'. Стремление человека заглянуть в будущее, предугадать его породило в древности много способов гадания и особую «профессию» гадателей. С появлением христианства гадание стало считаться «безбожным», «дьявольским» делом. Но несмотря на преследования церкви, волхвы, кудесники, гадатели продолжали «смущать» людей.

Одно из ранних упоминаний о кудесниках-гадателях есть в Повести временных лет под 1071 годом. Рассказывается, что два кудесника ходили по селам, гадая, обирали людей. Однажды ночью «медвѣдь влѣзь угрызъ я (то есть их) и снѣде (и съел)». Далее летописец замечает уже с явной иронией: «Ипѣмъ вѣдуща и гадающа, а своя пагубы не вѣдуща. Аще быста вѣдала, то не бы пришла на место се, идѣже ятома быти (другим вещали и гадали, а своей гибели не знали: если бы знали, то не пришли бы на то место, где им съеденными быть)».

Это первый век христианства на Руси. А вот что писал неиз-

вестный автор XVII века о Василии Шуйском: «овогда бога помощника себе творя, овогда же с чародѣи бытие свое познавая, и гаданиемъ суетнымъ и безвѣстнымъ (то есть невежественным) вдаше себе, яко же внаученъ бысть гаданию» (Памятники Смутного времени). Как видим, родовитый боярин, а потом царь, безусловно, грамотный для своего времени человек, не только пользуется услугами гадателей, но и «внаучен» гаданию.

Говоря о гадании, вообще о суеверии наших предков, все-таки будем к ним справедливы, не стоит преувеличивать их невежество. Вера в приметы, заговоры, гадания, возможно, и в ранние века не для всех была убеждением, а находилась где-то на грани шутки, забавы и житейской осторожности («а вдруг правда»).

Так, гадания под Новый год хорошо известны нам по литературе XIX века, сказкам, рассказам деревенских бабушек. И в более старое время им, возможно, не придавали особого значения, а отнесли как к игре, развлечению, таинственность которого придавала ему дополнительную прелесть.

К таким же досужим занятиям относится гадание по книге. В романе В. Каверина «Перед зеркалом» мы встречаем упоминание о гадании по книге. Лиза в смятении и тоске пришла в гостиницу. «Она наудачу раскрыла книгу. „И не будет в тебе ни звуков играющей арфы, ни поющего голоса...— прочитала она.— И не будет в тебе ни художника, ни художества, и шума жерновов уже не будет более слышно в тебе“. Какое предсказание! „Так будет же“,— подумала она упрямо... Она раскрыла книгу в другом месте, загадав теперь не на себя, а на Костю...».

Обычай гадать по книге очень старей. Свидетельства о нем встречаются в памятниках XII века. Владимир Мономах рассказывает в своем Поучении к детям. Как-то пришли к нему послы от братьев, предлагая выступить вместе против Ростиславичей. Владимир же был связан с Ростиславичами крестным целованием и не согласился на предложение братьев. Отказав им, он не был спокоен и задумался о будущем. Отпустив послы, он взял псалтырь, раскрыл наудачу, и вот что ему «выняся» (то есть вынулось): «въскую (то есть напрасно) печалуеши, душе, въскую-смуцаеши мя». Он принял эти слова как голос утешения.

При гадании по книге, естественно, требовалось понимание того места, которое «выпало», «вынулось». Объяснения нередко записывались на книгах, по которым обычно гадали. И. И. Срезневский приводит такую книгу: пергаменную Псалтырь XIV века.

Гадание по книге, непосредственно не связанное с древним язычеством, тем не менее выдержано в его духе. Гадание по церковным книгам — любопытный пример того, как старые обычаи принаравливались к христианству.

При гадании часто употребляется глагол *вынутися*: «ему вынися» значит «ему вынулось». Тот же глагол видим в старинной песне: «...кому *вынется*, тому сбудется, Тому сбудется, не минуется». В так называемой Мирной грамоте новгородцев с немцами при князе Ярославле (1199 г.) читаем: «Оже тяжа (то есть тяжба) родится бес крови, снидутся послуши (то есть сойдутся свидетели) ...то вергутъ (то есть 'бросят, кинут'; ср. современные глаголы *свергать*, *низвергать* — буквально 'брасывать, скидывать') жеребее: кому *ся выимьтъ*... свою правду възмутъ».

Здесь упомянуто слово *жеребеи*, в памятниках чаще встречается в церковно-славянской огласовке — *жребий* (*жрѣбии*). В текстах оно сочетается только с глаголами, обозначающими конкретное действие: «вынется жребий», «падетъ жребий», «вергутъ жеребей», «мечемъ жребий», то есть 'бросим, кинем' (ср. современные *метать гранату*; *метание диска*, *сваряда*). В древнерусских переводах с греческого слову *жребии* соответствует греческое слово в значении 'скорлупа, раковина; черепок, осколок'. Вероятно, осколок, часть какого-либо предмета и применялись в древности в качестве жребия.

Со временем менялся предмет, используемый в качестве жребия, изменялись способы жеребьевки, но выражения *метать жребий*, *бросить жребий*, *пал жребий* или просто *ему выпало*, *ему вынулось* долго сохраняются в языке. Даже современное литературное *жребий* в отвлеченном значении 'участь, доля, удел, судьба'

сохраняет древнейшую сочетаемость: *пал, выпал жребий* (мне выпала судьба, ему выпало на долю и т. д.).

Метание жребия в древней Руси было обычным способом решения многих дел и вопросов. В летописи под 983 годом, еще в пору язычества на Руси, описывается случай жертвоприношения человека: «Мечемъ жребии на отрока и дѣвицю: на него же (то есть на кого) падеть, того зарѣжемъ богамъ. Бяше варягъ единъ... и бѣ у него сынъ красенъ (то есть красив) лицомъ и душею, на сего паде жребии... И рѣша (то есть сказали) пришедше послании к нему, яко паде жребии на сынъ твой... да створимъ потребу (то есть жертву) богамъ» (Повесть временных лет).

Часто жребием разрешали судебные тяжбы, вопросы наследства, сердечные проблемы: «врѣже (верже, то есть кинул) Всеславъ жребии о дѣвицю себе любу» (Слово о полку Игореве).

Иногда по жребию выбирали должностных лиц, определяли границы земель, то есть решали вопросы общественного значения. Так, в 1229 году новгородский князь Михаил предложил новгородцам выбрать городу и прилегающим к нему землям владыку (то есть епископа). Мнения новгородцев разделились: одни называли дьякона Спиридона, другие — Осафа, третьи — Грецина. Тогда князь предложил: «да положимъ (в церкви на престоле) 3 жрѣбья, да которыи богъ дастъ намъ. И положиша на святѣи трапѣзѣ, имена написавшѣ... и выися (то есть вынулся) Спиридонъ» (Новгородская I летопись по Синодальному списку).

Н. В. ЧУРМАЕВА

Рисунки С. Газриловой

Продолжение следует.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, № 1—6; 1977, № 2—6; 1978, № 1—5

Поливанов. Возможны два объяснения: отчество от тюркского мужского имени Палван (из иранск.); отчество от имени Поливан — результат искажения непонятого канонического мужского имени Полиен (древнегреч. 'многохвальный'), переосмысленного по звуковому сходству с русским глаголом *поливать*. См. также Полуянов.

Поликарпов. Отчество от канонического мужского имени Поликарп (древнегреч. 'многоплодный').

Поликаров, Поликашин, Поликушин. Отчества от форм Поликар, Поликаша, Поликуша, производных из канонического мужского имени Поликарп.

Политов. Отчество от просторечной формы Полит из канонического мужского имени Ипполит (древнегреч. 'коня распрягающий').

Половников. Первоначально отчество 'сын половника', связанного не с наименованием утвари (небольшой разливальный ковшик), а с обозначением феодально-зависимого крестьянина (XVII—XVIII вв.), работавшего на чужой земле и отдававшего владельцу значительную часть

урожая (половину или больше).

Полубесов. Отчество от прозвища Полубес, значение которого можно только предполагать — нарицательное *полубес* ускользнуло от записи и лишь фамилия, документированная в селе Красное (Епифанский уезд Тульской губернии, 1900 г.) свидетельствует, что оно существовало.

Полуектов. Отчество от повседневной формы Полуект из канонического мужского имени Полиевкт (древнегреч. 'долгожданный', буквально 'многожданный') с частичным переосмыслением, как *полуклиника* вместо *поликлиника*.

Полуешкин. Отчество от уничижительной формы Полуешка из канонического мужского имени Полиевкт. Фамилия документирована в селе Бахметьево (Епифанский уезд Тульской губернии).

Полукарпов. Отчество от формы Полукарп из канонического мужского имени Поликарп (см. Поликарпов).

Полуянов. Отчество от преобладавшей в России формы Полуян из канонического мужского имени Полиен (см. Поливанов) с частичным переосмыслением непонятого

имени, как и в фамилиях Полуектов, Полукарпов.

Поляков. Отчество от именования *поляк*, которое в Московской Руси XVI—XVII веков означало не национальность, а подданство Польско-литовскому государству. Слово *поляк* означало 'житель этих территорий' (как и *пан*). Поэтому фамилия у русских очень часта и распространена широко.

Понтягин. Отчество от *портняга* 'портной' (форма засвидетельствована многократно), зафиксирована и фамилия Портнягин. Перемещение *р* вызвано позиционной избирательностью этого согласного: в русской речи *р* предшествует согласному значительно реже (11%), чаще следует за ним (41%) (см.: В. А. Никонов. Фоностатистическое измерение междуязыковых расстояний. Сб. «Исследования по фонологии». Институт русского языка АН СССР, М., 1966). Сегодня эту фамилию носят несколько семей в Москве.

Попов. Одна из самых частых фамилий, в России особенно на севере страны. Подсчет фамилий в Архангельской губернии (1897 г.) показал небывало высокую частотность — 20 Поповых на тысячу человек. В Москве (1964) 30 тысяч Поповых. Первоначально *попов* означало: 1) отчество — сын священника; 2) отчество — сын Попа, от прозвища Поп; из документов XV—XVII веков: крестьянин Сенка Поп, донской казак Михайло Поп и т. п.; 3) работник у попа — *попов* работник.

Попышев. Отчество, по-видимому, от прозвища Попыш 'запыхавшийся', в Словаре В. И. Даля приведены *попыш*, *попышка* 'одышка от быстрого движения', не вполне исклю-

чено *попыш* в значении 'попович', то есть сын попа.

Поршнев. Фамилия связана не с термином *поршень* 'деталь, часть механизма', а с диалектным (северным, уральским, сибирским) *поршни* 'род обуви из кожаных лоскутов, по форме сходной с лаптями'. *Крестьяне косили на болоте в поршнях* (см.: Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1939).

Поскребышев. Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Поскребыш, которое давали позднему ребенку пожилых родителей; оно могло возникать и минуя ступень отчества — как обозначение живущего впроголодь.

Поспелов. Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Поспел. «Словарь русских фамилий» Ю. А. Федосюка сообщает, что «в духовных семинариях фамилией этой часто награждались великовозрастные ученики». Но достаточно открыть «Словарь древнерусских собственных имен» Н. М. Туникова, как встречаются десятки людей с именем Поспел по документам XVI—XVII веков, то есть и задолго до семинарских фамилий и вне духовенства: конный казак Поспел Голубин — 1598 г., сольвычегодский крестьянин Поспел Нечков — 1585 г. и другие. Имя Поспел могли давать и тем, кто достиг зрелого возраста и, по-видимому, при рождении: *попеть* не только 'созреть', а и 'успеть', 'попасть вовремя'.

Постовалов. Отчество от прозвища Постовал и диалектного глагола *постовать* 'соблюдать посты, поститься'. Фамилия легко переосмысливалась по звуковому сходству со словом *пусто*, поэтому чаще

встречается в форме Пустовалов.

Потёмкин. Польский шляхтич Ян Потембский в начале XVI века переехал в Московское государство. По созвучию с русским словом *потёмки* его фамилия превратилась в Потёмкин. Его наследники в XVII веке владели тысячами крепостных крестьян во многих частях страны. С падением крепостного права правительство вынуждено было присвоить фамилии всем бывшим крепостным, которым в ряде местностей записали фамилии владельцев. Появилось немало крестьян с фамилией Потёмкин.

Потехин, Потешкин. Отчество от нецерковного мужского имени Потеха, нередкого в России XV—XVII веков. Отчество от его уменьшительной формы Потешка стало фамилией Потешкин, по переписи 1897 года несколько семей с этой фамилией записаны в селе Чиндяново (ныне Дубенский район Мордовской АССР).

Прасолов. Отчество от именованя отца *Прасол* из нарицательного *прасол* — 'развезжий скупщик скота, рыбы и других товаров для перепродажи'; в говорах Приднепровья оно приобрело значение 'скупой'.

Пржевальский. Фамилия польского происхождения — из глагола *przewalać* 'переворачивать', также 'переваливать через горы'. В польском языке мягкое *p* в XIV веке заменено на *ж*, но написание сохранило промежуточную ступень (*pre* — *prze*), фамилия сохранила и другие типичные признаки польского происхождения: скопление согласных, ударение на предпоследнем слоге, суффикс *-ski*.

Приведёнышев. Отчество от именованя отца: *приведёныш*

в сибирских говорах — 'ребенок от предыдущего брака матери'.

Пришвин. Фамилия связана с нарицательным *пришва* — 'часть ткацкого станка, передний валик'. Но в каком значении слово стало прозвищем? Может быть, причина в народном сравнении, о котором упоминается в «Кратком ярославском областном словаре» Г. Г. Мельниченко — «Голова как *пришва*», то есть гладкая, голая. Тогда прозвище *Пришва* могли дать лысому (или бритому) человеку. Возможна другая основа — *пришвы* в говорах — 'вид обуви, головки к сапогам, наставки к одежде'.

Прозоров. Отчество от нецерковного мужского имени Прозор, исходное значение которого 'проницательный, предвидящий' (сравни литературное *прозорливый*).

Прокудин. Отчество от прозвища Прокуда. В диалектах *прокуда* — 'проказник, изворотливый, предприимчивый'.

Прокиин. Отчество от формы Прокша из канонических мужских имен Прокофий, Прокл, Пров.

Проскурин, Проскурников, Проскуряков. Фамилии связаны с устаревшим словом *проскура*, которое сохраняли многие диалекты, в литературном языке — *просфора* (ритуальный церковный хлебец).

Протасов, Протасьев. Отчества от канонического мужского имени Протасий (древнегреч. 'передний'). Так как имя чаще употребляли в повседневной краткой форме Протас, то и фамилия Протасовы встречается чаще, чем Протасьевы.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение в следующем номере

НЕПРЕХОДЯЩИЙ

Читатель Л. Я. Горденин (г. Дзержинск Горьковской обл.) просит разъяснить значение слова *непреходящий*, «которого нет в словарях».

Действительно, в словарях не вполне последовательно приводятся слова с отрицательной приставкой *не-*, значения которых полностью выводятся из соответствующих слов без отрицания. Так, например, в 4-томном «Словаре русского языка», как и в ряде других словарей, наряду со словом *подходящий* («в знач. прил. Такой, какой нужно, отвечающий каким-л. требованиям, условиям...») дается соответствующее слово с отрицательной приставкой: *неподходящий* («такой, который не подходит для кого-, чего-л., не соответствует чему-л.; негодный»); наряду со словом *куращий* («в знач. прил. Такой, который курит») находим слово с отрицанием: *некуращий* («Такой, который не курит») и т. п. Однако среди подобных слов ни в этом, ни в других словарях современного русского литературного языка мы не найдем, например, интересующего нас слова *непреходящий*, хотя оно не выпало из употребления.

Большинство словарей ограничивается помещением слова *преходящий*, давая примерно следующее толкование: 1. *Прич. наст. от переходить* (устар.); 2. *В знач. прил. Книжн.* «Такой, который скоро проходит; временный, недолговечный». Книжный глагол *преходить* давно устарел, но действительное причастие настоящего времени от него, употребляемое в качестве прилагательного, сохранило свою жизнь в литературном языке до наших дней.

Как известно, настоящее время глагола может обозначать и действие сиюминутное, и действие вневременное, являющееся как бы постоянным признаком субъекта: солнце *светит* (теперь, всегда). Поэтому и действительные причастия настоящего времени *-щий* обозначают лишь вневременное свойство, свободно развивают качественные значения и переходят в прилагательные, ср.: *блестящий* камень, *лающий* кашель.

Уже в памятниках древнерусского языка рядом с действительными причастиями прошедшего времени, употребленными в их прямом значении, мы встречаем эти формы, употребленные в ка-

честве прилагательных. Например, в значении причастия: «а азъ... на мѣсто от мѣста преходящи. и въ храмину от храмины... да почию. от троудъ и страстии» (Успенский сборник, XII—XIII в.); а наряду с этим в значении прилагательного: «о(т)че фѣодосѣе преходящая претекль еси (все временное прошло. — Н. З.)... // ...моудро прищель еси въ бл(а)готишное пристанище» (Киево-Печерский патерик, 1406 г.).

Особенно легко становились прилагательными причастия настоящего времени с приставкой *не-*, обозначающие признак, противоположный тому, который выражен в форме без приставки. Если формы без *не-* употреблялись и как причастия от соответствующего глагола, и как прилагательные, то формы с приставкой *не-* выступали только в роли прилагательного (в противном случае они могли быть поняты лишь как причастия настоящего времени с отрицательной частицей *не*). Употребление отрицательной приставки подчеркивало становление прилагательного — носителя постоянного признака, в данном случае — антонимического, противоположного признака.

Приведем древнейшие примеры, свидетельствующие о развитии подобных прилагательных в древнерусском языке: «и временнымъ симъ наслаженьемъ непреходящихъ бл(а)гъ онѣхъ лишитися наслаженья» (Житие Варлаама и Иоасафа, XIV—XV в.); «получити бесконечнаго и непреходящаго цр(с)тва» (там же).

Как видно из примеров, отрицательная приставка *не-* придает слову *преходящий* 'временный, недолговечный' противоположное значение, то есть *непреходящий* — это 'долговечный, постоянный'.

Прилагательное *непреходящий* употребляется в таких случаях, когда надо подчеркнуть неизменную значительность, постоянность чего-либо. Например: «... с еще большей ответственностью нужно подходить к охране авторских прав великих классиков[...], чтобы созданные ими непреходящие ценности могли дойти в оригинальном звучании до грядущих поколений» («Советская культура», 10 февраля 1978); «Непреходящий фактор» (название статьи в «Правде» от 7 апреля 1978); «У всех философов преходящей оказывается как раз „система“, и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия» (Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии). В таком же значении употреблено слово *непреходящий* и в речи Л. И. Брежнева 18 января 1977 года в Туле: «Жизнь, описанная Львом Толстым, ушла в прошлое, но его произведения вечны, ибо вечны, непреходящи движения ума и сердца, так гениально изображенные им».

Н. П. Зверковская

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1978 год

Хартия страны развитого социализма	1
Авилова Н. С. Лексика поэзии А. И. Одоевского	2
Бакина М. А. Словотворчество Н. Асеева	2
Басни и сказка Льва Николаевича Толстого	2
Белевцева Н. П. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева (по залам музея «Мураново»)	6
Бельчиков Ю. А. Комплексное исследование проблем культуры русской речи	4
Бирюков Ф. Г. Советская проза 30-х годов	5
Бландова Н. Г. «В правде сила таланта»	4
Блюм А. В. Орфография и царская цензура	1
Бондалетов В. Д. Научно-техническая революция и язык	3
Бояринцева Г. С. «Герой нашего времени» (языковые контрасты)	2
Брагина А. А. Старое — новое в лексике (солдат — ефрейтор — сержант)	1
Брагина А. А. Об одном языковом приеме Льва Толстого	4
Брагина А. А. Новая жизнь старых слов	6
Бублейник Л. В. Синонимы в поэзии С. Есенина	5
Букчина Б. З. Золотканый и соединительнотканый	1
Бурцева В. В. Профессиональная лексика в толковых словарях	3
В. П. Новый словарь о новых словах	1
Валгина Н. С. Что такое авторская пунктуация?	1
Валгина Н. С. Стилистическая роль знаков препинания в поэзии М. Цветаевой	6
Варик Л. А. Сад	5
Василевская Е. А. «Вспоминайте Толстого...»	4
Виноградов С. И. Отвечает «Служба языка»	4, 5, 6
Виноградов С. И., Редькин С. В. Конституция	5
Виноградов С. И., Скворцов Л. И. Заметки на полях	3

Волынская Н. И. «Многое в немногих словах»	3
Воронцова В. Л. Стажироваться или стажироваться?	3
Галманова М. А. Голос за мир на земле	3
Галманова М. А. Всегда — событие	4
Герасимов Г. И. Снежно-белый, изумрудно-зеленый	2
Гибет Е. И. Писатель-наставник	4
Гладышева Л. А. Из искры возгорится пламя	1
Гладышева Л. А. «Гладко вписано в бумаги...»	2
Гладышева Л. А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»	6
Голованевский А. Л. О языке большевистских листовок	6
Горбаневский М. В. Новые названия в Подмосковье	4
Горбачевич К. С. Какого рода <i>чунáми</i> ?	2
Горбачевич К. С. Из «тайной канцелярии» А. П. Чехова	5
Граудина Л. К. Организовать — организовывать	4
Григорьева А. Д. «Золотые искры» поэта	6
Грихин В. А. «Извитие словес» у Епифания Премудрого	4
Гриценко З. А. Загадочное «бъдынъ»	6
Даниленко В. П. О языке научной прозы	5
Демьянов В. Г. Имена и фамилии иностранцев в русском языке XVII века	3
Джафарова Н. А. Бесперывный — непрерывный, беспрестанный — непрестанный	2
Добродомов И. Г. Язык исчез — слова остались	1
Добродомов И. Г. <i>Дуван и диван</i>	2
Довгалло Г. И. Собрание рукописных книг и библиотека Н. С. Тихонравова	1
Долин Ю. Т. Единого слова ради	3
Дробчик И. А. Мастер пейзажа	3
Дылюк Е. В., Гуревич А. И. Русский язык во Франции	1
Дымский А. С. Заграница	4
Еремина Л. И. Свет как символ и реальность в романе Л. Толстого «Анна Каренина»	1
Еремина Л. И. Сопоставление в произведениях Льва Толстого	4
Еремина Л. И. «В слове открывается мир...»	6
Еськова И. Б. Праздник юности и дружбы	6
Жижина А. Д. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы»	5
Жуковская Л. П. Ученый, исследователь, пропагандист	5
Иванова Н. Н. О традиции в современной поэзии	2
Иванова Р. Я. Наука любви и ненависти	3
Иванова В. Ф. Декрету о реформе орфографии — 60 лет	5
Иванищев С. И. Терминология горного дела	1
Ицкович В. А. Вокзал	4
Ицкович В. А. В поисках единственного названия	6

Калакуцкая Л. П. О склонении некоторых фамилий в русском языке	6
Кершиене Р. Б. Жизнь, отданная науке	3
Киндякова Е. Н. Основные вехи жизни и творчества (по залам литературного музея Л. Н. Толстого)	4
Ковалев В. А. Первая статья В. И. Ленина о Л. Н. Толстом	5
Кожин А. Н. Лев Толстой и русское слово	1
Кожин А. Н. О возвышенном — просто	3
Кожин А. Н. Емкость толстовского слова	5
Комиссаров Л. А. Ленинские заглавия: простота, точность, выразительность	2
Кондратьев А. Т. Выдающийся математик о языке	5
Костомаров В. Г. Кинофестиваль в Канне или в Каннах?	2
Кременская И. К. Роль плана в сочинении	2
Кротова В. Н. Как называют любимых	4
Крыжановский Л. Н. Слова — «гибриды»	5
Кузнецова О. Д. Заповедные говоры Пинежья	2
Кузьмин А. И. Художественное слово в военной поэзии классицизма	1
Ланский Л. Р. «Прототип» герценовского стиля	3
Лапшин М. А. Писатели и поэты о Великой Отечественной войне	3
Лизунов В. С. В интересах сотрудничества и добрососедства	5
Лопатин В. В. Прилагательные от собственных имен	5
Малкова О. В. Сказание, сказка	6
Манаев И. С. Лубок в романе «Война и мир»	4
Маринчак В. А. «Самовитое слово» В. Хлебникова	2
Мирославская А. Н. Словесный портрет в Древней Руси	5
Миськевич Г. И. В. П. Даниленко. Русская терминология	3
Мокиенко В. М. Куда кривая вывезет	2
Мокиенко В. М. Комар носу не подточит	3
Мокиенко В. М. Шефе (подшофе)	4
Молдован А. М. Древнерусский писатель Иларион	5
Морозова С. Е. Открытие музея А. А. Потемки	2
Морозова С. Е. Всесоюзная конференция «Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков»	3
Морозова С. Е. М. Г. Булахов. Восточнославянские языковеды	5
Моськина Е. В. Как называют ткани	5
Мурзаев Э. М. Вбклена и кала	4
Небольсин С. А. Черный вечер — белый снег (о стиле поэмы А. Блока «Двенадцать»)	6
Неженец Н. И. Судьба «Рябины»	3
Нестеров М. И. Речевой колорит эпохи в рассказах дяди Гиляя	6

Николаева В. В. Лев Толстой — детям	3
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1—3, 5, 6
Никонов В. А. Ответы на письма читателей	4
Обзор писем читателей; Слово читателю	2
Овчаренко О. А. Свободный стих и верлибр	4
Одинцов В. В. Приемы «срывания масок»	4
Осипов Б. И. Как ставили знаки препинания в Древней Руси	2
Панькин В. М., Филиппов А. В. Слова-символы в русской поэзии	2
Попов А. С. Выдающийся советский языковед	4
Поспелов Е. М. Масштаб и масштабный	2
Практикум по стилистике	1—3
Преображенская М. Н. Литературный памятник героям XVII века	5
Прокопович Е. Н. Формы будущего простого в речи	5
Протченко И. Ф. М. В. Ломоносов и его труды об изучении и преподавании отечественного языка	1
Протченко И. Ф. Русский язык — язык дружбы и братства, просвещения и культуры	6
Прохорова В. Н. Блаженный: счастливый или глупый?	5
Пугач С. А. Оживление внутренней формы слова	2
Пылакина О. А. Партия	2
Ревенская Н. А. Первый юбилей	2
Ревенская Н. А. Движение вперед	6
Рогова К. А. Заметки о стиле А. Герцена	1
Розанова Н. Н. Можно ли говорить «крупными словами»?	3
Савенкова Л. Б. «Записки охотника». Роль метонимии	6
Сазонова Л. И. Особенности старинного красноречия	6
Сендровиц Е. М. От чертежа к карте	1
Сергеев Ф. П. Аудиенция. Визит	1
Сергеев В. Н. Малиновый звон	4
Сетин Ф. И. «О семи частях слова»	3
Сидоренко К. П. Фразеологизмы терминологического происхождения	3
Сидорова Н. П. Как поют птицы	3
Сияльская П. С. Пунктуация при оборотах с союзом как	3
Соловей Н. Я. Сравнивая рукописи	3
Солодуб Ю. П. Красная девица и свой парень	1
Суперанская А. В. Веверлей и история его имени (о написании иноязычных собственных имен)	2
Сулова А. В., Суперанская А. В. Выбор имени новорожденному	5
Сухова Н. П. Лирическая поэтика Фета	1

Тамахин В. М. Поэтика шолоховского слова в «Тихом Доне»	5
Тоболова М. П. «Части речи» и «члены предложения»	3
Тот Имре. Изучение восточнославянских языков в Венгрии	1
Урусилов А. У. Хотон	2
Федосов В. А. Русские пословицы о языке и речи	3
Фигуровский И. А. Язык семьи единой	3
Филатов В. А. Слова диалектного происхождения	5
Филиппов В. С. Водевиль	3
Хан Е. Н. Стилистическая палитра Н. М. Языкова	5
Харпалева В. Ф. Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк	2
Харченко В. К. Изобразительные средства в прозе А. А. Бесгужева-Марлинского	2
Храпченко М. Б. Лев Николаевич Толстой	4
Ходакова Е. П. Почта	5
Царева Л. И. Названия луны в русских народных говорах	4
Чельцова Л. К. Некоторые случаи употребления прописных букв	4
Чурмаева Н. В. Гадание. Жребий	6
Шанский Н. М. Русский язык в коммунистическом воспитании молодежи	4
Шевлякова Е. Д. Об использовании Лепиным фразеологизмов	2
Шелгунова Л. М. «Железный поток» А. С. Серафимовича	1
Шешуков С. И. Традиции Л. Толстого в творчестве А. Фадеева	1
Шипулина Г. И. Экспрессивность заголовков	1
Шкатова Л. А. О названиях профессий	2
Шмелев Д. Н. О переносных значениях слов	3
Штурмин Н. Е. Ему не до шуток	1
Шумилов Н. Ф. Фразеологический оборот в современном фельетоне	4
Щепин А. Г. О лексической контаминации	5
Этерлей Е. Н. «С цветущих лип знакомый аромат...»	5
Яковлев В. Я. «Спасибо тебе, Волгоград!»	4
Янко-Триницкая Н. А. Демисезонный — семисезонный	4
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Бейка	2
Валенки	5
Герлыга	3

Город в городе	1
Жатка	4
Жертва вечерняя	1
Заговор — палиндром	3
Заразительный — заразный	3
«Кто старое помянет, тому глаз вон»	5
Любовей — любвей	3
Москва слезам не верит	3
Непреходящий	6
О двойных согласных типа <i>Донбасстрой</i>	1
О правописании названий типа <i>Москва-товарная</i>	2
Освободить вагоны — выйти из вагонов	1
«Пожалей, моя зазнобушка, Молодецкого плеча»	5
Правописание сокращений типа <i>НИИОгаз</i>	4
Сачковать	1
Хамовники	4
Числовое и цифровое	3
Эники-беники ели вареники	1

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

И. о. зав. редакцией С. Т. Парсаданян
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беллев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 11.08.78. Подписано к печати 25.10.78. Т-18339
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72 Уч-изд. л. 8,9
Бум. л. 2,0. Тираж 80 000 Зак. 803
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-6525

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10